

*IKKE FOR Å
SKRYTE, MEN Æ E
FRA GAMVIK*

*NOT TO BRAG,
BUT I AM
FROM GAMVIK*

*НЕ БУДУ
ХВАСТАТЬСЯ, НО
Я ИЗ ГАМВИКА*

Dette er et portrett av et fiskevær

Bor du i Gamvik? Har du noen gang vært i Gamvik? Hvordan fikk du vite om Gamvik?

Et fiskevær på finnmarkskysten, ved Nordishavets bredder, er noe av det nærmeste vi i Norge kommer det vi kan kalle en landsby. Det er et lite men likevel komplekst samfunn. Her ser vi tydeligere enn de fleste steder hvor avhengige vi er av hverandre og av naturen.

I vårt fiskevær har folk levd av havet i generasjoner. Vårt ansvar er å knytte bånd mellom fortiden og framtidens havfolk. Vi må lære oss å høste av tidligere tider erfaringer og kunnskap og møte nye utfordringer med nye løsninger. Vi ønsker å koble oss til relevant forskning og praktisk erfaring for å styrke vår mulighet til å utvikle fiskeværet Gamvik.

Gamvik museum og Kulturdugnad Gamvik forvalter den lokale historien her i Gamvik. Kulturarven og våre tradisjoner er selvsagt vårt grunnmateriale. Vi ønsker både å invitere til et kritisk blikk på fortidens erfaringer samt utfordre til en analytisk og kreativ tenkning om framtidens lokalsamfunn. Vi ønsker å ta tak i det som er viktig for livene til innbyggerne våre.

Prosjektet kan sees som et verktøy for *mikrohistorie*, definert av historikeren Charles Joyner som det å *spørre store spørsmål på et små steder*. Vi håper prosjektet vil åpne opp for diskusjon. Dette har vært prosjektets misjon, helt siden Michał ble invitert til Gamvik som residerende fotograf.

En viktig bidragsyter har vært Birger Amundsen som står bak intervjuene til avisen, der han ba folk snakke om sin fortid, både på godt og vondt, her i Gamvik. Han har også blant annet snakket med innflyttere om deres møte med Gamvik, og om hvordan de ser muligheter både for seg selv og lokalsamfunnet. Siden Gamvik som lokalsamfunn er et lappeverk av nasjonaliteter og språk, er avisen trykket både med norsk, russisk, og engelsk tekst.

Avisen vil invitere deg til å se på lokalsamfunnet slik det er nå, og til å finne svar på hva det er som kjennetegner våre kulturelle særtrekk: hva er det vi har, hva er det vi elsker, hva er det vi savner, hva frykter vi, og hva kan vi gjøre med det?

Ved å sette søkelyset på felleskapet i Gamvik, sier vi noe om lokalsamfunnenes fremtid, både her, men også ellers rundt i landet. Fremtiden er, slik vi ser det, avhengig av måten hver enkelt innbygger ser sin rolle i fellesskapet og hvordan hver enkelt bidrar. Som lokalsamfunn skal vi være åpne for eksperimenter, vi skal slippe innbyggerne til, ikke som betraktere, men som aktive deltagere, noe vi for øvrig har lært av våre venner på Fogo Island. Vi vil at folk skal fremsnakke stedet, folket – og de ideer og mulighet som fiskeværet byr på.

Folk som kommer hit for å arbeide, eller som av andre grunner besøker oss, skal vi ta godt imot. Vi ønsker å bygge nye allianser og gode ambassadører for Gamvik.

Dette prosjektet er skapt av innbyggerne i Gamvik, til glede for oss som bor her nå og til inspirasjon for alle dere som ønsker å flytte hit.

Jan Erik Raanes
Michał Siarek

This is a portrait of a fishing village

Do you live in Gamvik? Have you ever been to Gamvik? How did you find out about Gamvik?

Our fishing village on the coast of Finnmark, on the shores of the Arctic Ocean, is one of the closest things we have in Norway to what we can call a proper village. It is a small and yet complex community. Here we see more clearly than in most places how dependent we are on each other and on nature.

In our fishing village, people have lived off the sea for generations. Our responsibility is to connect the past and the fishermen of the future. We must learn to draw on past experiences and knowledge and meet new challenges with new solutions. We want to combine relevant research and practical experience to strengthen our ability to develop the fishing village of Gamvik.

Gamvik Museum and Kulturdugnad Gamvik preserve the local history here in Gamvik. Our cultural heritage and traditions are naturally our basic material. We want to both invite a critical look at the experiences of the past and stimulate analytical and creative thinking about the local communities of the future. We want to address what is important to the lives of our inhabitants.

The project can be seen as a tool for *microhistory*, defined by the historian Charles Joyner as *asking big questions in a small place*. We hope it will open up further discussion. This has been the project's mission ever since Michał was invited to Gamvik as the resident photographer.

An important contributor has been Birger Amundsen who has carried out the interviews for the newspaper, asking people to talk about their past, both good and bad, here in Gamvik. He has also, among other things, talked to new residents about their experiences of coming to Gamvik and how they see opportunities both for themselves and the local community. Since the community of Gamvik is a patchwork of nationalities and languages, our newspaper is printed with Norwegian, Russian and English text.

The newspaper invites you to look at our local community as it is now, and to find out what it is that characterizes our cultural identity: what do we have, what do we love, what do we miss, what do we fear, and what can we do about it?

By putting the spotlight on the Gamvik community, we reveal something about the future of local communities both here and elsewhere around the country. The future, as we see it, depends on the way every individual views his or her role in the community and how each one contributes to it. As a local community, we must be open to experiments, we must let the inhabitants in, not as observers but as active participants, something we have learned from our friends on Fogo Island. We want people to speak openly about the place, the inhabitants as well as the ideas and opportunities that the fishing village offers.

People who come here for work or visit us for other reasons are all welcome. We want to build new alliances and have good ambassadors for Gamvik.

This project has been created by the inhabitants of Gamvik – to the delight of us who live here now and to inspire all of you who might want to move here.

Jan Erik Raanes
Michał Siarek

Это портрет рыбацкой деревни

Вы живёте в Гамвике? Вы когда-нибудь бывали в Гамвике? Как вы узнали о Гамвике?

Это рыбацкая деревня на побережье Финнмарка на берегу Северного моря, одна из самых типичных норвежских деревень. Местное сообщество небольшое, но всё же довольно разнообразное. Здесь мы видим более отчётливо, чем в большинстве других мест, насколько мы зависим друг от друга и от природы.

В нашей рыбацкой деревне люди поколениями жили у моря. Наш долг – наладить связи между старыми и молодыми морями. Мы должны научиться извлекать из прошлого опыт и знания и искать новые решения для новых вызовов. Мы хотим получить информацию об актуальных научных исследованиях и практический опыт, чтобы мы могли лучше развивать рыбацкую деревню Гамвик.

Музей Гамвика и фестиваль «Культурдугнад Гамвик» занимаются местной историей здесь, в Гамвике. Культурное наследие и, конечно же, наши традиции являются основным материалом. Мы предлагаем критически взглянуть на прошлый опыт и призываем аналитически и творчески поразмышлять о местных сообществах будущего. Мы хотим понять то, что важно в жизни наших жителей.

Этот проект можно рассматривать как инструмент для изучения *микроистории*, которую историк Чарльз Джойнер определил как *обсуждение глобальных тем в небольшом месте*. Мы надеемся, что проект будет открыт для обсуждения. Это стало миссией проекта с тех пор, как Михала пригласили в Гамвик в качестве фотографа-резидента.

Большой вклад внес Биргер Амундсен, занимавшийся интервью для газеты, в которых он просил людей рассказать об их прошлом, о хорошем и плохом здесь, в Гамвике. Он также говорил с приезжими об их встрече с Гамвиком и о том, какие возможности они видят как для себя, так и для местного сообщества. Поскольку местное сообщество Гамвика представляет собой лоскутное одеяло национальностей и языков, газета печатается на норвежском, русском и английском языках.

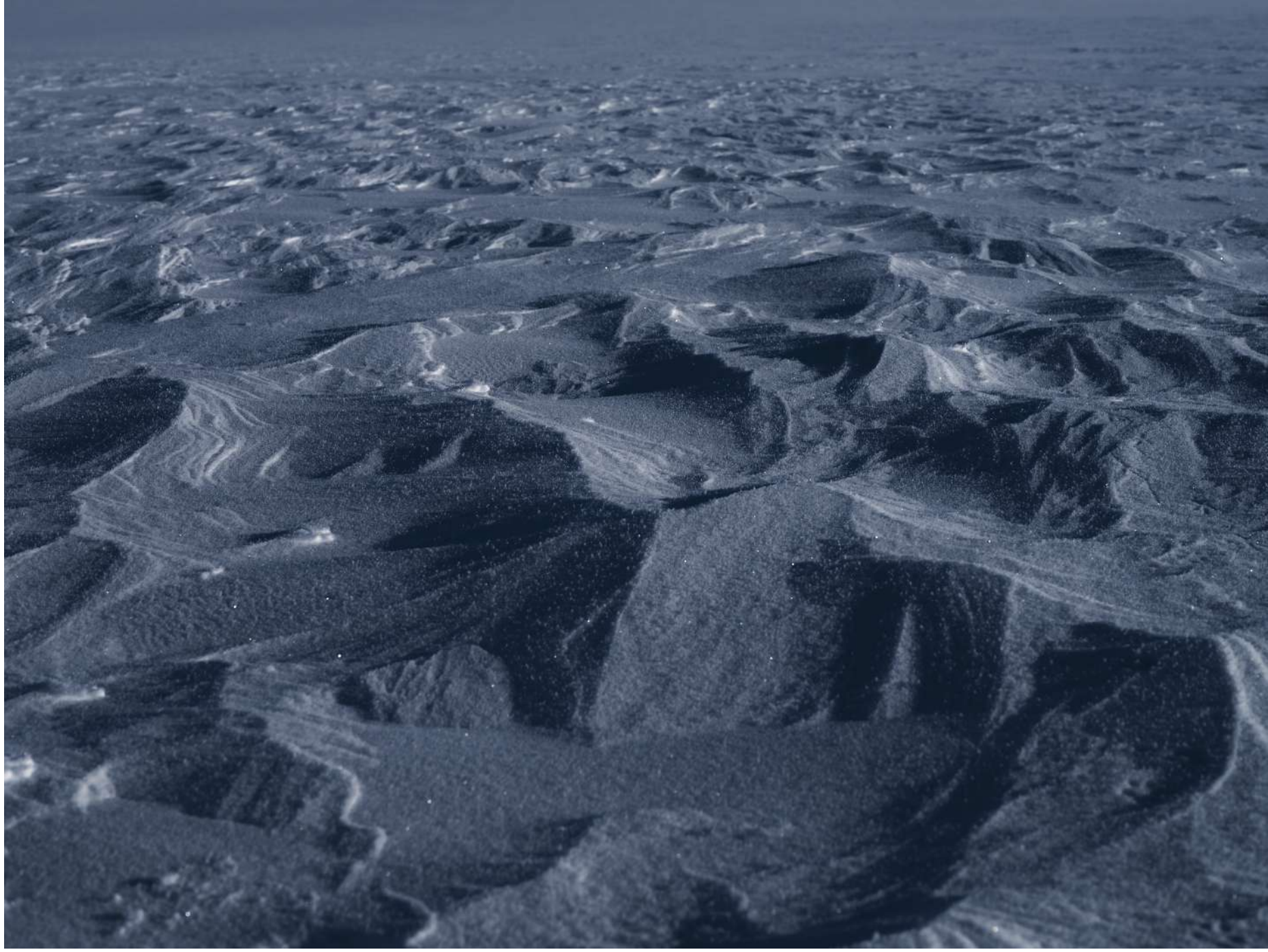
Газета предложит вам взглянуть на существующее местное сообщество и найти ответы на те вопросы, которые характеризуют наши культурные особенности: что у нас есть, что мы любим, чего нам не хватает, чего мы боимся и что мы можем с этим сделать.

Обращая внимание на сообщество в Гамвике, мы говорим о будущем местных сообществ как здесь, так и в других местах по всей стране. Будущее, как мы его видим, зависит от того, как каждый человек видит свою роль в сообществе и какой вклад он вносит. Как местное сообщество, мы должны быть открыты для экспериментов, мы должны дать возможность жителям быть не просто наблюдателями, но активными участниками, чему мы, кроме всего прочего научились у наших друзей на острове Фого. Мы хотим, чтобы люди рассказывали об этом месте, людях, идеях и возможностях, которые предлагает наша рыбацкая деревня.

Мы будем рады тем, кто приедет сюда работать, и тем, кто захочет посетить это место по другим причинам. Мы хотим создавать новые союзы и хотим, чтобы у Гамвика были хорошие амбассадоры.

Этот проект создали жители Гамвика – на радость нам, живущим здесь сейчас, а также, чтобы вдохновить всех тех, кто хочет сюда переехать.

Ян Ерик Раанес
Михал Сярек

Vei 888 er stengt på grunn av dårlig vær. Vennligst vent på kolonne.

Sørg for at du har mer enn nok drivstoff, spade og slepetau for hånden. Det anbefales å ta med mat og varme klær. Slå på fare og tåkelys. Juster hastigheten og unngå å miste kjøretøyet foran deg ute av syne. Unngå å komme for nær den ledende bilen, da snøfokk kan gjøre deg blind. Ved minusgrader, sett A/C til kjøling for å forhindre ising i frontruten. Ikke forlat kjøretøyet i stormen.

Road 888 is closed due to bad weather. Please await the convoy.

Ensure you have more than enough gas, a shovel and a tow rope at hand. Bringing food and warm clothing with you is advisable. Turn hazard and fog lights on. Adjust speed and avoid losing the vehicle in front of you out of sight. Avoid getting too close to the leading car as drifting snow might blind you. In sub-zero temperatures set A/C to cooling to prevent windshield icing. Do not leave the vehicle in the storm.

Дорога 888 закрыта из-за плохой погоды. Пожалуйста, дождитесь колонну.

Убедитесь, что у вас достаточный запас топлива, лопат и буксировочных тросов. Рекомендуется взять с собой еду и теплую одежду. Включите аварийную сигнализацию и противотуманные фары. Регулируйте скорость и не теряйте из виду транспортное средство перед вами. Старайтесь не приближаться слишком близко к впереди идущей машине, так как метель может вас ослепить. В случае отрицательной температуры включите кондиционер на охлаждение, чтобы предотвратить обледенение лобового стекла. Не выходите из транспортного средства в непогоду.

KOLONNETIDER NORDKYN CONVOYS ON NORDKINN КОНВОИ НА НОРДКЫНЕ

DYFJORD

08:00	A
10:15	BD
14:40	A
16:30	A
21:30	BC

30 min.

KJØLLEFJORD

04:30	B*
07:30	BCD*
09:45	BC*
14:15	BD
16:00	BC
21:00	B
	17:00 BCD
	20:00 BD
	22:00 B

↑ 30 min.

↓

GAMVIK

04:50*
07:30
10:30
14:15
16:30
19:45
23:30

↑ 30 min.

↓

Direkte forbindelser

—

Direct connections

—

Прямые соединения:

A	til / to / в Kjøllefjord
B	til / to / в Mehamn
C	til / to / в Skjånes
D	til / to / в Bekkarfjord

* ikke søndag

—

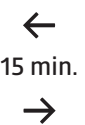
* except Sunday

—

* кроме воскресенья

MEHAMNELV BRU

06:00	B*
07:00	BCD*
09:15	ABC*
11:30	ABD
13:00	ABC
15:45	AB
17:30	ABCD
20:30	ABD
21:30	B
22:30	B
23:15	AC

15 min.

MEHAMN

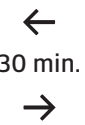
05:45	A*	06:45*
06:45	CD*	09:45
07:05	A*	13:30
09:00	AC*	16:00
11:15	AD	19:00
12:45	AC	23:00
15:30	A	
17:15	ACD	
20:15	AD	
23:00	AC	

↑ 30 min.

↓

HOPSEIDET

08:45	AB*	07:30	CD*
11:00	AB	09:45	C
12:30	AB	12:00	D
15:00	AB	13:30	C
17:00	AB	15:00	D
20:00	AB	18:00	CD
		20:00	D
22:00	B	22:00	D
		00:15	C

30 min.

SKJÅNES

08:15	AB*
10:30	AB
14:30	ABD
16:30	AB
19:30	AB

↑ 60 min.

↓

BEKKARFJORD

06:30*	
10:00	AB
13:45	AB
16:00	AB
19:00	AB
21:00	B

Velg startsted, kjørerute og tidspunkt for start. Legg til den kjøretiden pilen markerer for å finne ut hvilken kolonne det passer å ta videre.

Select start point, route and start time. Add the driving time marked by the arrow to find out which convoy to continue with.

Velg startsted, kjørerute og tidspunkt for start. Legg til den kjøretiden pilen markerer for å finne ut hvilken kolonne det passer å ta videre.

Ikke for å skryte, men æ e fra Gamvik

1
0

1
1

01 — Jeg husker da jeg kom tilbake hit. Den overgangen med å hilse på folk og prate med folk. Og da ble jeg obs på det at i Gamvik så hilser vi på alle, og alle prater med hverandre. Vi er ikke bestevenner med alle. Jeg vil kalle det for en vennlig tilnærming. Og den hadde jeg nok også savnet i byen, men jeg forsto det ikke helt før jeg kom tilbake. Jeg tror det betyr mye for folk. Ikke bare den vennlige tilnærmingen, men også at den er generasjons-overskridende. Han Knut Keila, han prater med de minste ungene. Det at du har kontakt med folk i alle aldere, det tror jeg preger det her samfunnet mer enn man kanskje tror. Man tenker ikke så mye over det i det daglige.

— I remember the time when I came back here. The transition to saying hi to random people and talking to them. I then realized that in Gamvik we greet and talk to everyone. We're not best friends with everybody, but we've got a friendly attitude towards each other. I wasn't aware I'd missed this until I moved back here from the city. I think it means a lot

to the people here, not only this friendly attitude, but also the fact that it spans generations. Here, the pensioners talk to the youngest kids when they meet. Having contact with people of all ages shapes this community more than most realize, even if you don't think much about it in everyday life.

— Я помню, как вернулся сюда. Начинаешь здороваться с людьми и разговаривать с ними. И тут я заметил, что в Гамвике мы со всеми здороваемся, и все друг с другом разговаривают. Мы не все лучшие друзья. Я бы назвал это дружескими отношениями. Я скучал по этому в городе, но не понимал этого, пока не вернулся. Я думаю, что это важно для людей. Не только дружеские отношения, но и то, что они существуют между поколениями. Кнут Кейла разговаривает с самыми маленькими детьми. Тот факт, что вы общаетесь с людьми всех возрастов, я думаю, характеризует это общество больше, чем можно себе представить. В повседневной жизни об этом мало задумываешься.

02 — Jeg kjørte i sju dager, jeg kjørte alene og hadde bilen full med ting som jeg var avhengig av, kamera og utstyr og ting. Så kom jeg på Nordkynfjellet og da begynte det allerede, og så til Mehamn og veien mellom Mehamn og Gamvik, den vakreste veien i hele verden, synes jeg, og en slik følelse i magen, å jeg nærmer meg, nærmer meg, og så kommer jeg til Gamvik, som skulle bli mitt sted for ett år. Da visste jeg ikke at det kanskje skulle bli for resten av mitt liv. Oh my God! Det her er et sted hvor jeg kan trives!

— I'd been driving for seven days, alone, with the car full of my belongings, cameras, equipment and stuff. The feeling of awe started when I got to the Nordkinn Peninsula. In my view, the road between Mehamn and Gamvik is the most beautiful route in the whole world. And that feeling in the pit of my stomach, that I was almost there, the journey was almost over. Then I arrived in Gamvik, my home for the next year or so. I had no idea it could be for the rest of my life. Oh my God! This is the place where I can thrive!

— Я ехала семь дней, я ехала одна, и в машине было много нужных мне вещей: камера, оборудование и прочее. Потом я приехала в Нордкинфьеллет, и тут уже всё началось, а потом в Мехамн – и дорога между Мехамном и Гамвиком, по-моему, самая красивая дорога во всем мире, и такое чувство в животе, что я всё ближе, ближе, и вот я в Гамвике, который должен был стать моим домом на год. Тогда я ещё не знала, что это может быть на всю оставшуюся жизнь. О Боже! Мне здесь нравится!

03 — Gestur, mannen min, og eg, vi ville forsøke noe nytt sammen. Fordi han for det meste var på havet, ville vi prøve å være mer sammen – hele familien. Så derfor havnet vi her. Jeg møtte han på Island.

— My husband and I wanted to try something new. Because he was mostly at sea, we wanted to try being together more – the whole family. So that's why we ended up here. I met him in Iceland.

— Гестур, мой муж, и мы хотели попробовать что-то новое вместе. Поскольку он в основном был в море, мы хотели больше времени быть вместе, всей семьей. Вот почему мы оказались здесь. Я встретила его в Исландии.

Moving from the pretty hectic urban life to this village, to the last wilderness of Europe made me wonder: “Why in the world hadn’t I come here earlier? Why hadn’t I done this, gone north, before? Why must it only be in the twilight of my life?”

04 — Vi flyttet vel hit i 2015 tror jeg det var. Jeg forelsket meg i en dame. Etter hvert så ble det helt uaktuelt for meg både å ikke leve sammen med henne og ikke bo i Finnmark. Jeg hadde vært en del i Finnmark før gjennom jobber jeg har har hatt. Jeg har aldri tidligere kommet inn bak huden på Finnmark, men det gjorde jeg nå. Det er både den storslåtte, åpne naturen, landskapet, klima og utfordringene knytta til det. Det er ikke et kjedelig øyeblikk her. Naturopplevelsene er viktige, men også folket. Den likefremme og åpne tilnærminga blant folk som finnes her. Å flytte fra en ganske hektisk urbanitet til en landsby, til Europas siste villmark. Men det jeg tenkte var, koffer i all verden har jeg ikke vært her før? Koffer har jeg ikke gjort dette før? Hvorfor må det bli mot livets kveld. Hvorfor i all verden har jeg ikke knekt den koden. Hvorfor var det ingen som sa det til meg. Hvorfor var det ingen som snakket heftig og begeistret om Finnmark?

— I'm here because of a woman I fell in love with. When it became clear to me I couldn't live without her, we moved to Gamvik around 2015. I'd been to Finnmark before through work, but I'd never seen the big picture. Now I'm beginning to. It's both the grand, open nature, the landscape, the climate, and the challenges linked to them. Never a dull moment here. But equally important are the people, their straightforward and open attitude. Moving from the pretty hectic urban life to this village, to the last wilderness of Europe made me wonder: “Why in the world hadn't I come here earlier? Why hadn't I done this, gone north, before? Why must it only be in the twilight of my life? Why on earth hadn't I cracked that code? Why hadn't everybody been head over heels when talking about Finnmark?”

— Наверное, мы переехали сюда в 2015 году. Я влюбился в женщину. Со временем для меня стало совершенно неважным ни жить с ней, ни жить в Финнмарке. Раньше я был частью Финнмарка благодаря своей работе. Раньше я никогда не думал о Финнмарке глобально, но сейчас все изменилось. Это и великолепная природа, и открытый ландшафт, и климат, и связанные с этим вызовы. Здесь ни секунды не скучно. Впечатления от природы важны, но также важны и люди, живущие здесь, прямолинейные и открытые. Переехать из довольно оживленного города в деревню, на дикую окраину Европы. Но я думал о том, почему я не жил здесь раньше? Почему я не сделал этого раньше? Почему это должно было случиться на закате жизни? Почему я не взломал этот код? Почему мне никто об этом не сказал? Почему никто не говорил о Финнмарке восторженно и горячо?

—
This is for all of you who have lived here for a long time or who have just come here: “We are so happy that you have chosen Gamvik!”

We are well on our way into the colourful winter season. We live good lives here under the stars, moon, northern lights, with the white snow and the vast, mighty and colourful sea. But most of all, we live in a good community here, the fishing village of Gamvik. Both work and everyday life have brought us here, and even though we are not so many, 240 who live here, we are a diverse group. We are a small global village with people from over 20 different nations, both young and old, women and men, with different professions and interests – we are unique and different.

We wish you all a peaceful Christmas
and a Happy New Year!

*DETTE ER TIL DEG
SOM HAR BODD HER
LENGE – OG TIL
DEG SOM NETTOPP
HAR KOMMET HIT:
«VI ER SÅ GLADE
FOR AT DU VALGTE
GAMVIK.»*

Vi er på god vei inn i det fargerike vinterhalvåret. Vi lever gode liv her under stjerner, måne, nordlys, med hvit snø og et uendelig, stort og fargerikt hav. Vi lever mest av alt i et godt felleskap her i fiskeværet Gamvik. Her har vi samlet oss om arbeid og hverdagsliv og vi er ikke så mange, vi 240 som bor her, men vi er mangfoldige. Vi er en liten global landsby, med folk fra over 20 ulike nasjoner, med nyfødte og gamle, kvinner og menn, med ulike yrker og interesser – vi er unike og forskjellige.

Vi ønsker deg en fredfull julefeiring
– og et godt nytt år!

—
Это для вас, кто давно здесь живёт, и для вас, кто только что сюда приехал: «Мы так счастливы, что вы выбрали Гамвик».

Приближается красочная зима, которая длится полгода. Мы живем здесь хорошо, под звёздами, луной, северным сиянием, с белым снегом и бескрайним, большим и разноцветным морем. Но самое главное, что здесь, в рыбацкой деревне Гамвик, мы очень дружны. Мы здесь живём и работаем, и нас не так много, нас 240 жителей, но мы разные. Мы небольшая глобальная деревня, в которой живут люди более чем 20 разных национальностей, новорождённые и старики, женщины и мужчины, с разными профессиями и интересами – мы уникальны и различны.

Желаем вам мирного Рождества
и счастливого Нового года!

THE
COMMUNITY
STARTED
COLLAPSING.
THOSE WERE
DARK TIMES.

05 — Det var ikke i mine tanker at jeg skulle bli her så lenge som jeg har vært. Da jeg kom hit var inntrykket at dette ikke kom til å vare i mange år uansett. Det var mye usikkerhet om skolen skulle bestå og om det skulle være barnehage her...

—

I'd never have expected to stay here for as long as I have. When I came here, the impression was that in any case this would not last many years. There was a lot of uncertainty about the future of the school and the need for a kindergarten here...

— —

Я и не мог предположить, что останусь здесь так надолго. Когда я приехал сюда, то думал, что это ненадолго. Было много неуверенности в том, удастся ли сохранить школу и будет ли здесь детский сад...

06 — Æ var her når det begynte å gå nedover. Det var han som drev fiskebruket, det var onkelen min. Så da det begynte å gå rett i dass så stakk æ. Da dro æ ned til Skåne. Æ hadde vel mistet troen på det meste.

—

I was here when things started going downhill. It was my uncle who ran the fish factory. So once everything began to turn for the worse, I left. I went down to Skåne in Sweden. I guess I'd lost my faith in everything.

— —

Я был здесь, когда начался упадок. Мой дядя руководил рыбозаводом. Поэтому когда всё пошло под откос, я уехал. Тогда я уехал в Сконе. Вероятно, я перестал во всё верить.

07 — Skolen er en av grunnsteinene i Gamvik, tar de skolen og barnehagen så vil samfunnet svinne nokså raskt hen.

—

The school is one of the cornerstones of Gamvik. If they close the school and the kindergarten, the community will disappear fairly quickly.

— —

Школа – один из краеугольных камней Гамвика. Если не станет школы и детского сада, люди довольно быстро исчезнут.

08 — Vi var nede i litt over hundre mennesker her da, i 2015. Det som skjedde var at ungdommen flyttet ut og de eldre flyttet egentlig også ut, da. Når samfunnet begynte å skranke skikkelig. Det var mørke år.

—

In 2015, we were down to just a little over a hundred inhabitants here. What happened was that the people moved out, both young and old. The community started collapsing. Those were dark times.

— —

Тогда, в 2015 году, нас здесь было чуть более ста человек. Случилось так, что молодёжь и пожилые люди стали уезжать. Тогда община стала сильно хиреть. Это было тяжёлое время.

09 — Det er uansett sånn, at til alle tider så har folk kommet til Gamvik for å prøve å skape seg et liv. Og mange har blitt og mange har selvfølgelig flyttet, men det er ett av de eldste stedene i Finnmark. Det kommer jo av nærheten til ressursene.

—

Anyway, for ages people have come here to try to make a life for themselves. Many have stayed, and of course many have left, but it's one of the oldest places in Finnmark. The reason for this is the proximity to resources.

— —

В любом случае, люди всегда приезжали в Гамвик, чтобы устроить свою жизнь. Многие оставались, многие, конечно, уезжали, но это одно из старейших мест в Финнмарке. Это обусловлено близостью к ресурсам.

10 — Så når to islandske kompiser kom hit og ville drive fiskebruk så var det veldig fint, da. Vi så med en gang at det her var gutter som ikke la noe imellom. De satset alt. Og jobbet steinhardt.

—

So when two buddies from Iceland came here and wanted to run a fish factory, it was very good. We saw right away that these guys meant business. They put everything into it and worked a lot. And hard!

— —

Когда сюда приехали два друга-исландца и захотели открыть здесь рыбозавод, это было очень здорово. Мы сразу увидели, что эти ребята были настроены серьёзно. Они всё поставили на карту. И очень много работали.

11 — Det var veldig klart for meg da jeg kom hit, jeg følte at jeg hadde havnet tilbake i 1980-årene. Jeg har bodd på små steder på Island så jeg er vant til det. Gamvik er et søtt lite sted. Vi har alltid følt oss veldig velkommen her blant Gamvik-folket. Alltid. Folk gir uttrykk for sin glede over at vi er kommet og at fiskebruket igjen er i drift.

— It was very clear to me when I came here, I felt like I was back in the 1980s. I've lived in small communities in Iceland, so I'm used to it. Gamvik is a charming little place. The locals have always made us feel welcome. Always. People are glad we're here, and that the fish factory is up and running again.

— — Для меня всё было предельно ясно, когда я приехала сюда, я чувствовала, что оказалась в 1980-х. Я жила в небольших деревушках в Исландии, поэтому я привыкла к этому. Гамвик – милое местечко. Мы всегда чувствовали себя очень желанными здесь среди местных жителей. Всегда. Люди радуются тому, что мы приехали и что рыбозавод снова работает.

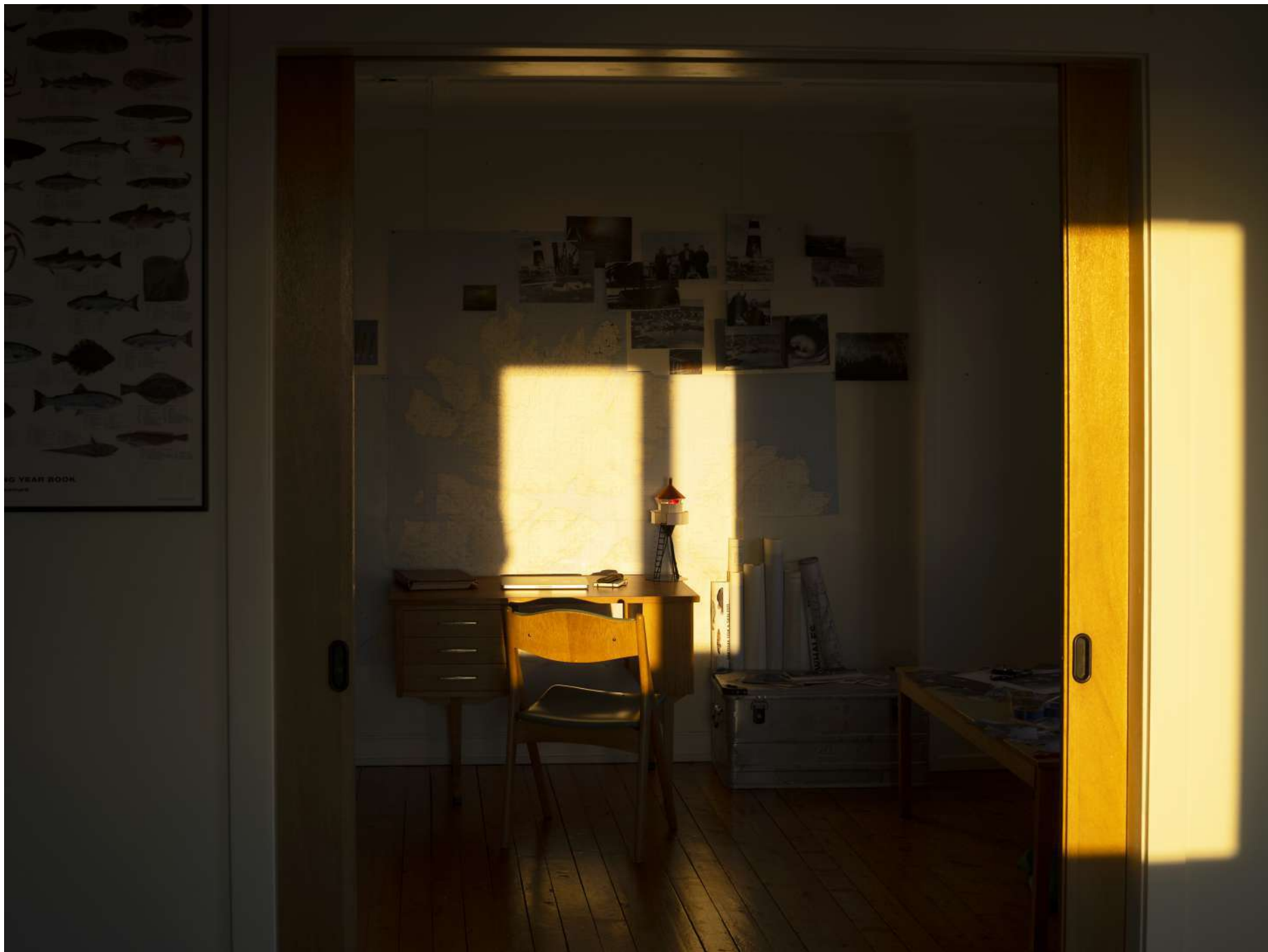

12 — *DU KAN SE
DET, GAMVIK
SYNKER IKKE
NED I MØRKET,
STEDET LYSER.*

— You can see it, Gamvik doesn't sink into darkness anymore, the place lights up.

— — Вы можете видеть это, Гамвик больше не тонет в темноте, он светится.

13 — Første gangen mamma fortalte meg om Gamvik så var jeg ikke klar over hvilket lite sted Gamvik var. Den dagen jeg kom hit og så husene, og også Slettnes fyr, så forsto jeg fortsatt ikke at det var Gamvik. Ja, det er et ganske lite sted, men det er faktisk masse å gjøre her.

—

The first time my mom told me about Gamvik, I had no idea how small it was. The first time I came here and saw the houses, and also the Slettnes lighthouse, I still didn't realize that was Gamvik. Yeah, it's quite a small place, but there's actually a lot to do here.

— —

В первый раз, когда мама рассказала мне о Гамвике, я не поняла, насколько он маленький. В тот день, когда я приехала сюда и увидела дома, а также маяк Слеттнес, я всё ещё не понимала, что это Гамвик. Да, это довольно маленькое место, но на самом деле здесь есть чем заняться.

15 — Det er alltid utfordringer med det å lære et nytt språk. Noen har kommet uten å kunne kommunisere ordentlig i det hele tatt. Vi er nødt til å improvisere og bruke både Google Translate, tegnspråk, og litt av hvert annet. Det går seg til etter hvert. Det virker som barna trives på skolen og jeg opplever at vi har en skole med en positiv atmosfære. Fordelen er at vi kan være mye mer fleksible enn det man kan på en større skole. Vi kan improvisere mer, som for eksempel her hvor været kan være skiftende så kan vi spontant bestemme oss for å ta en utedag når været er fint. Man får og så et veldig tett forhold til hver enkelt elev. Det er det beste med en slik liten skole.

—

There are always challenges in learning a new language. Some have come here without the ability to communicate at all. We've got to improvise, using Google Translate, sign language, and a bit of everything else. Slowly but surely, we make it work. I feel the children thrive at our school and we've got a positive atmosphere here. Our advantage

14 — Den skolen æ gikk på i Narva hadde tusen elever og æ kjente mange der. Så kom æ hit hvor det bare var 12 elever på skolen. Det var selvfølgelig rart for mæ. Spesielt at æ var den eneste eleven i åttende klasse. På skolen i Narva snakket alle russisk. Det var kanskje to eller tre som var estiske, så engelsk var det eneste æ kunne når æ kom hit. Så æ snakka engelsk med folk herfra i begynnelsen. Men så, utpå høsten, så forsto æ at hvis æ vil ha venna så måtte æ faktisk snakke norsk. Da bestemte æ mæ for å lære norsk.

—

The school I went to in Narva had a thousand students and I knew a lot of people there. Then I came here where there were just twelve students at the school. Of course, this was strange to me. Especially since I was the only student in my grade. At the school in Narva, everyone spoke Russian, there were maybe two or three who were Estonian. English was the only common language I knew when I came here, so I spoke English to everybody in the beginning. But then, in the autumn, I realized that if I wanted to make friends, I'd actually need to speak Norwegian. I decided then to learn the language.

— —

В школе, в которую я ходила в Нарве, была тысяча учеников, и я многих там знала. Потом я приехала сюда, в местной школе было всего 12 учеников. Конечно, для меня это было странно. Особенно то, что я была единственной ученицей восьмого класса. В школе в Нарве все говорили по-русски. Там было, может быть, двое или трое эстонцев, поэтому, когда я приехала сюда, то могла говорить только по-английски. Поэтому вначале я говорила с местными жителями по-английски. Но потом, осенью, я поняла, что если я хочу подружиться с кем-то, мне придется говорить по-норвежски. Тогда я решила выучить норвежский.

16 — Det er elleve elever nå hvorav fem har bakgrunn fra Gamvik og har vokst opp her. Ellers er det elever fra Island og Estland representert her nå. De barna som ikke har bodd her hele livet snakker enten islandsk eller russisk og har kommet jevnt og trutt. Det har vært veldig bra for Gamvik at det er kommet nye familier hit. Det gjør at skolen klarer å opprettholde elevantallet og kanskje etter hvert øke litt.

—

There are eleven children at our school now, five of whom have grown up here in Gamvik. We've got also students from Iceland and Estonia. The children who haven't lived here all their lives speak either Icelandic or Russian, and they've been coming here more and more. It's been very beneficial to Gamvik that new families have been moving here. The school is able to keep up the number of students and maybe even raise it a little over time.

— —

Сейчас здесь одиннадцать учеников, пятеро из которых родом из Гамвика и выросли здесь. Также есть ученики из Исландии и Эстонии. Дети, которые сюда приехали, говорят по-исландски или по-русски и очень стараются. Для Гамвика очень хорошо, что сюда приехали новые семьи. Это означает, что школа способна поддерживать и, возможно, постепенно немного увеличивать количество учеников.

17 — Æ e den eldste på skolen og det føles litt rart. Så har æ ingen som e på samme alder som æ. De eldste etter mæ går i sjuende. Men det gjør egentlig ikke så mye fordi at æ e blitt venna med de som er yngre. Det er kanskje noen ganger litt kjedelig, men uansett e æ glad for at æ har dæm.

—

I'm the oldest at school. It feels a bit strange, having nobody your age around. The oldest after me are in the seventh grade, but it really doesn't matter because I've become friends with the younger ones. Sometimes I get a bit bored, but either way I'm glad I've got them.

— —

Я самая старшая ученица в школе, и это немного странно. У меня нет ровесников. Самые старшие после меня ходят в седьмой класс. Но на самом деле это не важно, потому что я дружу с теми, кто младше. Иногда это немного скучно, но в любом случае я рада, что они у меня есть.

OUR ADVANTAGE IS THAT WE CAN BE MUCH MORE FLEXIBLE THAN IN A LARGER SCHOOL. WE CAN IMPROVISE MORE. FOR EXAMPLE, WITH THE WEATHER SO VARIABLE HERE, WE CAN SPONTANEOUSLY DECIDE TO HAVE A DAY OUTDOORS IF THE CONDITIONS ARE NICE. YOU ALSO DEVELOP A VERY CLOSE RELATIONSHIP WITH EACH INDIVIDUAL STUDENT.

Не буду хвастаться, но я из Гамвика

18 — VI VIL IKKE LEGGE NED SKOLEN. Legger man ned skolen så demonterer man samfunnet her. Fiskebruket sier at vi ikke får folk hit hvis familien opplever at de skal komme til et sted uten skole. Glem det! Uaktuelt! Og kommer det ikke folk så får ikke fiskeindustrien muligheter til å levere, da må butikken legges ned. Det får uante konsekvenser. En må se ting i sammenheng. Vi kan ikke sende seks eller sjuåringen over fjellet til Mehamn vinterstid, det er uforsvarlig, det er uøkonomisk, pluss at det over sikt vil ødelegge samfunnet her.

— WE DON'T WANT THE SCHOOL TO BE CLOSED! If you close the school, you'll dismantle the community here. The fish factory says that we won't get people here if the families must go to a place without school. Forget it. Unacceptable. And if there are no people here, the fishing industry won't be able to deliver, and then the shop will have to be closed too. There will be unforeseen consequences. One must see things in context. We can't send the six- or seven-year-olds over the mountain to Mehamn during the winter. It's indefensible, it's uneconomical, plus in the long run it'll destroy the community here.

— МЫ НЕ ХОТИМ ЗАКРЫТИЯ ШКОЛЫ. Если школа закроется, поселок придет в упадок. Представители рыбо-завода говорят, что будет невозможно привлечь сюда людей, если семья узнает, что они едут туда, где нет школы. Забудьте это! Неприемлемо! А если людей нет, у рыбной промышленности не будет возможности поставлять товар, тогда и магазин надо закрывать. Это имеет непредвиденные последствия. Нужно видеть вещи в контексте. Мы не можем отправить шести- или семилетнего ребёнка через гору в Мехамн зимой, это безответственно, это невыгодно, плюс, в конечном счете, это уничтожит местную общину.

19 — Jeg har opplevd noen budsjettprosesser her etter at jeg kom hjem og jeg kan bare minnes et par budsjettprosesser der skolen og barnehagen ikke har vært tema. Så det er en av de tingene som rir folk på en måte, det er den bitre pillen i adventstida når politikere eller administrasjonen kommer med ønsker å legge ned skolen for å spare noen tusenlapper.

— I've experienced a number of budget processes here since I came home, and I can only remember a couple of times when the school and kindergarten haven't been an issue. So this is one of the things that rile people up here, because it's a bitter pill to swallow when the politicians or the administration want to close the school to save a bit of money.

— Я несколько раз сталкивался с формированием местного бюджета после того как вернулся домой, и я могу вспомнить только пару раз, когда школа и детский сад не были на повестке дня. Так что это одна из тем, которая в некотором роде раздражает людей, это ложка дёгтя, когда политики или администрация заявляют о намерениях закрыть школу, чтобы сэкономить несколько тысяч.

I et lite samfunn som Gamvik lever vi alle i en symbiose. Alle er avhenging av alle, og alle har en viktig rolle i et slikt samfunn, hver på sin måte.

20 — Situasjonen er den at vi har en liten skole og en barnehage som vi for noen år siden måtte kjempe for å få opprettet. Vi er vant med er at det oppstår spørsmål om skolen og barnehagen, spesielt i tiden rundt budsjettprosesser og gjerne like etter valg. For ett år siden måtte vi nok en gang ut og kjempe for å bevare skolen.

— The situation is that we've got a small school and a kindergarten that a few years ago we had to fight for to get it established. We are used to the questions arising about our school and kindergarten, especially in the time of budget processes and often just after elections. One year ago we had to go out and fight once again to keep the school.

— Ситуация такова, что у нас есть маленькая школа и детский сад, за открытие которого нам несколько лет назад пришлось бороться. Мы привыкли к тому, что периодически поднимается вопрос о школе и детском саде, особенно в период планирования бюджета и сразу после выборов. Год назад нам пришлось выйти и снова бороться, чтобы сохранить школу.

21 — I et lite samfunn som Gamvik lever vi alle i en symbiose. Alle er avhenging av alle, og alle har en viktig rolle i et slikt samfunn, hver på sin måte. Når noen trenger hjelp til noe, er det alltid noen som trår til. Slikt sveiser et fiskevær sammen. Men uten skole, barnehage, butikk og fiskebruk, er det vanskelig å få positiv samfunnsutvikling. Hadde vi ikke hatt butikken, så hadde vi ikke hatt fiskebruk. Hadde vi ikke hatt fiskebruket, så hadde vi ikke hatt butikken.

— In a small community like Gamvik, we all live in symbiosis. Everybody's needed and has an important role in the community, each in their own way. Whenever someone needs a hand with something, there's always someone who steps in. This is what binds a fishing village together. But without a school, a kindergarten, a shop, and a fish factory, it's hard to have a positive community development. If we didn't have a shop, we wouldn't have a fish factory. If we didn't have a fish factory, we wouldn't have a shop.

— В таком маленьком сообществе, как Гамвик, мы все живём в симбиозе. Все зависят друг от друга, и каждый играет важную роль в таком обществе, каждый по-своему. Когда кому-то нужна помощь в чём-то, всегда найдётся тот, кто поможет. Так происходит сплочение рыбацкой деревни. Но без школы, детского сада, магазина и рыбозавода сложно добиться положительного развития общества. Если бы у нас не было магазина, у нас не было бы рыбозавода. Если бы у нас не было рыбозавода, у нас не было бы магазина.

22 — Da datteren min, som er 11 år nå, var i barnehagealder så var det ikke barnehage. Da var hun en av to unger i den alderen. Hun sov formiddagsluren i posthyll her borte, i butikken. Det var bare sånn det måtte være.

— When my daughter, who's 11 now, was of kindergarten age, there was no kindergarten here. She was one of just two children of that age then. She had her morning naps in the mail shelf over here in the shop. The only alternative we had.

— Когда моя дочь, которой сейчас 11 лет, должна была пойти в детский сад, его не было. Тогда она была одной из двух детей детсадовского возраста. Она спала днём на почтовой полке здесь, в магазине. Это было единственным решением.

23 — Uten skole vil unge-
ne måtte pendle
fram og tilbake til
Mehamn i vintervær,
der vi ikke vet om
de kommer seg fram
eller tilbake. Som familie må man
da stille spørsmålet om vi kan bli
boende i Gamvik.

— Without the school here, the
kids will have to commute
every day to Mehamn. In winter
weather, we don't know if they
will be able to go back and forth.
As a family, we must then ask
ourselves the question if we
can stay in Gamvik.

— Без школы детям придётся
ездить туда и обратно в Мехамн
зимой, и мы не будем знать,
доберутся ли они туда или
обратно. И тогда семьям при-
дется задуматься, смогут
ли они остаться в Гамвике.

24 — Innerst inne tror jeg ikke at noen
vil legge ned skolen. Vi er en fat-
tig kommune med få arbeidsplas-
ser. Det er trang økonomi som
presser politikerne til å tenke i de
banene. De i Mehamn vil bevare
sitt og vi i Gamvik vil bevare våre. Alle er
redde for å miste noe.

— Deep down, I don't think anyone really wants
to close the school. We're a poor municipality
with few jobs, so it's the tight economy that
forces politicians to think along those lines.
People in Mehamn want to preserve their
school, and we in Gamvik want to preserve
ours. Everyone is afraid of losing something.

— В глубине души я не думаю, что кто-то
хочет закрыть школу. Мы бедный муници-
палитет с небольшим количеством рабочих
мест. Недостаток средств заставляет поли-
тиков думать об этом. Жители Мехамна хо-
тят сохранить свою школу, а мы в Гамвике
свою. Все боятся что-то потерять.

V

26 — Jeg er vant til det. For meg er det normalt. Vinter er vinter, snø er snø. Du tar bare spaden og fjerner den. Det er alt. Det viktigste for guttene er snøskuterer. For meg er snø bare snø. Jeg elsker sand. Jeg elsker å være utendørs der hvor det er sand.

—

I'm used to it. For me it's normal. Winter is winter, snow is snow. You just take a shovel and remove it. That's it. The most important thing for the boys is the snowmobile. To me, snow is just snow. I love sand. I love being outdoors where there's sand.

— —

Я привыкла к этому. Для меня это нормально. Зима есть зима, снег есть снег. Просто берёшь лопату и убираешь его. Вот и всё. Самое главное для мальчиков – снегоход. Для меня снег – это просто снег. Я люблю песок. Я люблю быть на открытом воздухе там, где есть песок.

28 — Det er også her i Gamvik at jeg e-l-s-k-e-r mørketid. Jeg synes det er så deilig at det er mørkt og at jeg kan gå. Da går jeg ut med Laila midt på dagen, en lang lang tur. Og så kommer jeg tilbake. Når det er mørkt så kan jeg gå inn i meg sjøl og være med mæ sjøl og jeg elsker det. Jeg er en som liker godt selskap jeg er veldig sosial, men jeg trenger tid alene. Så for meg er det ingen problem å være aleina.

—

I L-O-V-E the dark months here in Gamvik. I find it so nice that it's dark, and I can go for a walk. I go out then with my dog Laila in the middle of the day for long, long hikes, and come back. When it's dark, I can go inside myself, be with just myself, and I love it. I like good company and I'm very social, but I also need my alone time. So being alone isn't a problem for me.

— —

Также здесь, в Гамвике, я о-б-о-ж-а-ю тёмное время. Я думаю, это так прекрасно, что на улице темно, а я могу гулять. Днем я выхожу с моей собакой Лейлой на долгую-предол-гую прогулку. А потом я возвращаюсь. Когда темно, я могу уйти в себя и побыть наедине с собой, и мне это нравится. Я очень общительная и люблю хорошую компанию, но мне нужно время, чтобы побыть в одиночестве. Поэтому для меня не проблема быть одной.

29 — Å snakke om været er sentralt på Nordkyn. Været er alltid en aktør, alltid et emne.

—

Talking about the weather is no small-talk in Nordkinn. Weather is almost a protagonist here, always an important topic.

— —

Разговоры о погоде занимают центральное место на Нордкине. Погода здесь – всегда главный герой, её всегда обсуждают.

25 — Du spør om hva æ gleder meg mest til til om vinteren? Eller hva æ pleier å gjøre om vinteren? Snøskuterkjøring! Til vinteren blir æ 15 år da får æ lov til å ta snøskuterkurs og få lappen. Da skal æ kjøpe mæ en snøskuter.

—

Are you asking me what I'm looking forward to this winter or what I'm going to do then? Riding snowmobiles! This winter I'll turn 15 and I'll be able to take a course and get my snowmobile license. Then I'm going to buy my own.

— —

Вы спрашиваете, чего я больше всего жду зимой? Или чем я обычно занимаюсь зимой? Катаюсь на снегохо-де! К зиме мне исполнится 15 лет, и мне можно будет пройти курс по вождению снегохода и сдать на права. Тогда я куплю снегоход.

27 — Her er det ingen trær. Ellers er det mer eller mindre det samme, været, mørket. Overgangen er langt større for folk som kommer direkte fra Polen og Estland, de er ikke så vant til dette været.

—

There are no trees here. Otherwise it's more or less the same, the weather, the darkness. The transition is far greater for people coming here directly from Poland or Estonia, they're not really used to this kind of conditions.

— —

Здесь нет деревьев. В остальном всё при-мерно так же: погода, темнота. Люди, кото-рые приехали сюда из Польши и Эстонии, привыкают гораздо дольше, для них такая погода непривычна.

ДА, В ТОМ-ТО И ДЕЛО. ДАЛЬШЕ ЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ. ПОГОДУ НУЖНО УВАЖАТЬ. ЕСЛИ ЭТОГО НЕ ДЕЛАТЬ, С ДОМАМИ, МАШИНАМИ И ЛОДКАМИ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ БЕДА. А КОГДА ОТКЛЮЧАЕТСЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МЫ ПОЛУЧАЕМ ОЧЕРЕДНОЕ НАПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧТО ДРУГ У ДРУГА ЕСТЬ ТОЛЬКО МЫ.

— Ja, det er det som er greia. Du kan ikke kjøre videre. Og så har vi det været som vi må behandle med respekt, da. Hvis vi ikke gjør det, så kan det gå skikkelig galt med hus og bil og båt. Og når strømmen går får vi enda en påminnelse om at vi har hverandre og ingen andre.

— Well, that's the thing, you can't go any further. And then there's the weather we need to respect. If you don't do that, things can go very wrong with your house, your car, and your boat. And when the power goes out, we get another reminder that we have only each other and no one else.

— Været for meg er jo, det er en slags meditasjon, en tilstand. Kona bruker å spørre meg når været pisker i ansiktet: "Hvorfor smiler du?" Når jeg kjører inn til fjorden i åpen båt så sitter jeg der og smiler.

— The weather for me has a meditative quality. My wife usually asks me when the wind whips my face: "Why are you smiling?" I take an open boat into the fjord, and then I just sit there smiling.

— Погода для меня – это своего рода медитация, состояние. Жена обычно спрашивает меня, когда ветер хлещет по лицу: «Почему ты улыбаешься?» Когда я вхожу во фьорд на открытой лодке, я сижу и улыбаюсь.

— Været i Gamvik er svært ustabilt og observasjon av vindretningen kan fortelle hvor uforutsigbart det er. Det er ingen landmasse som skjerner oss/for å bremse ned vinden. For en fisker er det perfekt fordi de ser hvordan det er ute på havet.

— The weather in Gamvik is very unstable and observing the wind direction can tell how unpredictable it is. There's no landmass to slow down the wind, but since the fishermen can see far out into the sea, in the old days that was the basis for making a sound judgment on what to expect.

— Погода в Гамвике очень нестабильна, и наблюдения за направлением ветра показывают, насколько она непредсказуема. Нет возвышенностей, которые могли бы защитить нас от ветра. Но для рыбаков это идеальные условия, потому что видно, какая погода на море.

— Jeg skal ikke anbefale folk å dra ut i uvær, men jeg gjør det. Som mange andre i Gamvik så behersker vi dårlig vær. Jeg har vært ute med faren min siden jeg var veldig liten, og når du har slike forhold må du vente. Hvis du kan ordne deg ly, er det bare å krype inn og vente til det tar slutt. Du må spille etter naturens regler her, etter været.

— I wouldn't recommend people to go out in bad weather, even though I do it. Like many others in Gamvik, I know how to handle bad weather. I've been spending time outdoors with my father since I was very little, and when you're faced with the conditions like that, you just have to wait. If you can improvise a shelter, just crawl inside and wait until it ends. You've got to play by nature's rules here.

— Я не рекомендую людям ездить в непогоду, но сам я это делаю. Как и многие другие в Гамвике, мы знаем, как справляться с плохой погодой. Я с самого раннего детства вместе с отцом проводил много времени на открытом воздухе, и когда такая погода, приходится ждать. Если есть укрытие, то нужно просто заползти внутрь и ждать, пока пройдет непогода. Здесь нужно играть по законам природы, погоды.

— Når prognosene spør nordlig vind, kan du forvente at vindkastet blir mye sterkere enn vanlig. Hvis det faller sammen med fullmåne, vet du at det kan bli ekkelt. Tidvis når jeg skal ut å fiske, ser faren min på meg med vantrø: "Vet du ikke at det er fullmåne?" Det kan være rolig og 10 minutter senere kan en orkan treffe, regn til snø til haglbyger igjen. Og selvfølgelig er veien stengt, fly lander ikke og kystekspresen tar ly i Honningsvåg. Så for eksempel er det i første uke i påsken alltid dårlig vær, fordi påskedatoen er satt etter første fullmåne etter vårjevndøgn.

— When the forecast predicts the north wind, then you can expect the gusts to be much stronger than usual. If it coincides with a full moon, then you know it can get nasty. At times, when I'm supposed to go out fishing, my father looks at me with disapproval: "Don't you know it's the full moon?" It might be calm for a while and ten minutes later a hurricane could hit, it could be rain, snow, hailstorm one after another. And of course the road is closed, planes don't land and the coastal express takes shelter in Honningsvåg. So for instance during the Easter week, the weather is always bad, because the Easter date is roughly set following the first full moon after the spring equinox.

— Когда по прогнозу северный ветер, можно ожидать, что порывы будут намного сильнее, чем обычно. Если непогода совпадает с полнолунием, то может быть совсем ужасно. Иногда, когда я иду на рыбалку, отец недоверчиво смотрит на меня: «Разве ты не знаешь, что сейчас полнолуние?» Сейчас может быть штиль, а через 10 минут обрушится ураган, дождь сменится снегом и градом. И, конечно же, дорога закрыта, самолёты не приземляются, а паром пережидает непогоду в Хоннингсвоге. Так, например, в пасхальную неделю всегда бывает плохая погода, потому что дата Пасхи устанавливается после первого полнолуния после дня весеннего равноденствия.

— Været kan være farlig både på land og sjø, og noen ganger krever det liv som da to fiskere fra Hasvik på tragisk vis druknet ved Slettnes denne vinteren.

— But weather can be dangerous, both on land and sea, and sometimes it claims lives. As with those two fishermen from Hasvik who tragically drowned at Slettnes this winter.

— Погода может быть опасной как на суше, так и на море, и иногда она забирает жизни. Например, этой зимой около Слеттнеса трагически утонули два рыбака из Хасвика.

36 — Jeg har fulgt havneproblematik-
ken hele livet, da. Vi har egentlig
aldri hatt havn i Gamvik. Det har
vært fiskebruk bak moloen og
så har det ikke vært noe mer.
Det er ikke plass til flere fiske-
bruk her. Sånn helårsdrift. Det er ikke plass til
båter i havna. Da vi la ut den flytebrygga der
så fikk vi plass til fjorten båter, og det ble fullt
med en gang. Det vi håper på er at moloen
skal gi effekter både på industri og arbeidsliv.

— I have been following the harbour problem
my whole life. There has never been a proper
harbour here in Gamvik. There has been a fish
factory behind the breakwater, and nothing
else. There is no room for more factories
here and that kind of year-round operations.
There is no space for more boats in the
harbour. When we put out the floating dock
there, we had room for fourteen boats and
it filled up immediately. What we hope for is
that the new breakwater will positively affect
the industry and work life here.

— Я всю жизнь следил за проблемой пор-
та. В Гамвике никогда не было порта. За
пирсом был рыбозавод, и больше ничего.
Здесь нет места для других рыбозаводов
и своего рода круглогодичной эксплуата-
ции. В порту нет места для лодок. Когда мы
сделали плавучий причал, у нас появилось
место для четырнадцати лодок, и он сразу
же заполнился. Мы надеемся, что причал
положительно скажется как на промыш-
ленности, так и на трудовой жизни.

37 — Vi arbeider med fisk året rundt. Det er ikke
sesongbasert. Det vanlige her, med mindre
båter, er at de fisker i sesonger, tar kvoten
og avslutter. Kan hende etter fire måneder.
Dette kan vi ikke forstå. Fordi det er mulig å
fiske året rundt, og det at folk har jobb hele
året og ikke bare i sesongen.

— For us, fishing is a year-round job. It is not seasonal. The
usual thing here with the smaller boats is that they fish
in seasons. They catch their quota and stop, maybe after
just four months. For us, this practice is incomprehensible
because it is possible to fish all year round, and people
can have jobs the whole year, not just during the season.

— Мы работаем с рыбой круглый год. Это не сезонная
работа. Небольшие лодки обычно рыбачат сезон
и, исчерпав квоту, заканчивают. Может быть, через
четыре месяца. Мы не можем этого понять, потому
что ловить рыбу можно круглый год. Тогда и работа
будет круглый год, а не только в сезон.

38 — Haraldur har vært kaptein siden han var 13 år i Island, han
er kaptein på en av våre båter. Det er hans jobb og Alberts
oppgave er å ta vare på fabrikken. Albert har også vært
på fiske i mange år og også drevet fiskebruk i Island. De
er to flinke typer med mye erfaring, og de utfyller hver-
andre godt.

— Haraldur has been a captain since he was 13 years old in Iceland. He's
captaining one of our boats. It's his job, and Albert's job is to take care
of the factory. Albert has fished for many years as well and also man-
aged a fish factory in Iceland. They are two great guys with a lot of
experience who complement each other well.

— Харалдур был капитаном в Исландии с 13 лет. Он капитан одной
из наших лодок. Это его работа, а работа Альберта – заботиться
о заводе. Альберт также много лет занимается рыбной ловлей, он
управлял рыбозаводом в Исландии. Это два умелых парня с боль-
шим опытом, и они хорошо дополняют друг друга.

DET SOM VAR
I FOKUS VAR
NÆRHET TIL
FISKEFELTET.
DET VAR MIL-
JØPERSPEK-
TIVET OG DET
VAR Å UTVIKLE
POTENSIALET
I HAVNA.

40
—

Det som var i fokus var nærhet til fiskefeltet. Det var miljøperspektivet og det var å utvikle potensialet i havna. Da brukte jeg Kystverket sinlogg over trafikken på fiskefeltet kontra Mehamn og Berlevåg. For en båt som fisker fra Mehamn så kan du spare fem timer om dagen i gangtid. Det er mindre belastning for fisken, det er mindre belastning for utstyret og bruker mindre diesel, og derav miljøperspektivet. Du bruker mindre drivstoff for å komme til fiskefeltene. Verdens beste hysefelt det er femten minutter fra Gamvik.

—

The focus was the closeness to the fisheries. It was about both the environmental perspective and developing the potential of the harbour. Then I used the Norwegian Coastal Administration's logs on traffic on the fishing grounds opposite Mehamn and Berlevåg. A boat fishing from Mehamn can save you five hours of travel a day. It means fresher fish, less wear and tear on the equipment, and less fuel used. Hence the environmental perspective. You use less fuel to get to the fisheries. The world's best area for Haddock is 15 minutes travel from Gamvik.

— —

В центре внимания была близость к рыбопромысловому району. При этом учитывалась экология и возможность развития потенциала порта. Затем я обратилась к журналу Норвежской береговой администрации, чтобы узнать о трафике в рыбопромысловом районе напротив Мехамна и Берлевога. По сравнению с Мехамном можно сэкономить пять часов пути в день. Меньше нагрузка на рыбу, меньше нагрузка на оборудование, тратится меньше дизельного топлива, а значит, это лучше для экологии. Нужно меньше топлива, чтобы добраться до места лова. Лучшее в мире место для лова пикши находится всего в пятнадцати минутах от Гамвика.

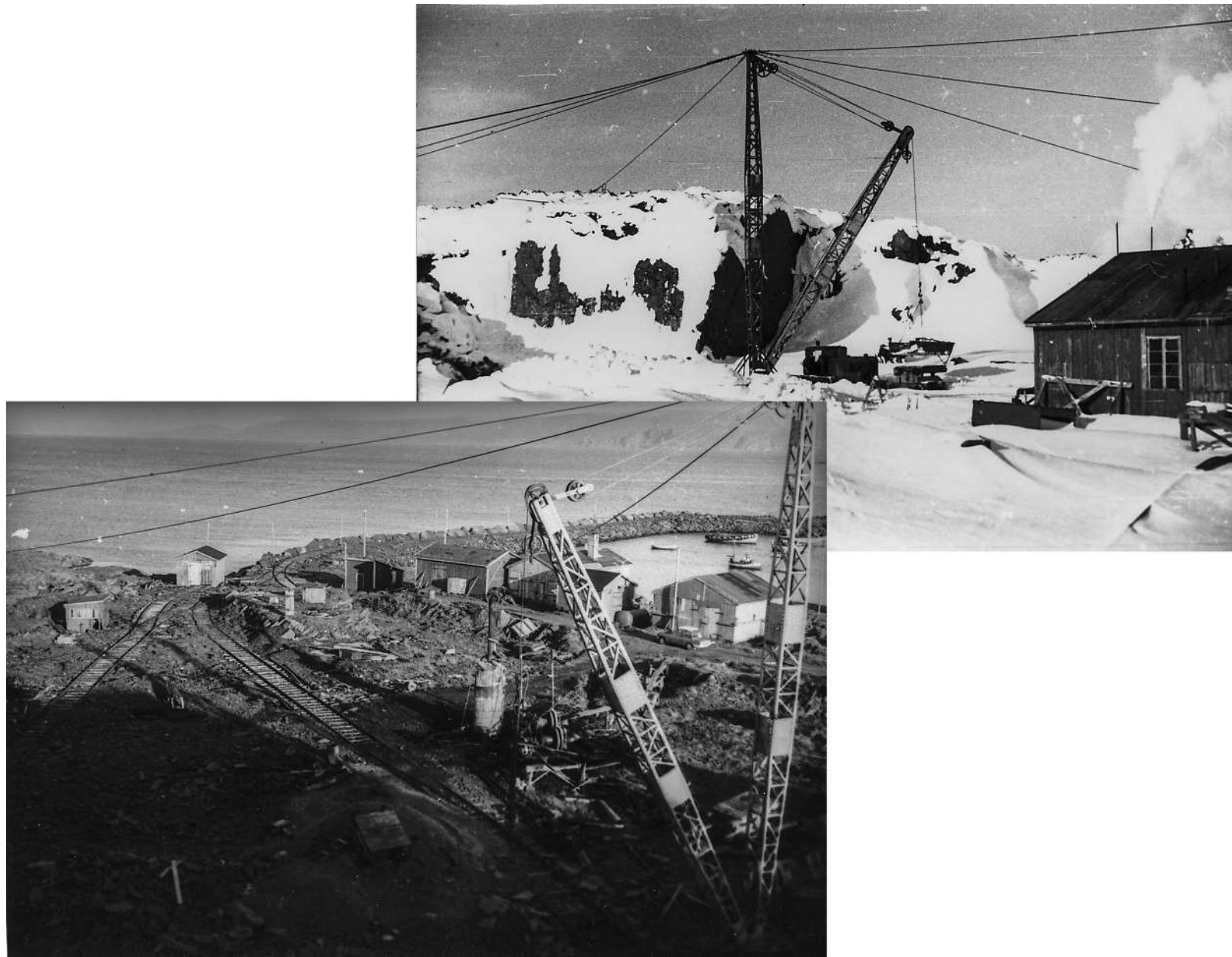

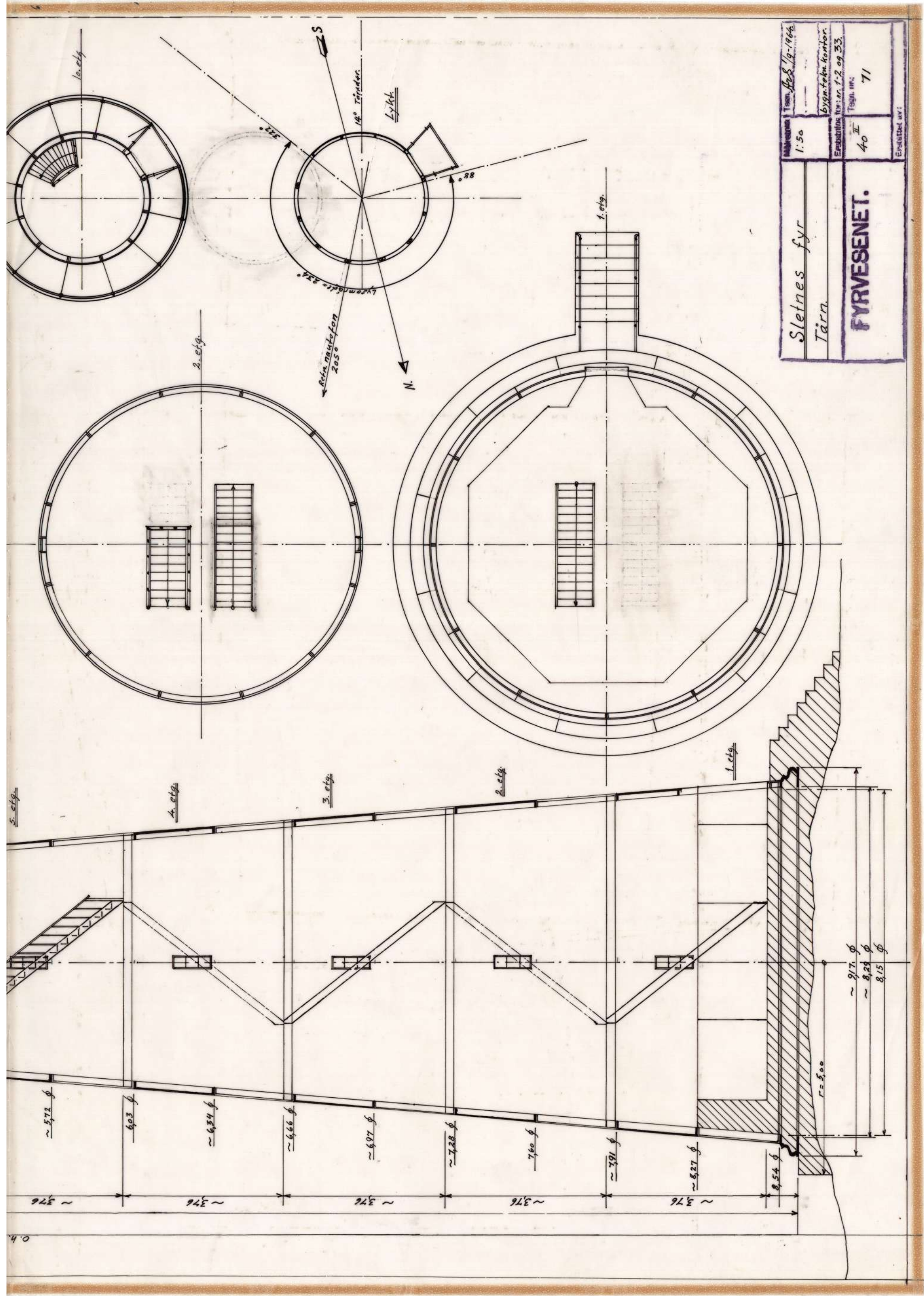
39
—

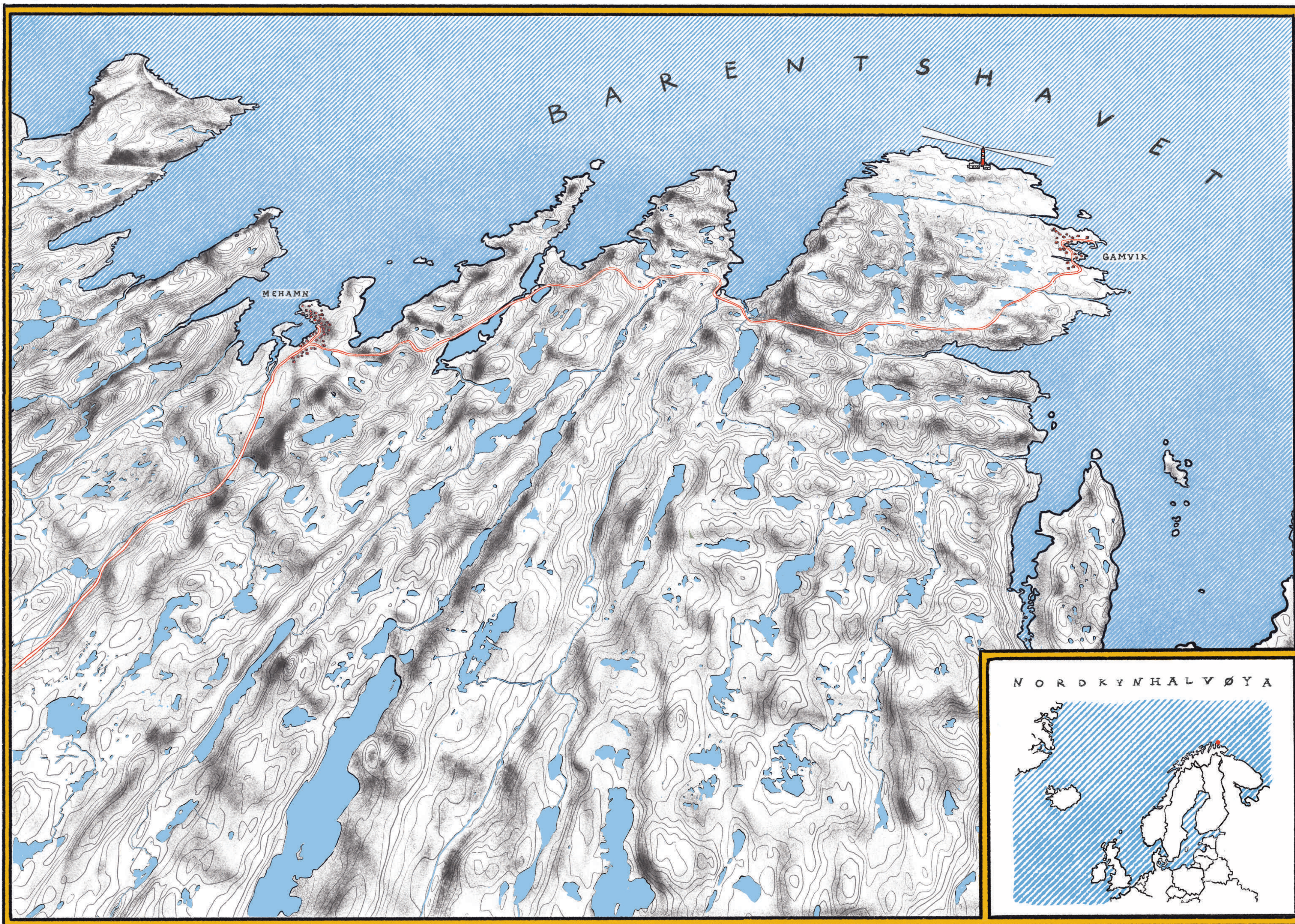
Produksjonen er hovedsakelig fileter av høy kvalitet, av torsk og hyse. I dag eier Gamvik Seafood fem fiskefartøy, to hovedfartøy og tre mindre båter.

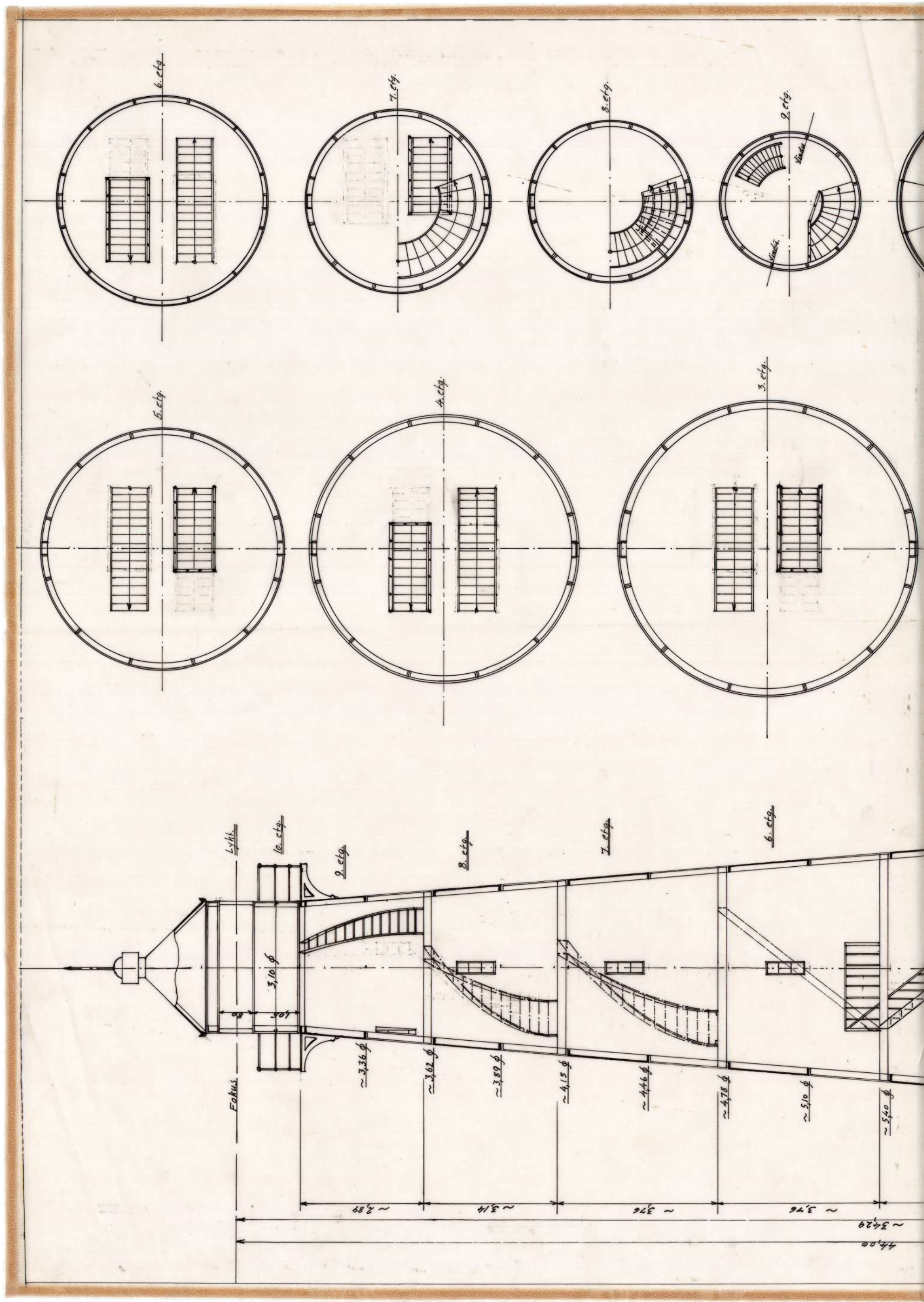
— —
The product sent to consumers from Gamvik is mainly fresh high-quality fillets of cod and haddock. Today Gamvik Seafood owns two main vessels and three smaller boats.

— —
Продукция в основном состоит из высококачественного филе трески и пикши. Сегодня «Gamvik Seafood» владеет пятью рыболовецкими судами, двумя основными судами и тремя небольшими лодками.

VII

41 — Jeg har ansvaret for renholdet og også for at alt er på plass når arbeidet tar til på morgenen, hansker og diverse annet. Akkurat hva jeg skal kalle min stilling, min jobb, er ikke helt enkelt. Jeg arbeider også med fisken, jeg står ved bordet og skjærer bort bein og annet, renskjærer filetene. Jeg har en rekke oppgaver. Jeg sjekker også temperaturen på fisken og holder et øye med at alt går riktig for seg. Det er mer interessant for meg å ha alle disse oppgavene.

I'm responsible for the cleaning and also that everything is in place when the work starts in the morning, gloves and various other things. Exactly what I should call my position, my job, isn't quite that simple. I also work with the fish, I stand at the table and cut away bones and other things, clean the fillets. I've got a number of tasks, I also check the temperature of the fish and keep an eye on everything. It's more interesting for me to have all these duties.

Я отвечаю за уборку, а также за то, чтобы утром к началу работы все было на месте, перчатки и разные другие вещи. Довольно сложно сказать, как называется моя должность, моя работа. Я также работаю с рыбой, стою у стола и вырезаю кости и прочее, очищаю филе. У меня несколько задач. Я также проверяю температуру рыбы и слежу, чтобы всё было хорошо. Мне интереснее выполнять все эти задачи.

I think it's an unpopular job. I know of several unemployed people here, so I get a little irritated by that. Once I've talked about it with an acquaintance who is unemployed, and he said: "No, my God, I'm educated. I'm not going to work at the fish factory." He actually said that to my face.

42 — Nå er det veldig periodevis, så når vi har mye fisk da er det mye jobbing, men så er det perioder med dårlig fiske. Akkurat

nå på denne tiden i november, desember og januar så tar det seg veldig opp. Jeg vet aldri på forhånd når jeg skal jobbe. Vi får beskjed dag for dag om det blir jobb neste dag. Som oftest er det fra åtte om morgenen til ut på ettermiddagen en gang. Men det hender at vi har kommet på jobb klokken fire, fem om morgenen og jobbet til langt på kvelden.

At the moment, it's very intermittent, but when we've got a lot of fish, it's from morning until late afternoon. There are periods of bad fishing, but at this time, in November, December and January, it picks up a lot. I never know when I'll have to go to work. We're informed on a daily basis if there will be work the following day. Most of the time it's from eight in the morning until late in the afternoon. But it happens that we've got to come to work at four, five in the morning and stay until late in the evening.

Сейчас занятость непостоянная: когда у нас много рыбы, то работы много, но бывают и периоды, когда рыбы мало. Сейчас, в ноябре, декабре и январе рыбы становится значительно больше. Я никогда не знаю заранее, когда буду работать. Нас уведомляют каждый день, будет ли работа завтра. Чаше всего мы работаем с восьми утра и до второй половины дня. Но бывает, что мы приходим на работу в четыре, пять утра и работаем до позднего вечера.

43 — Jeg kommer på jobb klokken åtte og så avløser vi hverandre etter to timer. Vi jobber i totimers intervaller. Jeg har stått på en og samme plass og kan ikke

uttale meg om hvordan det er på pakking eller noe annet, jeg skjærer bare fileten. Det vil si, vi skjærer ikke fileten, vi reinskjærer den. Det er en maskin som både skjærer, kapper hodet og tar av skinnet. Det er kaldt som fy når vi står og produserer. Det er kvalitet hele veien. Vi har sikkerhetsklarering som gjør at de kan sende fisken direkte med fly.

I get to work at eight o'clock, and then we relieve each other every two hours. We work in two-hour intervals. I've always been doing one and the same thing here, so I can't comment on how it is with packing or anything else, I just cut the fillet. That is to say, we don't actually cut the fillet, we re-cut it. It's a machine that both cuts the fish and removes their head and skin. It's cold as hell where we do our work. But there's quality all the way. We've got a security clearance that allows us to send the fish directly by plane.

Я прихожу на работу в восемь, а через два часа мы меняем друг друга. Работаем с двухчасовыми интервалами. Я выполняю одну и ту же операцию и не могу сказать, как идут дела на упаковке или в других местах, я просто режу филе. То есть мы не режем филе, а очищаем его. Есть аппарат, который одновременно режет, отрезает голову и снимает кожу. Там, где мы работаем, чертовски холодно. Качество превышает всего на всех этапах. У нас есть сертификаты безопасности, поэтому рыбу можно отправлять напрямую самолетом.

46 — Er det mulig å forhandle om bedre lønn? Jeg vet ikke hvordan jeg skal si det. Vi har ingen fagforening, for eksempel... Hvorfor ikke? Fordi folkene ikke er bevisste på det og så er de så evig lojale mot arbeidsgiveren. De vil ikke stikke seg ut eller noe slikt. Vi har snakket om det å organisere oss, men så er jeg litt feig. Jeg har heller ikke lyst til å stikke meg ut. Jeg har ikke lyst til å ha den rollen.

Is it possible to negotiate a better salary? I don't know how to say it. We've got no union, for example... Why not?

Because the people aren't aware of it, and they're also extremely loyal to the employer. They don't want to stand out or anything like that. We've talked about getting organized, but then I'm a bit of a coward myself. I don't want to stick out either. I don't want to play that role.

— —
Можно ли договориться о более высокой зарплате? Я не знаю, как об этом сказать. У нас нет профсоюза, например... Почему нет?

Потому что люди не задумываются об этом, и они безгранично преданы работодателю. Они не хотят выделяться или что-то в этом роде. Мы говорили о том, чтобы организоваться, но я немного трушу. Я тоже не хочу выделяться. Я не хочу брать на себя эту роль.

44 — Til sammen er vi tre norske som jobber på bruket, jeg fra Gamvik og to fra Mehamn. Jeg tror at det er upopulært arbeid. Jeg vet om flere her som er arbeidsledige, det blir jeg litt provosert av. Da vi snakket om det med en kjenning som er arbeidsledig, sa han: "Nei, herregud, jeg har jo utdanning. Jeg skal ikke jobbe på fiskebruket." Og det sa han til meg.

In total, we're three Norwegians working at the factory, I'm from Gamvik and the other two are from Mehamn. I think it's an unpopular job. I know of several unemployed people here, so I get a little irritated by that. Once I've talked about it with an acquaintance who is unemployed, and he said: "No, my God, I'm educated. I'm not going to work at the fish factory." He actually said that to my face.

Всего на заводе работают трое норвежцев: я из Гамвика и двое из Мехамна. Я думаю, это непопулярная работа. Я знаю здесь нескольких безработных, и меня это немного раздражает. Когда мы обсуждали это с моим безработным знакомым, он сказал: «Нет, боже мой, у меня есть образование. Я не буду работать на рыбозаводе». И он сказал это мне.

45 — Utlendingene synes at det er veldig gode penger, men for meg som er norsk og har både hus og lån og gjeld så er det ikke

så veldig bra, men jeg klarer meg.

The foreigners think it's very good money, but for me, who is Norwegian and has a house, a loan and a debt, it's not so great, but I manage.

Иностранцы думают, что это очень хорошие деньги, но для меня, норвежки, у которой есть и дом, и кредит, и долг, это не так уж и много, но я справляюсь.

47 — Vi har jobbet lenge sammen, men vi vet ingen ting om hverandre. De fleste på bruket kan ikke engelsk. Det går mye på fingerspråk og at de som kan engelsk videreformidler til de som ikke kan. Enkelte fungerer nærmest som tolker. Det går på et vis. Det må gå.

We've worked together for a long time, but we know nothing about each other. Most people at the factory don't speak English. We rely a lot on sign language and on the workers who understand English to pass the information to those who don't. Some of them act almost as interpreters. Somehow it works. It just has to.

— —
Мы давно работаем вместе, но ничего не знаем друг о друге. Большинство людей на заводе не говорят по-английски. По большей части мы общаемся жестами, и те, кто знает английский, передают информацию тем, кто на нём не говорит. Некоторые практически работают переводчиками. В какой-то мере это работает. Это должно работать.

Мы давно работаем вместе, но ничего не знаем друг о друге. Большинство людей на заводе не говорят по-английски. По большей части мы общаемся жестами, и те, кто знает английский, передают информацию тем, кто на нём не говорит.

48 — Det første opplevelsen var natu-
ren. Jeg ble hentet på flyplassen
og kjørt ut til Slettnes fyr. Det
var dette veldig åpne, vidstrakte
landskapet, rett ut mot havet.
Det var ikke et landskap som jeg
var vant med.

— The first thing that struck me was nature. I
was picked up at the airport and was taken to
the Slettnes lighthouse. It was this very open
and expansive landscape, going straight into
the ocean. Not a scenery I was used to.

— Первое, что меня поразило, это природа.
Меня встретили в аэропорту и отвезли
на маяк Слеттнес. Я увидел открытый
ландшафт, простирающийся за морской
горизонт. Такой пейзаж был для меня
непривычен.

49 — Det første nykommere sier er hvor karrig det
er. Her e jo ingenting, sier de. Men det kom-
mer litt an på når tid de kommer. Får vi dem
når vi har godværsdager med midnattsola og
hele greian, så vet vi at de blir forelsket – og
at de kommer tilbake. Men kommer de hit når
det er tåke, så kommer de aldri tilbake.

— What the newcomers first notice when they get here is
how desolate it is. “There’s nothing here!” they say. But
that depends a bit on when they come. If they arrive on
one of the good weather days, with the midnight sun and
the whole package, we know they’ll fall in love with the
place and they’ll come back. But if they come here when
there’s fog, you’ll never see them again.

— Первое, что отмечают новички, это то, насколько здесь
пустынно. «Здесь ничего нет», – говорят они. Но это
немного зависит от того, когда они приехали. Если
они приехали в погожий день, когда белые ночи и всё
такое, то мы знаем, что они влюбятся и вернуться. Но
если они приезжают в туман, они никогда не вернуться.

52 — Du får disse kontrastene. Når det er fint vær så er det
viktig å bruke dagen. Elementene kan være så harde for
naturen, så hver gang naturen ser muligheten til å bade i
solen, eller vokse, eller å fange en fisk, så slipper du alt og
følger det instinktivt. Når jeg blar gjennom bildesamlingen
min så slår det meg hvor mye fint vær det er. Det hand-
ler om å gripe sjansen, gripe dagen.

— You get these contrasts. When the weather is good, it’s important
to make the most of the day. The weather can be so hard on nature
here, so whenever nature sees the opportunity to bask in the sun, or
grow, or catch a fish, then you also drop everything and follow that

50 — Været var glimrende,
og jeg ble fra første
stund møtt med
åpne armer. Møtte
mange gamvikvæ-
ringer og alle var jo
interessert i å prate: Er det du
som er “nylæreren”? Det var et
begrep som fulgte meg ganske
lenge. Folk var åpne og interes-
sert i hvem jeg var. Jeg havnet
fort på bygdefest og ble kjent
med veldig mange.

— The weather was excellent, and
from the first moment I was
welcomed with open arms. I met
a lot of locals and everybody
wanted to talk to me. “Are you
the new teacher?” was a phrase
that followed me for quite a
while. People were open and
interested in who I was. I soon
ended up at a village party and
got to know many more.

— Погода была прекрасная,
и меня сразу же встретили
с распростертыми объятиями.
Я познакомился со многими
местными жителями, и всем
было интересно со мной пого-
ворить: «Вы тот самый «новый
учитель?» Это словосочетание
прилипло ко мне надолго.
Люди были открыты и инте-
ресовались тем, кто я такой.
Я быстро оказался на деревен-
ской вечеринке и со многими
там познакомился.

instinctively. Looking through my collection of pictures, it strikes
me how much nice weather we have here. It’s all about seizing the
opportunity, seizing the day.

— Ты замечаешь эти контрасты. Когда погода хорошая, важно
провести день с пользой. Стихия может быть настолько суровой,
что каждый раз, когда есть возможность погреться на солнышке,
или что-то вырастить, или поймать рыбу, бросаешь всё и ин-
стинктивно следуешь за ней. Когда я просматриваю свои фото-
графии, меня поражает, как много здесь бывает погожих дней.
Нужно пользоваться шансом, не упускать момент.

51 — Du vet sikkert at det ikke e så
fint vær her hver dag, altså.
Men artigst, som æ synes, e å
finne på noe sammen med de
som e yngre, eller eldre. Uansett
hvor gammel du e, dæm bryr
seg selvsagt om hvor gammel du e, men du
må vise at du e interessert i dæm, så blir
dæm interessert i dæ. Til å henge sammen.
Selvfølgelig e det ikke et så stort sted, men
når det e sommer, spesielt da, e det mye å
gjøre. Masse ting å gjøre.

— I’m sure you know the weather isn’t great
here every day. In my opinion, the best thing
is to do something together with those who
are younger or older. No matter your age,
though obviously they care about how old
you are, you have to show you’re interested
in them, and they’ll become interested in you
and hanging out together. Of course, it’s not a
big place, but, especially in summer, there’s a
lot to do. Lots of things to do.

— Вы, наверное, знаете, что здесь не каж-
дый день такая хорошая погода. Но самое
интересное, как мне кажется, это прово-
дить время с теми, кто младше или старше.
Независимо от возраста, хотя им, конечно,
важно, сколько тебе лет. Но нужно пока-
зать, что ты заинтересована в них, и тогда
они будут интересоваться тобой и будут
проводить время вместе с тобой. Конечно,
это не такое уж большое место, но здесь
есть чем заняться, особенно летом.
Много всего.

53 — Når man kommer hit fra utsiden, er det som om stedets begrensninger gir en følel-
se av lettelse. Alle ting er mye mindre, i en mer menneskelig målestokk. Husene,
vegen, relasjonene, med unntak av den store, åpne naturen som møter deg alle-
rede på dørterskelen. Været har alltid det siste ordet, men det føles godt å slippe
kontrollen noen ganger. Og folk her har en avslappet holdning og en begeistring
overfor forholdene. Det gir ikkje økonomisk vinning og det tok meg et år å forstå
godene ved å leve med naturen og ikke føle seg skyldig. Men dette setter ting i et perspektiv
som jeg ikke har sett tidligere.

— Coming from outside, the limitations of this place induce a sense of ease. Everything is on a
much smaller, more human scale. The houses, the roads, the relations. Except for the grand
open nature at the doorstep. The weather has the last word and it feels good to let go of con-
trol sometimes. And people here are laid-back and cheerful about it. As it’s so against what our
economy rewards, it took me a year to switch and notice the benefits of living with nature and
not feel guilty. But that put things in perspective I hadn’t seen before.

— Когда приезжаешь сюда извне, кажется, что ограниченность места несёт в себе облег-
чение. Все гораздо меньше в привычном для человека масштабе: дома, дороги, отноше-
ния, за исключением необъятной, открытой природы, встречающей тебя уже на пороге.
Последнее слово всегда за погодой, но иногда приятно отпустить ситуацию. И люди здесь
спокойные и приветливые. Это не даёт финансовой выгоды, и мне потребовался год, что-
бы понять преимущества жизни в гармонии с природой без чувства вины, но это застав-
ляет посмотреть на вещи с совершенно иной перспективы, о которой я раньше не думал.

54 — Jeg har vist bilder av Gamvik og folk har blitt sjokkert; bor du der? Hvorfor i all verden gjør du det? Jeg bruker å si én ting, etter å ha vært på slike reiser og komme hjem og sitte på trappa og ta meg en røyk og bare glane over til Berlevåg. Det er en enorm ro i det.

— I've shown pictures of Gamvik to some people and they've been shocked: "Do you really live there? Why in the world would you do that?" I usually say one thing: after coming home from various trips, I sit on the stairs, have a smoke and just gaze over towards Berlevåg, and I find a great calm in that.

— Я показывал фотографии Гамвика нескольким людям, и они были шокированы: «Ты там живешь? Почему?» Я обычно говорю одну вещь: после таких поездок, возвратившись домой, сиदिшь на лестнице, куришь и просто смотришь на Берлевог. В этом огромное спокойствие.

Du får disse kontrastene. Når det er fint vær så er det viktig å bruke dagen. Elementene kan være så harde for naturen, så hver gang naturen ser muligheten til å bade i solen, eller vokse, eller å fange en fisk, så slipper du alt og følger det instinktivt.

IX

55 — En høst kom den eldste sønnen vår, som den gang kunne være 7-8 år, og sa – Torfinn og æ vil telte oppe ved Astridbakken i natt. Vi, foreldrene syntes det var greit, men kvelden kom og det ble mørkere og mørkere. Morshjertet ble etter hvert ganske bekymret, og begynte å mase på Torgrim. – Tenk om guttene blir redde. Etter at jeg hadde gjentatt dette samme budskapet ganske mange ganger, ble han lei og forkynte at han ikke orket å høre mer på dette.

One autumn, our eldest son, who could have been 7 or 8 years old at that time, rushed in and said that he and Torfinn wanted to overnight in a tent at Astridbakken. As parents we agreed, but when the evening came and it grew darker and darker, I started worrying, as mothers do. “Oh, what if the boys get scared?”, I expressed my concern to Torgrim over and over. In the end, he was fed up and said that he couldn’t listen to this anymore.

Однажды осенью пришел наш старший сын, которому тогда было, наверное, лет 7-8, и сказал, что они с Торфинном будут ночевать на Астридбаккенне. Мы, родители, согласились, но наступил вечер, становилось все темнее и темнее. В материнском сердце постепенно зародилось беспокойство, и я начала донимать Торгрима: «А если мальчики испугаются?» Я повторяла это много раз, ему это надоело, и он заявил, что не может больше это слышать.

Растительный мир на побережье Финнмарка совершенно особенный по сравнению с южными районами. Здесь, на полуострове Нордкин, мы живём у моря. В то же самое время, с ботанической точки зрения, мы живём в горах. Растения, считающиеся горными, растут здесь вместе с морскими пляжными растениями у осушной полосы.

57 — Det var ingen grunn for dem å bli redde. De var begge så vant med å være ute i det fri, ute i naturen. De visste hvordan de skulle ta vare på seg sjøl. Men som mamma var jeg bekymret.

56 — “Ok, jeg skal ta med meg en lommelykt og gå opp og sjekke.” Han la i vei den ca. 1,5 km lange turen. Vel tilbake forkynte han. “Jeg trengte ikke gå helt bort til teltet. Jeg stoppet en 10 meter unna. Da hørte jeg en jevn og lydelig during fra to gutter som snorket inne i teltet.”

There was no reason for them to be afraid. Being that confident out in the wild comes from the familiarity with nature, they knew how to take care of themselves. But as a mother, I was worried.

У них не было причин бояться. Они оба так привыкли быть на открытом воздухе, на природе. Они знали, как позаботиться о себе. Но я как мать волновалась.

«Ладно, я возьму фонарик, поднимусь и проверю». До туда было примерно 1,5 км. Всю обратную дорогу он смеялся. «Мне даже не пришлось подходить к палатке. Я остановился в 10 метрах. Затем я услышал, как в палатке ровно и громко храпят два мальчика».

THIS WAS IN 1977 AND THERE WAS A WAVE THEN GOING THROUGH THE COUNTRY WHERE, AMONG OTHER THINGS, LOCAL IDENTITY WAS CENTRAL. WE HAD THE ALTA CAMPAIGN, WE GOT THE UNIVERSITY IN TROMSØ, WE HAD A WAVE OF SONGS IN WHICH THE DIALECTS WERE IMPORTANT. ALSO IN SCHOOLS, IT BECAME DESIRED TO FOCUS ON THE LOCAL.

58 — Jeg var ikke noe typisk barn. Da jeg fikk lov, gikk jeg hele veien ut til fyret. Jeg gikk langs stranda og undersøkte alt jeg kom over. Når du går alene, blir observasjonene dine mer nøyaktige og du blir mer klar over omgivel-sene. Du leser naturen. Du legger merke til spor etter dyr, kanskje hår fra pels eller rester av avfø-ring. Du blir fokusert, i stedet for å bable i vei med en eller annen. Og hvis du er i stand til å snike deg fremover, slik at dyrene verken kan se eller høre deg, da kan du vir-kelig lære hva som skjer rundt deg. Og dette var det jeg gjorde som barn.

— I wasn't a typical child. When I was allowed to go out, I'd walk all the way to the Slettnes lighthouse, following the coast and just exploring everything. When you go out alone, your observations become more accurate and you're more aware of your surroundings. You read the

nature. You notice tracks left by animals, maybe fur or scat, if you're focused instead of blabbing with someone. And if you're able to move in stealth mode, so the animals can't see or hear you, then you'll learn what's going on around you. That's what I'd do when I was a kid.

— — Я не был типичным ребёнком. Когда мне разрешили, я дошел до самого маяка. Я шёл по берегу и осматри-вал всё, что попадалось мне на пути. Когда гуляешь в одиночестве, наблюдения становятся более точны-ми, и ты лучше замечаешь то, что тебя окружает. Ты читаешь природу. Ты замечаешь следы животных, воз-можно, кусочки шерсти или остатки фекалий. Ты со-средотачиваешься, а не болтаешь с кем-то всю дорогу. А если ты сумеешь подкрасться, чтобы животные тебя не увидели и не услышали, то ты действительно сможешь узнать, что происходит вокруг тебя. Именно этим я и занимался в детстве.

59 — For den som er interessert i planter finnes det ikke noe som heter kjedelige turer. Jeg selv startet mine egne undersøkelser i området sommeren 1975. Det var ingen dans på roser a foreta omfattende undersøkelser på Nordkyn. Den gang var fremdeles halvøya for størstedelen et vegløst område. Tove, når du tenker tilba-ke. Var du aldri redd for meg?

For those who are interested in plants, there is no such thing as boring walks. I started my own research in the area in the summer of 1975. At that time, conducting extensive research on Nordkinn was no bed of roses. Back then the peninsula was still for the most part a roadless area. Tove, if you remember back, weren't you worried for me then?

— —

Для тех, кто интересуется растениями, не бывает скучных прогулок. Я начал само-стоятельно изучать эту территорию летом 1975 года. В то время провести обширные исследования Нордкина было непросто. На полуострове по большей части ещё не было дорог. Туве, если подумать, ты никог-да за меня не переживал?

62 — Etter hvert må jeg kunne si at jeg hadde undersøkt Nordkyn gan-ske grundig, men det føltes alltid som om noen områder burde vært undersøkt litt grundigere. Så kom høsten 1980. Da viste det seg at min kone totalt uventet var blitt gravid med vårt andre barn.

Eventually, I wanted to be able to say that I had investigated Nordkinn quite thoroughly, but I always felt that some areas should have been explored a bit more. Then came the fall of 1980 when it turned out that my wife had very unexpectedly become pregnant with our second child.

— — В конце концов я должен сказать, что исследовал Нордкин довольно тщательно, но всегда казалось, что некоторые райо-ны нужно было исследовать чуть лучше. Наступила осень 1980 года, и оказалось, что моя жена совершенно неожиданно забеременела нашим вторым ребенком.

60 — Selvfølgelig. Men hva kunne jeg gjøre? Torgrim pakket ryggsekken med tørkafisk og rosiner, slikt som var lett å bære, pluss kart, kamera og utstyr for å registrere og presse planter. Så dro han i vei. Dette var før mobiltelefonens tid. Ingen i Gamvik visste hvor han var, og hvor lenge han skulle være borte. Turene kunne ta både to og tre dager, ofte uten å møte et eneste menneske.

I was worried, but what could I do? Torgrimm would pack his backpack with dried fish and raisins, so that it'd be easy to carry, his map, camera and equipment to register and preserve the plants. And then he'd just leave. This was before mobile phones. Nobody in Gamvik knew where he was. He could be away for two-three days, not meeting a single person.

— —

Конечно. Но что я мог сделать? Торgrim набивал свой рюкзак вяленой ры-бой и изюмом, тем, что было легко нести, а также брал карты, фотоаппарат и оборудование для регистрации и прессования растений. Затем он уходил. Это было до появления мобильных телефонов. Никто в Гамвике не знал, где он и как долго его не будет. Походы могли длиться по два-три дня, часто за это время он не встречал ни души.

61 — Plantelivet på kysten av Finnmark er nokså spesielt sammenlignet med områder lenger sør. Her på Nordkyn bor vi ved havet. Samtidig bor vi på fjellet i botanisk sammenheng. Her vokser planter som betegnes, som fjellplanter sammen med havstrandplanter nede ved fjæra. Sammensetningen av floraen på Nordkyn kan best sammenlig-nes med floraen i Sør-Norge på høyder fra 1000-1400 m.o.h. Et godt eksempel på dette er issolleie. Det er den blomsterplanten som går høyest opp i fjellet i Norge, til 2370 m.o.h. I Sør-Norge vokser den bare i høyfjellet. På Nordkyn fant jeg den i en rasmark ved Veslevika på Slettnes, 30 meter fra fjæra.

The plant life on the coast of Finnmark is quite different compared to the areas further south. Here on Nordkinn, we live by the sea. But at the same time, in a botanical context, we live in the mountains. Here, plants that are described as mountain species grow together with sea beach plants down by the shore. The composition of the flora on Nordkinn in reality compares with the flora in southern Norway at altitudes of 1000-1400 meters above sea level. A good example of this is glacier buttercup. This flowering plant grows at the highest altitudes in the Norwegian mountains, up to 2370 meters above sea level. In southern Norway, it only grows in the high mountains. On Nordkinn, I've found it in a landslide at Veslevika on Slettnes, 30 meters from the shore.

— —

Растительный мир на побережье Финнмарка совершенно особенный по сравнению с южными районами. Здесь, на полуострове Нордкин, мы живём у моря. В то же самое время, с ботанической точки зрения, мы живём в горах. Растения, считающиеся горными, растут здесь вместе с морскими пляжными растениями у осушной полосы. Состав флоры Нордкина сопоставим с фло-рой южной Норвегии, произрастающей на высоте от 1000 до 1400 м над уровнем моря. Хорошим примером является лютик ледниковый. Это цвету-щее растение растет в горах Норвегии на высоте 2370 м над уровнем моря. В южной Норвегии оно растет только высоко в горах. На Нордкине я нашёл его на отвесном склоне в Веслевики на Слеттнесе в 30 метрах от берега.

63 — Jeg sa: “Hvis du ikke nå blir ferdig med hovedfaget, ja, så bare glem det.” Den 22. juni 1981 kl. 09.00 om morgenen forsvarte Torgrim sin hovedfagsoppgave, og klokke ni om kvelden kom vår yngste sønn til verden... Resultatet av Torgrims arbeid er hovedfagsoppgaven hans: En plantegeografisk undersøkelse av Nordkynhalvøya. Jeg tror ikke noen personer har vært på så mange ulike steder på halvøya. Etter Torgrims død overlot jeg hans plante-lysbilder til museet.

I said to him: “If you don't finish this now, just forget it.” On the 22 June 1981 at 9 am Torgrim defended his thesis, and at 9 pm the same day our son was born... The result of Torgrim's work was his postgraduate thesis about the geographic exploration of plants at the Nordkinn Peninsula. And I think no one has explored all over the area as he did. After Torgrim's death, I gave the collection of his slides to the museum.

Я сказала: «Если ты не закончишь учёбу сейчас, тогда просто забудь об этом». В 09.00 утра 22 июня 1981 года Торgrim защитил свою дипломную работу, а в девять вечера у нас родился младший сын... Результатом труда Торгрима стала его дипломная работа на тему географического исследования растений полуострова Нордкин. Я думаю, что никто не был в таком количестве разных мест на полуострове. После смерти Торгрима я передала его диапозитивы растений в музей.

64 — Jeg er veldig stolt av museet. Det hele begynte egentlig med to interesser: for historie og for fotografering. Jeg hadde et bra speilreflekskamera og fullt mørkeromsutstyr. Da Finnmark ble brent i 1944, mistet folk her sine familiealbum. Seinere fikk noen sendt familiebilder fra slektninger sørpå. Så kom folk til meg og spurte om jeg kunne lage kopier av disse bildene.

The museum? I'm very proud of it. For my part, it all started with two interests: history and photography. I had a very good camera and a fully equipped darkroom. When Finnmark was burnt in 1944, many locals lost their family albums. As time passed, some people were sent old pictures from relatives in the south. They often came to me and asked to make copies.

Я очень горжусь музеем. На самом деле всё началось с двух интересов: к истории и к фотографии. У меня была хорошая зеркальная камера и всё необходимое оборудование для фотолаборатории. Когда Финнмарк был сожжён в 1944 году, люди потеряли свои семейные альбомы. Позже некоторым жителям родственники с юга присылали семейные фотографии. Тогда люди подходили ко мне и спрашивали, могу ли я сделать копии этих фотографий.

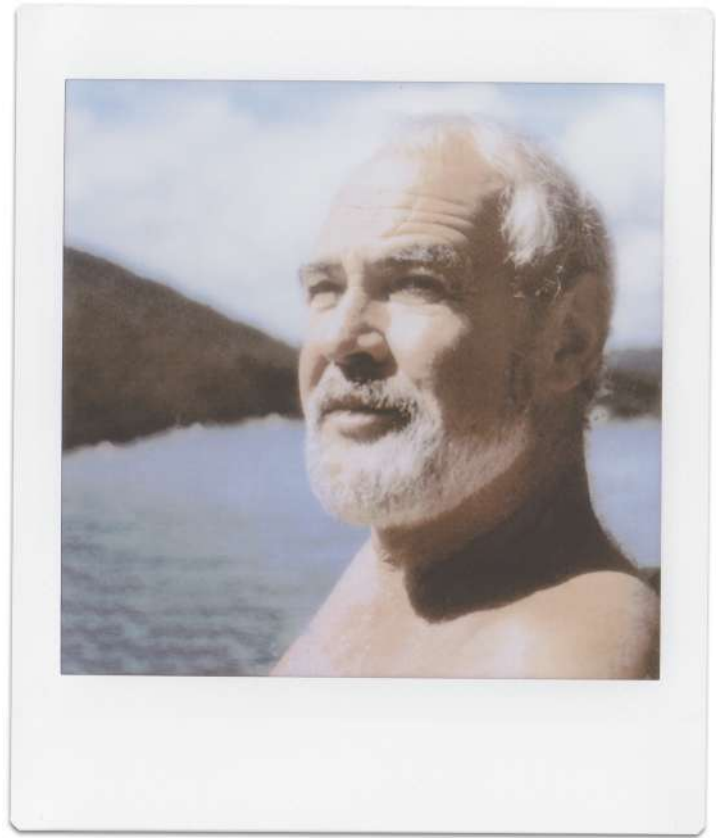
65 — Lars Petter Aamodt og jeg jobbet sammen og plutselig satt vi med et par hundre bilder, og lurte på hva vi skulle gjøre med disse. Vi inviterte folk til å komme og identifisere bildene. En rørende historie er den om den gamle kvinnen som plutselig slår hendene sammen og utbryter: “Oh, dette er bryllupsbilde av mine foreldre. Jeg har ikke sett det siden krigen.” Dette var i 1977 og det gikk en bølge over landet der bl.a. lokal identitet sto sentrum. Vi hadde Alta aksjonen, vi fikk universitet i Tromsø, vi fikk en visebølge der dialektene var viktig. Også i skolen ble det viktig å fokusere på det lokale. Dette var viktig fordi folk i Finnmark var vokst opp med en følelse av at deres historie ikke var verdt verken aviser eller bøker. Vi begynte å lete etter gjenstander som vi kunne presentere sammen med bildene. Den første utstillingen ble satt opp på skolen. Denne la grunnlaget for museet.

Lars Petter Aamodt and I worked together, and suddenly we were sitting with a couple of hundred pictures and wondering what we should do with these. So we invited people to come and try to identify the photographs. One touching story is about an elderly woman who suddenly clapped her hands and exclaimed: “Oh, this is a wedding picture of my parents! I've not seen it since the war.” This was in 1977 and there was a wave then going through the country where, among other things, local identity was central. We had the Alta campaign, we got the university in Tromsø, we had a wave of songs in which the dialects

were important. Also in schools, it became desired to focus on the local. This was important because people in Finnmark had grown up with a feeling that their history was not worth either newspapers or books. We started then looking for objects that we could present along with the pictures. The first exhibition was set up at the school. This laid the foundation for the museum.

Ларс Петтер Аамодт и я работали вместе, и однажды мы сидели над парой сотен фотографий и задумались, что нам с ними делать. Мы пригласили людей прийти и опознать фотографии. Одна трогательная история произошла с пожилой женщиной, которая вдруг захлопала в ладоши и воскликнула: «Ой, это свадебная фотография моих родителей. Я не видела её со времен войны». Это было в 1977 году, и по стране прокатилась волна, центральную роль в которой играла в том числе местная идентичность. Был конфликт в Альте, у нас появился университет в Тромсё, зародилось песенное движение, которое подчеркивало значимость диалектов. Также в школе стало важным ориентироваться на местное. Это было важно, потому что люди в Финнмарке выросли с чувством, что их история не стоит того, чтобы о ней рассказывали ни в газетах, ни в книгах. Мы начали искать предметы, которые могли бы показать вместе с фотографиями. Первая выставка была организована в школе. Это стало основой для музея.

66 — Min rolle det siste året har vært å gå gjennom museets status og situasjon. Det traff dette museet som det traff mange andre museer under pandemien at det plutselig ikke kom noen på døren. Det kom ingen turister. Og da måtte man stille seg spørsmålet: Okey, men hvor er det blitt av lokalbefolkningen? De burde absolutt ha vært her.

— My role over the past year has been to review the museum's status and situation. What hit this museum, as it did with many other museums during the pandemic, was that suddenly there were no visitors. No tourists came. And then one had to ask the question: Okay, but where have the locals gone? They definitely should have been here.

— — Моя роль в прошлом году заключалась в том, чтобы проанализировать статус музея и ситуацию. Этот музей, как и многие другие, во время пандемии столкнулся с тем, что посетителей не стало. Туристов не было. И тогда нужно было задать себе вопрос: «Ладно, но куда делись местные? Они определенно должны были быть здесь».

67 — Jeg er lei meg fordi vi ikke greier å integrere våre nye landsmenn bedre, og redd vi kan bli et delt samfunn. Der er ikke konflikter, men heller ikke dialog. Det er ikke slik som jeg kunne ønske det. Selvfølgelig har de et arbeid som er vanskelig å kombinere med de daglige rutinene som vi pensjonister har. Hvis det kommer opp en båt, så må de på arbeid. Jeg vet ikke hvordan vi kan forbedre situasjonen, men jeg hadde ønsket at vi kunne tilbringe mer tid sammen.

— I'm afraid we've got difficulties integrating newcomers and we may become a divided society: no conflict, but no dialogue either. Not as I'd want it to be. Of course their work is hard to combine with daily routines of the pensioners, if there's a boat coming, they go to work. I don't know how to change this, but I wish we could spend more time together.

— — Мне очень жаль, что мы не можем лучше интегрировать наших новых соотечественников, и я боюсь, что мы можем стать разделённым обществом. Конфликтов нет, но и диалога тоже. Всё не так, как мне бы хотелось. Конечно, у них есть работа, которую трудно совместить с повседневными делами, которые есть у нас, пенсионеров. Если приходит лодка, они должны идти на работу. Я не знаю, как мы можем улучшить ситуацию, но я бы хотела, чтобы мы могли проводить больше времени вместе.

I'm afraid we've got difficulties integrating newcomers and we may become a divided society: no conflict, but no dialogue either.

68 — Det er ikke å stikke under en stol at det er utfordringer med den bosettingen vi har. Det er mye utenlandsk arbeidskraft. Enkelte velger å stifte familie, andre kan plutselig reise hjem etter enperiode.

— We shouldn't bury our heads in the sand about the challenges we've got with people settling down here. There's a lot of foreign labour. Some choose to start a family, but others may suddenly return home after a while.

— — Совершенно очевидно, что в нашем поселке есть проблемы с населением. Иностранной рабочей силы много. Кто-то решает создать семью, а кто-то через некоторое время внезапно возвращается домой.

69 — At det kommer folk hit og bosetter seg er det som holder liv i bygda. Uten innflyttere fra andre land så hadde det vært færre elever på skolen og tre, fire unger i barnehagen. Da er det ikke sikkert at det hadde vært verken skole eller barnehage her. Det er heller ikke noe nytt i Finnmark at det kommer folk fra her og der og slår seg ned. Finnmark har vel vært flerkulturell så lenge Finnmark har eksistert. Du vil selvsagt finne folk her, som over alt ellers, som er skeptiske til fremmedhet og annerledeshet, men samtidig har jeg inntrykk av at folk er rausere og åpne for å se ting an, i det minste. De har ikke bare bestemt seg på forhånd at dette vil vi ikke ha.

— The fact that people come and settle here is what keeps this place alive. Without the immigrants from other countries, there'd be fewer students at the school and maybe only three or four children in the kindergarten. It's not even certain that there'd be a school or a kindergarten here at all. It's nothing new to Finnmark that people from all over come and stay here. Finnmark has always been a multicultural place. Of course, like everywhere else, you'll find folks here who are sceptical of strangers and differences, but at the same time, I've got the impression that people here are generally kind and open to seeing new things, at least. They haven't just decided in advance they don't want them.

— Тот факт, что люди приезжают сюда и остаются, поддерживает деревню. Без иммигрантов из других стран было бы меньше учеников в школе и трое-четверо детей в детском саду. Тогда не факт, что здесь были бы школа и детский сад. Для Финнмарка нет ничего нового в том, что люди приезжают сюда со всех уголков и остаются. Финнмарк ведь с самого своего возникновения был многонациональным. Вы, конечно, найдёте здесь людей, как и везде, которые скептически относятся к иностранцам и различиям, но в то же время у меня сложилось впечатление, что люди здесь в основном добрые и открытые новому. Они не решили заранее, что они этого не хотят.

70 — Men det er klart at man har en jobb å gjøre med å få folk mer sammen. Vi mangler et felles møtested ut over butikken. Da jeg kom hit var det mye mere uteliv enn det er nå.

— It's clear that we need to try getting people together more. But we lack a common meeting place except for the shop. When I came here, there was a lot more nightlife than we've got now.

— — Но ясно, что нужно прилагать больше усилий для объединения людей. Нам не хватает общего места для встреч помимо магазина. Когда я приехал сюда, здесь было намного больше развлечений, чем сейчас.

Финнмарк ведь с самого своего возникновения был многонациональным. Вы, конечно, найдёте здесь людей, как и везде, которые скептически относятся к иностранцам и различиям, но в то же время у меня сложилось впечатление, что люди здесь в основном добрые и открытые новому.

71 — Det er lite. Det er veldig lite. Derfor savner jeg en pub. Før, når det var pub her, så var det mer naturlig å møte folk. Når man ikke kjenner folk så er det vanskelig å plutselig ta kontakt. Og språket er en barriere. Men et samlingssted det savner jeg. Jeg håper at det blir pub og kafé på butikken.

— It's small. It's very small. That's why I miss a pub. Before, when there was a pub here, it was more natural to meet people. When you don't know anyone, it's difficult to suddenly make contact. And language is a barrier. But in my view, a gathering place is what's missing the most. I hope there'll be a pub and a cafe in the shop.

— Он маленький. Он очень маленький. Вот почему мне не хватает паба. Раньше, когда здесь был паб, было более естественно встречаться с людьми. Когда ты не знаешь человека, трудно просто так пойти на контакт. И язык – это барьер. Мне не хватает места, где можно было бы встречаться. Я надеюсь, что в магазине откроют паб и кафе.

72 — Jeg opplever det som veldig positivt at det var en pub her. Da kom de norske og de utenlandske sammen og folk ble mer kjent med hverandre. Nå ser man mindre til hverandre.

— I think that having a pub here was really good. Both the Norwegians and the foreigners came there and people got to know each other better. Now, we look less at each other.

— Было очень здорово, когда здесь был паб. Тогда норвежцы и иностранцы собирались вместе, и люди лучше узнавали друг друга. Теперь люди меньше смотрят друг на друга.

73 — Her bor det da altså 240 mennesker fra 22 ulike nasjoner. Vi skal også være deres museum. Vi skal være islendingens og polakkens museum, de som skal tilbringe store deler av sitt yrke og sitt sosiale liv her. Det må vi fange opp. Vi må fange det som skjer akkurat nå. Det betyr at vi kanskje må innom en del politiske spørsmål. Fiskeripolitikk. Klima. Og alt som har med politikk, infrastruktur, boligpolitikk og en hel rekke ting å gjøre. Hvordan kan museet være en slags arena for å utveksle tanker og ideer om å bo på en plass som Gamvik.

— Two hundred and forty people from twenty-two different nations live here. We must also be their museum. We should be the museum also of Icelanders and Poles who will spend large parts of their professional and social life here. We've got to capture that. We need to capture what's happening right now. This means that we may have to address a number of political issues, such as fisheries policy, climate change, infrastructure, housing policy, and a whole range of other things. We need to see how we can turn the museum into a space for exchanging thoughts and ideas about living in a place like Gamvik.

— Здесь живут 240 человек 22 национальностей. Мы должны быть и их музеем тоже. Мы должны быть музеем исландцев и поляков, тех, кто проводит здесь большую часть своей профессиональной и общественной жизни. Мы должны сохранить это. Нам нужно запечатлеть то, что происходит прямо сейчас. Это означает, что нам, возможно, придётся решить ряд политических вопросов в области рыболовства, климата, а также всё, что связано с политикой, инфраструктурой, жилищной политикой и целым рядом вопросов. Мы должны сделать музей своеобразной площадкой для обмена мыслями и идеями о жизни в таком месте, как Гамвик.

74 — Jeg mener også at det er viktig for Gamvik kommune å se helheten i kommunen. Mehamn er ingenting uten Gamvik og Skjånes, og Gamvik er ingenting uten Mehamn. Det er en sameksistens som vi må ta vare på.

— I also believe that it is important for Gamvik municipality to see the whole in the municipality. Mehamn is nothing without Gamvik and Skjånes, and Gamvik is nothing without Mehamn. It is a coexistence that we must take care of.

— Я также считаю, что для коммуны Гамвик важно видеть целостность. Мехамн – ничто без Гамвика и Скьонеса, а Гамвик – ничто без Мехамна. Это симбиоз, о котором мы должны заботиться.

75 — Jeg drømmer om at Gamvik skal få litt flere mennesker. Ikke så mange, men slik det var i gamle dager. Det var definitivt mer munterhet her og Gamvik ønsket alle sjømenn og utlendinger velkommen. Der er forfriskende med nye fjes i bygda.

— I dream Gamvik could have a little more people. Not too many, but some more, as in the old days. It surely was more cheerful then, and Gamvik has always welcomed all seamen and foreigners. It's refreshing to have some new faces around.

— Я мечтаю, чтобы в Гамвике было чуть больше людей. Не очень много, а столько, сколько было раньше. Здесь было определённо веселее, и Гамвик радушно принимал всех моряков и иностранцев. Новые лица в деревне воодушевляют.

VI BALANSERER ALLTID PÅ EN TYNN LINE, SELV NÅR DET ER ENKELTE GODE ÅR. DETTE KAN VÆRE EN GANSKE STOR PÅKJENNING. EN GANSKE NY ARTIKKEL SIER AT FOLK FLEST ØNSKER Å REISE NORDOVER, MEN BARE FOR FERIEOPPHOLD. DETTE ER PÅ MANGE MÅTER SYMBOLSK FOR VÅR SITUASJON. HVORDAN KAN VI OPPMUNTRE FOLK TIL Å BLI VÆRENDE I EN TID MED MYE MOBILITET?

— Er vi interessert i masseturisme? Ønsker vi å styrke samfunnet vårt og ikke bli et eksotisk reisemål?

— We're constantly walking a tightrope, despite some good years, and that can be upsetting. One recent article said most people want to go north, but only on vacation. This could be the epitome of our situation. How do we encourage people to stay in times of hypermobility? And are we even interested in mass tourism? What should we do if we want to strengthen the community and not become an exotic resort?

— Мы всегда балансируем на грани, даже в хорошие годы. Это может быть довольно тяжело. В недавно опубликованной статье говорилось, что большинство людей хочет поехать на север, но только в отпуск. Это во многом символично для нашей ситуации. Как мы можем побудить людей остаться здесь во времена большой мобильности? Заинтересованы ли мы в массовом туризме? Что нам нужно сделать, чтобы укрепить наше общество и не стать экзотическим местом отдыха?

Ikke for å skryte, men æ e fra Gamvik

XI

77 — Jeg skal ikke legge skjul på at jeg hadde veldig lyst å flytte nordover. Det er klart, det er lettere å flytte nordover sammen med noen som er ifra nord. Men så var det sånn at når vi begynte å tenke på å stifte familie så vi ikke før oss å bo i en by. Byen hadde ikke de elementene som hadde vært så viktig for oss som barn.

—
I can't hide that I really wanted to move north. Of course, it's easier to move north with someone from the north. When we began thinking about starting a family, we couldn't see ourselves living in a city. It just didn't have the elements that had been so important to us as children.

— —
Не скрою, что очень хотел переехать на север. Конечно, на север легче переехать с кем-то другим с севера. Когда мы задумались о создании семьи, то не представляли себя в городе. В городе не было того, что было так важно для нас в детстве.

78 — Det er et lite sted. Stedet hvor vi bodde på Island var heller ikke et stort sted, men Gamvik er enda mindre. Jeg er vant til små steder. Selvfølgelig var det litt sånn hmmm, okay, det er mindre å ta seg til her enn på Island, men det blir du vant til. Det er veldig kjedelig for ungene, de har ikke så mye å ta seg til her. De sitter for det meste hjemme.

—
It's a small place. The place where we lived in Iceland was not a big place either, but Gamvik is even smaller. I'm used to small places. Of course, you realise there's less to do here than in Iceland, but you get used to it. It's very boring for the kids, they don't have much to do here. They mostly sit at home.

— —
Это маленькое место. Место, где мы жили в Исландии, тоже не было большим, но Гамвик еще меньше. Я привыкла к маленьким посёлкам. Конечно, тут меньше развлечений, чем в Исландии, но к этому привыкаешь. Детям очень скучно, им здесь практически нечем заняться. В основном они сидят дома.

80 — Om sommeren drar minstekaren ut med sykkelen sin før vi andre står opp om morgenen. Ungene er ute så å si hele døgnet på den tiden av året.

—
In the summer, the little one goes out with his bike before the rest of us get up in the morning. The kids are out almost around the clock at that time of year.

— —
Летом младший уезжает кататься на своем велосипеде до того, как мы проснёмся. Дети в это время года практически круглосуточно на улице.

79 — Ungene har det bra. Men selvfølgelig er det ting de går glipp av. Som forskjellige lagssporter. Vi har ikke nok unger her til det. Ungene er flinke til å finne på sine egne ting, og så tror jeg at ungene her er én million ganger bedre til å fiske og tenne opp bål.

—
The kids are fine. But of course there are things they miss. Like different team sports. We don't have enough children for that here. But the kids here are great at inventing their own things, and I bet they're a million times better at fishing and making fires than children elsewhere.

— —
Дети в порядке. Но, конечно, есть вещи, которые они упускают. Например, различные командные виды спорта. У нас не хватает для этого детей. Дети хорошо придумывают себе занятия, и я думаю, что местные дети в миллион раз лучше ловят рыбу и разводят костры.

83 — Det er så viktig at vi har en kjempegod butikk, og så tenkte jeg, man kan ikke kjøpe det og det og det, men du kan kjøpe veldig mye og hvis du vil ha noe som de ikke har så bestiller dem det til deg. Og det er, for meg, hjertet i Gamvik. Første gangen jeg var her var jeg så velkommen, det høres kanskje litt rart ut at jeg sier det. Du er ikke velkommen i alle butikkene men her er du velkommen.

—

It's so important that we have a very good shop. They don't have everything, but you can buy a lot, and if there's something you need especially, they'll order

it for you. For me, that's the heart of Gamvik. The first time I came here, I felt so welcome. It might sound a little strange, but in other places, you might not always feel welcome in shops. But here you do.

— —

Так важно, что у нас есть очень хороший магазин. Здесь можно купить далеко не всё, но, тем не менее, можно купить многое, и если вы хотите что-то, чего нет в наличии, это можно заказать. И для меня это сердце Гамвика. В первый раз, когда я пришла сюда, мне были так рады, что это может даже прозвучать немного странно. Не во всех магазинах вам рады, но здесь точно.

84

One thing that's incredibly important when you live here is that now and then you've got to get away from it all. If only on a day trip to Lakselv. Or on a trip abroad or whatever it may be. You've got to get out and have a change of scenery.

—

En ting som er utrolig viktig når du bor her, det er at du nå og da må komme deg bort. Om så bare en dagstur inn til Lakselv. Eller en tur til utlandet eller hva det måtte være. Du må ut og lufte ørene.

— —

Одна вещь, которая невероятно важна, если вы живёте здесь, это то, что время от времени нужно уезжать отсюда. Например, на один день в Лаксельв. Или за границу, или куда-нибудь ещё. Вы должны уехать и развееься.

81 —

Og det er jo fantastisk at de bare kan løpe opp til skolen om morgenen. Det er ikke snakk om buss og om å måtte stå tidlig opp. Som oftest står de opp en halvtime før de skal på skolen.

—

It's just fantastic that the kids can simply run up to school in the morning. There's no need to worry about buses and having to get up early. They usually get out of bed half an hour before they've got to be at school.

— —

И это фантастика, что они могут прибежать в школу утром. Не нужно ехать на автобусе или рано вставать. Обычно они встают за полчаса до начала уроков.

82

Æ spurte ho Synnøve her i butikken om æ kanskje kunne prøve å jobbe her? Og ho svarte ja, det kan æ. Så da har det gått et halvt år siden æ begynte å jobbe på butikken. Det e litt lurt å begynne å jobbe når vi er ung, så vet vi hvordan det fungerer med jobb og det å tjene penger, og at det e litt vanskelig, egentlig. Alle som bor i Gamvik kommer på butikken. Så æ trur at æ e kjent med mange herfra. Kanskje ikke personlig, men æ har sett dæm. I hvert fall. De som kommer fra Mehamn eller Kjøllefjord, eller fra Skjånes, som er på tur til Slettnes eller bare for å komme her på butikken, så spør dæm kor lenge æ har jobba her på butikken, for at dem har ikke sett mæ før.

—

I asked Synnøve, the shop owner, if I could perhaps work here, and she agreed to the idea. It has now been half a year since I started working at the shop. I think it's wise to start working when you're young, so that you know how it is to have a job and earn money. It's a bit difficult, really. Everybody who lives in Gamvik comes to the shop, so I think I know many from here. Maybe not personally, but I have met them at least. People coming from Mehamn, Kjøllefjord or Skjånes, who are either on a trip to Slettnes or just drop by the shop, ask me how long I have been working here because they haven't seen me before.

— —

Я спросила Синнёве в магазине, могу ли я попробовать работать здесь, и она ответила да, я могу. Прошло уже полгода, как я начала работать в магазине. Я думаю, разумно начинать работать в молодости. Тогда ты узнаешь, что такое работа и как зарабатывать деньги, и что это действительно немного сложно. Все жители Гамвика ходят в магазин. Так что я думаю, что знаю многих. Может и не лично, но я их, по крайней мере, видела. Люди из Мехамна, Кьёллефьорда или Скьонеса, которые едут на Слеттнес или просто заходят в магазин, спрашивают, как долго я работаю в магазине, потому что они меня раньше не видели.

85

Som ung så skulle jeg ønske at det var et større kulturtilbud til oss som er yngre, og ikke bare rølpefester. Så er det det med å kunne gå på kino, kunne gå på en restaurant, en del sånne ting. Men det må vi bare berike oss med så godt vi kan når vi er ute på reise.

Og det tror jeg de fleste av oss er flinke til. Jeg sier ikke dette for å klage, nå har vi fått han Jan Erik Raanes hit og han har løftet kulturtilbudet enormt.

—

As a young person, I wish there was a greater cultural offer for us who are younger, and not just toasting parties. Then there is also the issue of being able to go to the cinema, to eat in a restaurant, a lot of things like that. And we have to enrich ourselves with these experiences as best we can when we travel. But I think most of us are good at that. I don't say this to complain, now we've got Jan Erik Raanes here and he's broadened the cultural offer enormously.

— —

Как молодой человек, я бы хотел, чтобы для нас, молодёжи, было больше культурных мероприятий, а не только посиделки. Хотелось бы сходить в кино, в ресторан и всё такое. Но нам приходится как можно больше насыщаться этим опытом, когда мы путешествуем. И я думаю, что у большинства из нас это хорошо получается. Я говорю это не для того, чтобы пожаловаться. Теперь у нас есть Ян Эрик Раанес, и он значительно улучшил ситуацию с культурой.

86

Det som har vært det viktigste for oss er tryggheten. Man kan snakke om natur og friluftsliv, men at ungene våre bare kan løpe av gårde uten at vi behøver å engste oss. Om det skjer noe og

naboen ser det så stiller de opp. Alle kjenner alle, det er en enorm trygghet.

—

What's been most important to us is the sense of security. You can talk about the nature and outdoor life, but for us it's vital that our kids can just run around without us having to worry. If something happens and the neighbours see it, they'll intervene. Everybody knows each other here, and it really makes you feel safe.

— —

Для нас важнее всего безопасность. Можно говорить о природе и свежем воздухе, но наши дети могут просто пойти гулять, и мы о них не беспокоимся. Если что-то происходит, и соседи это видят, они сразу же реагируют. Все всех знают, и ты действительно чувствуешь себя в безопасности.

87

Jeg vet hvor jeg bor. Men, selvfølgelig, vi har unger som gjerne kunne tenke seg fritidsaktiviteter, så det er noe jeg

savner. Bortsett fra det så synes jeg det er en befrielse å ikke ha alt maset rundt meg.

—

I know where I live. But, of course, we've got kids who'd love to have more leisure activities, so that's something I miss. Apart from that, I think it's a relief not to have everything fussed around me.

— —

Я знаю, где я живу. Но, конечно, у нас есть дети, которые хотели бы больше развлечений, так что мне этого не хватает. Кроме того, я думаю, что отсутствие суеты вокруг – это облегчение.

88

Til høsten begynner æ i tiende klasse. Etter at æ e ferdig med tiende klasse så planlegger æ å begynne å studere i Lakselv på videregående, studiespesialisering. Og når æ ser hva æ e god til, planlegger æ å studere på universitetet.

—

In the autumn, I start the tenth grade. After finishing the tenth grade, I plan to go to the high school in Lakselv to do general studies. And when I'll see what I'm good at, I want to study at the university.

— —

Осенью я перехожу в десятый класс. После окончания десятого класса я планирую начать учиться в старших классах в Лаксельве, выбрать специализацию. И когда я увижу, что именно у меня хорошо получается, я планирую поступать в университет.

89 — Ja, det er kanskje litt trist men æ skal uansett komme hit på ferie. For å møte vennan mine. Det er viktig å komme tilbake hit. For æ elsker dette stedet. Altså det er ei lita bygd, men det er kjempekoselig her. Menneskene her fortjener å få mer oppmerksomhet, for det e et veldig koselig sted.

— Yes, it may be a little sad to leave, but I'll come here on holidays anyway. And to meet my friends. It's important to come back here. I love this place. Sure it's a small village, but it's very cosy here. The people here deserve more attention, because it's a very cosy place.

— Да, это может быть немного грустно, но я всё равно приеду сюда в отпуск, чтобы встретиться с друзьями. Мне важно возвращаться сюда, потому что я люблю это место. Это небольшая деревня, но здесь очень уютно. Люди здесь заслуживают большего внимания, потому что это очень уютное место.

Не буду хвастаться, но я из Гамвика

1
1
0

1
1
1

XII

90 — Det er en viss fandenivolskhet i deg. Eller hva skal man kalle det? — You're a bit of a jester, aren't you? — В тебе есть какое-то безрассудство. Или как это назвать?

91 — Æ vet ikke om æ tør når du har mikrofonen her. Som sagt, æ e født i 1968, og det som kom etter det er litt spesielle folk. Vi har lært oss noe nytt. Et annet syn på livet. Vi hadde Vietnam og Woodstock. Det husker ikke æ så veldig mye av, men da æ vokste opp så fikk æ det inn. Og æ som person, æ e nok merket av det. Æ vet ikke kor langt æ skal gå, men, æ drikker ikke. Æ liker ikke alkohol i det hele tatt. Æ gjorde det tidligere men æ blei tullete. Du vet Kjøllefjord og Mehamn, vi slåss jo som noen tullinger. På puben i Mehamn, det var jo steinhardt. Nå følger æ Woodstock-reglene. Æ stresser ikke og styrer ikke, æ e laidback, kan man si. Æ har epilepsi og legene vil at æ skal bruke en masse medisiner. Det vil æ ikke. Æ vil heller bruke min medisin.

— I don't know if I dare to say it when your microphone is out, but as I've mentioned, I was born in 1968, and people born around that time are somewhat special. We've learned something new, a different view on life. We had the Vietnam war and Woodstock. I don't remember too much of that, but growing up then meant you took it all in. And as a person, I'm probably marked by it. I'm not sure how far I should go with this, but I don't drink. I don't like alcohol at all. I did

before, but it made me wild and crazy. You know Kjøllefjord and Mehamn? We used to fight like crazy at the pub in Mehamn. It was rock-hard. Now I follow the Woodstock rules, no hassle. I'm quite laid back, you could say. I've got epilepsy and the doctors want me to take a lot of different medicines. But I don't want to, I'd rather use my medicine.

— — Не знаю, осмелюсь ли я сказать это с включенным микрофоном. Как я уже сказал, я родился в 1968 году, а рождённые в это время – немного особенные люди. Мы узнали что-то новое. У нас другой взгляд на жизнь. У нас были Вьетнам и Вудсток. Я мало что помню об этом, но когда я рос, это стало частью меня. Это, вероятно, повлияло на меня как личность. Я не знаю, как далеко я зайду, но я не пью. Я вообще не люблю алкоголь. Я пил раньше, но становился неадекватным. Вы знаете, жители Кьёллефьорда и Мехамна, мы дрались как дураки в пабе в Мехамне. Дрались насмерть. Теперь я следую правилам Вудстока. Я не напрягаюсь и не пытаюсь всё контролировать. Можно сказать, я расслаблен. У меня эпилепсия, и врачи хотят, чтобы я принимал много лекарств. Но я не хочу. Я предпочел бы использовать своё лекарство.

92 — Det æ ser, egentlig, det som skjer nå er positivt, men æ har ingen positive tanker om framtida her på kysten. Æ trur at våre politikere, nå er ikke æ noen ekspert, men æ trur dem drit i det som skjer her oppe. Vi har Russland i nærheten, så alt er litt, «edgy» her oppe, om æ kan bruke det ordet.

— — What I see, really, what's happening now is positive, but I've got no optimistic thoughts about the future here on the coast. Not that I'm an expert, but I believe that our politicians don't give a damn about what's going on up here. And we've got Russia nearby, so everything is a little bit «edgy» up here, if I can use that word.

— — То, что я вижу, действительно, то, что сейчас происходит, позитивно, но у меня нет позитивных мыслей о будущем здесь, на побережье. Я думаю, что наши политики, я не специалист, но я думаю, что им наплевать на то, что здесь происходит. Рядом Россия, так что тут всё как-то «напряжённо», если можно так выразиться.

93 — Det er ikke det, æ e ikke redd rusen i den forstand. Vi er et rikt land og vi er et lite land. Så om dem vil, så tar dem oss. Og æ trur ikke de på den andre siden gidder å gjøre så jævlig mye. Om du forstår hva æ mener. Finnmark og det vi har her oppe, det er masse verdier. Både ute i havet og i land. Heldigvis så har vi en god tone med russerne, men æ trur at noe kommer til å skje. Ikke i morgen eller i overmorgen, men...

— — That's not to say that I'm afraid of the Russians. But we are a rich country and we are a small country. So if they want, they'll take us. And I don't think those on the other side will bother to do damn much. If you understand what I mean. Finnmark and what we've got up here, there are lots of resources. Both out at sea and on land. Luckily we have a good relationship with the Russians. But I don't know... I mean I don't fear them. I really don't. But I believe that something will happen. Not tomorrow or the day after tomorrow, but eventually...

— — Не то, чтобы я боюсь русских в этом смысле. Мы богатая страна и мы маленькая страна. Так что, если они захотят, они присоединят нас. И я не думаю, что людям по другую сторону границы придётся чертовски сильно себя утруждать. Если вы понимаете, что я имею в виду. Здесь на севере, в Финнмарке, много ресурсов. Как в море, так и на суше. К счастью, у нас с россиянами хорошие отношения, но, думаю, что-то будет. Не завтра или послезавтра, а...

94 — Æ husker at ting har skjedd på Elvegård, men vi fikk ikke lov til å være så mye der ute. Vi var jo og lurte og løp. Vi ble jaget. Fikk ikke lov, vi fikk kjeft. Hjemme også, hvis vi dro dit. Det var mye snakk om Elvegård – om hemmelige tjenester og sånt når vi var yngre.

— — I remember that things were happening at Elvegård, but we weren't allowed to be out there that much. We were lurking around there and sometimes had to run. We were chased. We didn't have permission to be there, so we got scolded. At home too, if we went there. There was a lot of talk about Elvegård, secret services, and stuff like that when we were younger.

— — Я помню, что в Эльвегорде что-что происходило, и нам было запрещено находиться там слишком долго. Мы прятались там и убегали. Нас преследовали. Нам запрещали там находиться, на нас ругались. Дома тоже, если мы туда приходили. Когда мы были моложе, было много разговоров об Эльвегорде – о спецслужбах и прочем.

95 — Æ sier ikke at russerne skal gjøre det, det er sikkert bare en panisk tankegang. Man hører mye på media og amerikanerne sitter i den ene enden og EU sitter der og russerne sitter ... så selvfølgelig sitter man i dette lille hullet her og er smånervøs. For hva gjør vi hvis de kommer? Ikke en pellemannskit. Det er bare å grave seg ned.

— — I'm not saying that the Russians will do it, it's probably just a panic thinking. You listen a lot to the media and hear the Americans sit at one end, the EU sits there, and the Russians sit at the other end... So of course when you live in this little hole here, you get a bit nervous. For what do we do if they come? Not a damn thing. Just dig down.

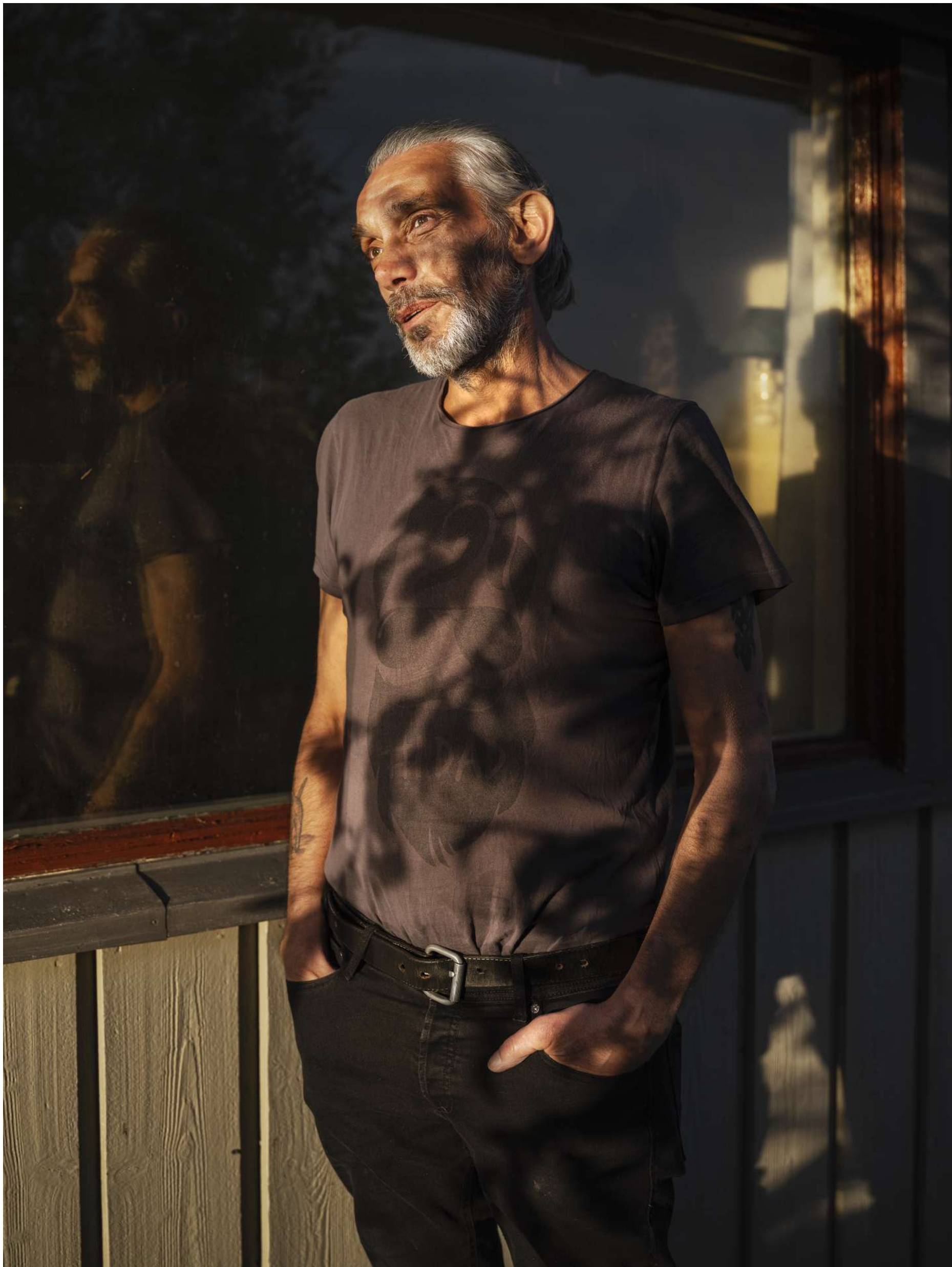
— — Я не говорю, что русские это сделают, это, наверное, просто панический настрой. Об этом много говорится в СМИ, и американцы с одной стороны, и ЕС там, и русские с другой стороны... Так что, конечно, сидишь тут в этой маленькой дыре и немного нервничаешь. Что мы будем делать, если они придут? Ничего. Останется просто зарыться.

МЫ ЖИВЁМ НА МЕСТЕ, ГДЕ БЫЛА ВОЙНА. МЫ ЖИВЁМ В ОТСТРОЕННЫХ ЗАНОВО ДОМАХ. МЫ ЖИВЁМ В РЫБАЦКОЙ ДЕРЕВНЕ, КОТОРАЯ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ БЫЛА ВОССТАНОВЛЕНА НА МЕСТЕ ПОЖАРА.

— Vi bor jo i krigen. Vi bor i gjenreisningshus. Vi bor i et fiskevær som på mange måter er reetablert på branntomta.

— — We live in a place changed by the war. We live in houses rebuilt from the ashes. We live in a fishing village that in many ways was reborn on the fire site.

Interlocutors / Собеседники / Samtalepartnere:

Steinar Aambø: 05, 15, 16, 48, 50, 69, 70, 72

Birger Amundsen: 90

May-Linn Aune Jonassen: 42, 43, 44, 45, 46, 47, 71, 87

Erik Bjønness-Hansen: 07, 23, 24, 54, 68, 74, 79, 80, 81, 84, 85, 86

Marielle van Dop: 02, 28, 83

Vera Björk Hraundal: 11, 37, 38, 39

Lilja Kuznetsova: 13, 14, 17, 25, 51, 82, 88, 89

Edyta Krupińska: 03, 12, 26, 27, 41, 78

Torgrim Kristensen: 59, 61, 62*

Tove Kristensen: 55, 56, 57, 60, 63, 64, 65, 67

Jan Erik Raanes: 04, 09, 18, 20, 66, 73, 96

Michał Siarek: 29, 53, 76

Ståle Johansen-Svendsen: 06, 49, 75, 91, 92, 93, 94, 95

Synøve Vassvik: 21**

Torfinn Vassvik: 01, 8, 10, 19, 22, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 40, 52, 58, 77

* Tove Kristensen (Red.), Gamle Gamvik. Et utvalg artikler 1980-2013, s. 101-104, Gamvik Museums- og Historielag, 2014

** Ane Pedersen Røren, En redning fra Island. En studie av en bedriftsetablering i et døende lokalsamfunn, s. 57, UiT, 2020

Gamvik
museum

forlegger / publisher / издатель:

Gamvik Museum
Kulturdugnad Gamvik 2022

redaktører / editors / редакторы:

Michał Siarek, Jan Erik Raanes

intervjuer / interviews / интервью:

Birger Amundsen

fotografier / photographs / фотографии:

Michał Siarek

oversettelser / translations / переводы:

Steinar Aambø (NO), Jakub Kahul (EN), Olga Soboleva (RU)

korrekturlesing / proofreading / вычитка:

Steinar Aambø (NO), Ula Kahul (EN), Valentyna Blinova (RU)

grafisk design / graphic design / графический дизайн:

Ania Nałęcka-Milach, Bogna Michalik

skrifttyper / typefaces / шрифты:

IBM Plex Serif, Globber

arkivmateriale / archival materials / архивные материалы:

Gamvik Museum, Kystverket

kartdesign / map design / дизайн карты:

Magda Miszczak

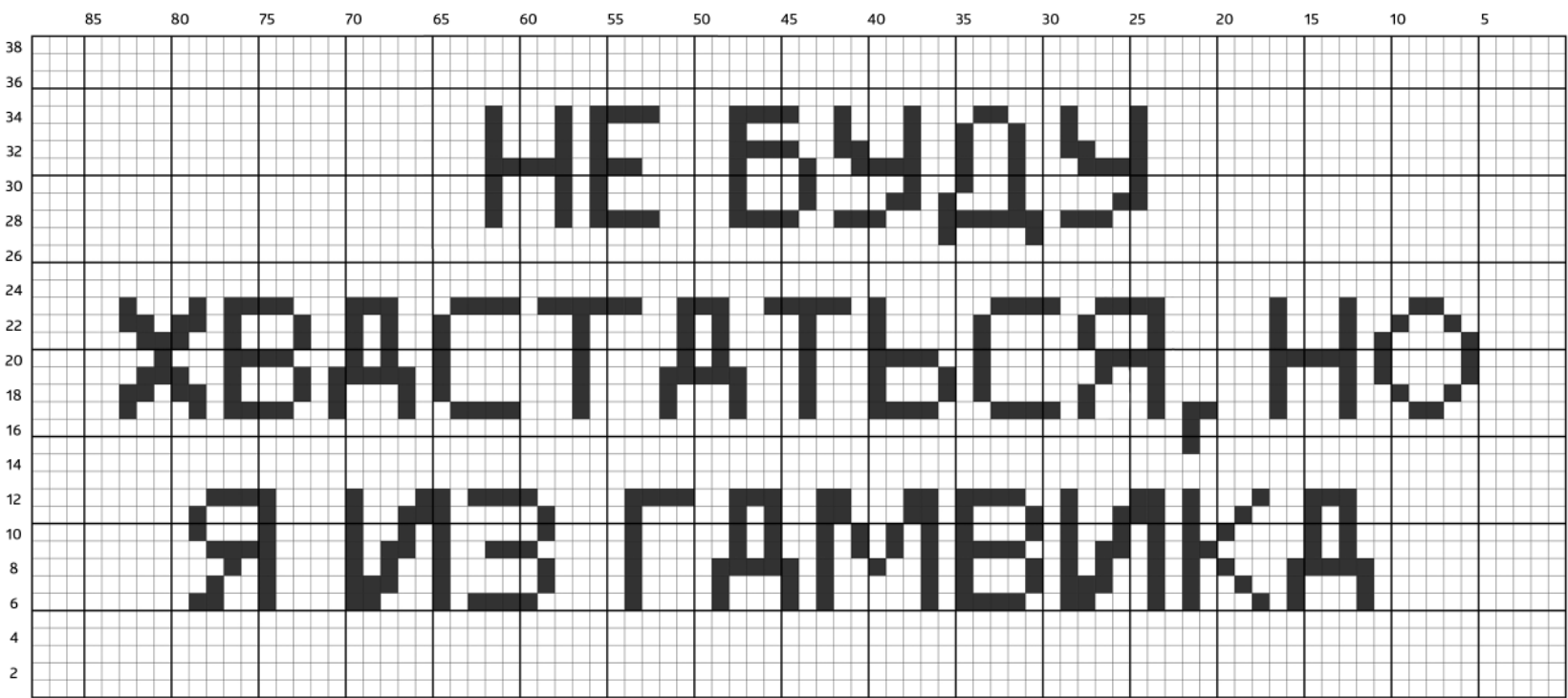
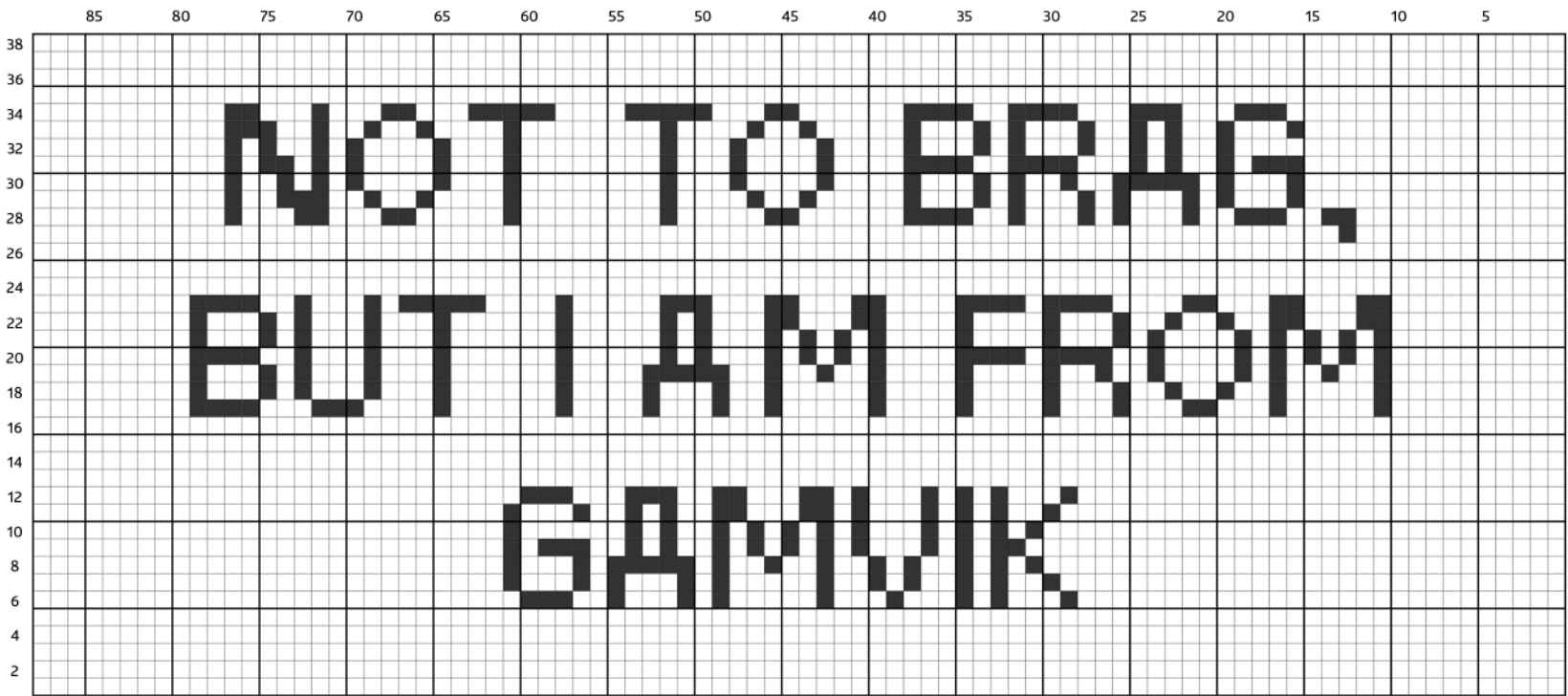
opplag / print run / тираж:

2500

ISBN 978-82-303-5598-5

sponsorer / sponsors / спонсоры:

Gamvik kommune
Troms og Finnmark fylkeskommune
Norsk Kulturråd
Stiftelsen Fritt Ord
Samfunnsløftet – Sparebank 1 Nord Norge
Gamvik Museums- og Historielag
Gamvik Handel

*WE LIVE IN A
PLACE CHANGED
BY THE WAR.*

*WE LIVE IN HOUSES
REBUILT FROM THE
ASHES. WE LIVE IN
A FISHING VILLAGE
THAT IN MANY
WAYS WAS REBORN
ON THE FIRE SITE.*

*VI BOR JO I
KRIGEN.*

Vi bor i gjenreisningshus. Vi bor i et fiskevær som på mange måter er reetablert på branntomta.

*МЫ ЖИВЁМ НА МЕСТЕ,
ГДЕ БЫЛА ВОЙНА.*

Мы живём в отстроенных заново домах. Мы живём в рыбацкой деревне, которая по большей части была восстановлена на месте пожара.

18. juni 2021, Gamvik, av Birger Amundsen

*Frank er født i oktober 1942.
Han bor i et hvitt hus litt i ut-
kanten av Gamvik, på venstre
side av veien som fortsetter ut
til Slettnes fyr.*

FRANK

F: Ja, huset har æ ikke bygd selv. Det var en konflikt mellom selgeren i Oslo og ei dame som har bodd her oppe i Finnmark. Hun kjøpte det usett, da var huset fraflyttet og nesten felleferdig. Huset ble da satt opp her etter krigen, 1954 pluss minus. Etter hva æ har hørt var huset opprinnelig ei kirke inne i Tana, som etter krigen ble flyttet til en sidefjord i Tana. Kirka var så stor at det ble to hus av tømmeret. Det andre huset har jeg ingen historie på. Men det er her æ bor da. Ja, fantastisk, litt artig da.

B: Hva slags sted er Gamvik, slik du ser det?

F: Da æ vokste opp var det fisk og fiskebruk. Da hadde vi 600 innbyggere, nå er det vel rundt 150 fastboende. Den gang var det liv og røre med fem, seks fiskebruk. Gamvik var en fin plass å vokse opp på, og ... eh ... eh ...

Frank nøler, minner dukker fram fra glemselen.

Det var vel ikke den beste plassen å vokse opp på. Æ e et barn av krigen. Med tysk far og mor fra Gamvik. Det var ikke så greit å vokse opp. Æ fikk høre det fra lærere, spesielt én lærer. Og selvfølgelig mest fra mine venner. Og hvor har dem det fra med mobbing? Selvfølgelig fra foreldrene og andre voksne. Nei, det var ikke så greit å vokse opp i Gamvik. Æ har slitt med det i hele mitt liv. Æ blei kalt for tyskerunge.

B: Har du noensinne vært i kontakt med – din far?

F: NEI! Æ har ikke hatt ... eh ... æ har ikke ville gjort det, eh, æ har ...
Det eneste æ vet det er at æ er et kjærlighetsbarn. Det var ikke en engangsforeteelse at æ blei til. Ho mamma jobba i Kirkenes som hushjelp og blei kjent med en tysker og dæm hadde et kjærlighetsliv. Hun ble gravid med meg da. Og så reiste bestefar og en av onklene mine til Kirkenes og henta ho mamma tilbake til Gamvik. De var vel redd for at ho skulle bli med til Tyskland, det var vel det de var redd for. Sånn har æ hørt historia. Og æ kan fortelle dæ at det her er TABU i familien. Det skulle ikke fortelles noen ting om min far. Absolutt ingenting.

18 June 2021, Gamvik, by Birger Amundsen

*Frank was born in October
1942. He lives in a white house
on the outskirts of Gamvik,
on the left-hand side of the
road leading to the Slettnes
lighthouse.*

BROKS

F: I haven't built the house myself. There was actually a conflict between the seller in Oslo and a lady who lived here in Finnmark. She bought the house without seeing it in advance. At that time no one lived in the house and it was nearly falling to pieces. The house was put up here after the war, around 1954. From what I've heard, the house was originally a church in Tana, which after the war was moved to a side fjord there. The old church was so big that the timber was enough to build two houses. I have no knowledge of the history of the other house. But this one is where I live. Yes, it's just fantastic and a bit funny.

B: What kind of place is Gamvik as you see it?

F: When I was growing up, it was all about fish and fish factories. At that time there were 600 inhabitants, now we are about 150 dwellers. Back then there was hustle and bustle with five or six fish factories. Gamvik was a good place to grow up, and...

Frank hesitates as memories from the past come back to him.

Though it wasn't altogether the best place to grow up. I'm a child of the war. With a German father and a mother from Gamvik. So it wasn't simple to grow up here. I got to hear it from the teachers, especially one of them. And of course mostly from my friends. But where did the bullying come from in the first place? Obviously from the parents and other grown-ups. No, it wasn't OK to grow up in Gamvik. I've struggled with it all my life. I was nicknamed German-child.

B: Were you ever in contact with your father?

F: NO! I didn't want to...
The only thing I know is that I was a child born out of love. This wasn't a one-night stand. That was my background. My mother worked in Kirkenes as a domestic help when she met the German. And they had a love affair. She got pregnant. Then my grandfather and one of my uncles went to Kirkenes and brought my mother back to Gamvik. I think they were afraid that she'd leave for Germany. This is how I've heard the story. And I can tell you that this was a taboo in the family. Nothing was allowed to be told about my father. Absolutely nothing.

18 июня 2021, Гамвик, Биргер Амундсен
Фрэнк Брокс

*Фрэнк родился в октябре
1942 года. Он живёт в белом
доме на окраине Гамвика,
слева от дороги, ведущей
к маяку Слеттнес.*

Ф: Да, я не сам строил дом. Был конфликт между продавцом из Осло и женщиной, которая жила здесь, в Финнмарке. Она купила его не глядя. Тогда в доме уже не жили, и он сильно обветшал. Дом построили здесь после войны, примерно в 1954 году. Я слышал, что дом изначально был церковью в Тане, а после войны её перенесли в рукав фьорда в Тане. Церковь была настолько большой, что из бревен получилось два деревянных дома. Я ничего не знаю про второй дом. Но вот в этом я живу. Да, фантастика, довольно занятная история.

Б: Как вы можете описать Гамвик? Какой он, на Ваш взгляд?

Ф: Когда я рос, была рыба и рыбозаводы. Тогда было 600 жителей, сейчас, наверное, только человек 150 живут постоянно. В то время кипела жизнь, было пять или шесть рыбозаводов. Гамвик был прекрасным местом для взросления, и... э... э...

Фрэнк колеблется, воспоминания всплывают из забвения.

Наверное, это было не лучшее место для взросления. Я ребенок войны. Мой отец – немец, а мать из Гамвика. Не так уж и хорошо было здесь расти. Я слышал это от учителей, особенно от одного учителя. Ну и, конечно же, в основном от моих друзей. А откуда у них эти издевки? Конечно, от родителей и других взрослых. Нет, расти в Гамвике было не так уж и здорово. Я боролся с этим всю свою жизнь. Меня называли немецким пацаном.

Б: Вы когда-нибудь были в контакте с вашим отцом?

Ф: НЕТ! У меня не было... э... я не хотел этого делать, э, у меня...
Единственное, что я знаю, это то, что я ребёнок любви. Я появился на свет не за один раз. Мама работала горничной в Киркенесе и познакомилась с немцем, и они влюбились друг в друга. Тогда она и забеременела мной, а потом дедушка и один из моих дядей приехали в Киркенес и забрали маму обратно в Гамвик. Наверное, боялись, что она уедет в Германию. Этого, наверное, боялись. Я слышал такую историю. И я вам скажу, что эта тема была TABU в семье. О моём отце нельзя было говорить. Категорически.

Og bestefar, han var jo liksom min far da, og mine onkler som var fantastisk. Æ vet ikke hvor mange ganger beste-far var ute og tok mine kompiser i nakkeskinnet og ristet dæm. En hadde kalt mæ for en tyskerunge, selvfølgelig når vi ble sinte på hverandre, da kom det fram. Og da var han ute og ristet dem, han ville ikke høre det. Og dem hadde respekt for ham. Det var mye mobbing. Men så trur æ nok at æ har en god del sisu: Æ skal vel faen vise dæm! Æ skal vel vise mine klassekamerater. Æ var en streber og gikk ut med gode karakterer.

Å ja, æ e en fighter og æ har slåss. Æ husker spesielt en episode. Det var tolv hester i Gamvik. En hesteeier hadde vært borte på Kovvannet og hentet is til fiskebruket. Og vi ungene kasta snøball, selvfølgelig. Særlig når vi skulle erte og terge de voksne. Han satt på sleden og æ traff han i nakken. Eller kor i faen det var hen. Og så stoppa han hesten og grep fatt i mæ. Den gang var det ikke innlagt vann i Gamvik. Det var utendørs vannposter, og det har var midt nede i Gamvik. Og det var vinter. Han grep fatt i mæ og fortalte mæ kor æ kom fra og din forbanna tyskerunge og så tok han av mæ skinn-lua og så holdt han hodet mitt under vannspringen. Det var frost og håret mitt strittet av is, æ var som et piggsvin. Og så løp æ selvfølgelig hjem til han bestefar. Han ble rasende og fikk fatt i han der hestekjøreren og ga han svinkjeft.

En gang fikk æ en lusing hos læreren min på skolen. Æ hadde kastet en skistav etter ei jente, det var ett eller annet som vi var uforlikte om, og så kasta æ skistaven og traff uheldig-vis ei glassrute. Å dæven, her kommer han løpende ut. Æ sto i tredje trappetrinn og han sto øverst i trappa, og så fikk æ en kilevink så du kunne se røde merker etter de fem fingrene i ansiktet mitt. Og så fikk æ vite hva æ var for en unge. Æ kan bare tenke meg til alt som æ ikke fikk høre om, hva ho mamma opplevde. Ho måtte jo lide som hadde fått den her tyskerungen. Og bodde i Gamvik. Æ kan bare tenke meg til hvor vanskelig dette måtte være for henne. Heldigvis var ho ikke blant dæm som ble snauklippet. Æ trur ikke ho hadde det bra. Men æ hadde ei helt fantastisk mamma, da. Og vokste opp som enebarn.

Alt dette har plaget meg opp gjennom årene. Æ har slitt ut fem psykologer. Og dess eldre man blir, vel, nå har det kommet mer på avstand. Du spurte om jeg hadde kontakt med min far. ALDR!! For æ tenker som så, skal æ ha noen gener ifra han som har formet min måte å tenke og være på, så e æ overbevist om at om han hadde vært i live så hadde han tatt kontakt. Han var østtysker og æ vet at ho mamma fikk brev fra kjente i vest og at det lå brev fra min far inni det. Et par brev som var åpnet og sensurert. Æ har hatt de brevene inntil for noen år siden, men de er blitt borte under flytting. Det hadde vært jævlig interessant og hatt de brevene i dag.

B: Du er en godt voksen mann og har altså dratt med deg alt dette?

F: Og så blei det verre og verre etter hvert. Det som er problemet i dag; æ har oldebarn, det er mine barnebarn, de kjenner jo bare til halvparten av opphavet mitt. Ta slike ting som sykdommer, som kan helbredes nærmest før du er født. Kommer du til legen og han spør om den og den sykdommen i familien, kan ingen svare.

B: Du skal ikke se bort fra at dine etterkommere begynner å følge sporet?

F: De har alt gjort det, mine barnebarn har blitt mer og mer nysgjerrig. Æ har aldri holdt noe skjult for mine samboere og kona mi, da, i første omgang. De har selvsagt merket nå æ har hatt mine depresjoner og sånt, og da vet de hva som foregår i hodet mitt. Mine barn er voksne og godt etablert fra Voss i sør til Narvik i nord.

B: Det som er overraskende, Frank, det er at du er født i 1942 og snart 80 år. Du er en oppegående mann og bærer alderen godt.

F: Fysisk har cellegifta tatt knekken på meg. Ja, den har nærmest tatt livet av meg. Nå holder æ på og opparbeider energi, da.

My grandpa, who was like a father to me, and my uncles were just fantastic. I don't know how many times my grandfather was out grabbing my mates and properly shaking them. I remember one boy calling me German-child once, of course it was when we were angry at each other and the words just came out. And then my grandpa turned up and shook him. He wouldn't allow that word. And they had great respect for him. There was much bullying. But I think I got a good portion of my perseverance out of it. Damn, I will show them! I really will show my classmates. I was a fighter and I left school with good results.

Oh, yes, I am a fighter and I have fought. I specially remember one episode. There were twelve horses in Gamvik. One horse owner went up to the lake Kovvannet to fetch ice for the fish factory. And of course, we children threw snowballs. This happened when we wanted to tease the grownups. So this man sat on the sledge, and I hit him with a snowball on the neck, or somewhere. Suddenly he stopped the horse and grabbed me. At that time there was no running water in the houses. We had outdoor water taps and there was one in the centre of Gamvik. It was winter. He grabbed me and told me where I came from: "You damned German-child." Then he removed my fur hat and held my head under the running water. It was freezing cold and my hair could be compared to a hedgehog. Of course I ran home to my grandfather. He was furious. He went to the horse driver and scolded him.

One time I was given a box on the ears by my teacher at school. I had thrown a ski stick after a girl and unluckily it had hit a windowpane. Oh damn, here he comes running out. I was standing on the third step of the stairs and he was standing at the top of them, and then he gave me a box on the ears so hard that you could see all his five fingers on my face. And again I was told what kind of a boy I was. I can only imagine all that my mother went through. She certainly had to suffer, she who had given birth to this German-child and continued to live in Gamvik. I can just think of how difficult this must have been for her. Luckily, she was not among those women whose hair was cut off. I don't think she had a good life. But I had a fantastic mamma. And I grew up as an only child.

All this has bothered me through the years. I've "worn out" five psychologists. But the older you become, well, now I've got a kind of distance. You asked if I had any contact with my father. Never. Because as I reflect, if I have some genes from him that have contributed to my way of thinking and behaving, then well I'm convinced that had he been alive, he'd have tried to contact me. He was from East Germany. I know that my mother got letters from persons she knew in West Germany and inside the envelopes there also were letters from my father. A few of the letters were opened and censored. I had these letters until a few years ago, but they got lost during my moving. It would have been damned interesting to have these letters today.

B: You've become a grown up man but carried this with you all along.

F: Yes, and as time has passed on it's grown even worse. That's my problem to this day. I've got grand grandchildren, and there are my grandchildren. They know only half of my origin. Take as an example things like illnesses that can be cured at birth. You visit a doctor and he asks you if there is this or that illness in your family, and nobody can come forward with an answer.

B: Perhaps your descendants will try to trace your background?

F: They've already done so. My grandchildren have become more and more curious. I've never hidden anything from my girlfriends or my former wife. Of course they've noticed that I've had my depressions and then they've known what's been going on inside my head. My children and grandchildren have settled from Moss in the south to Narvik in the north.

B: What surprises me, Frank, is that you were born in 1942 so you're almost 80, and yet you're a person who's up and about and you carry your age well.

F: Physically the chemotherapy has broken me down. Yes, it's killed me. But now I'm working to build up more energy.

И дедушка, который был мне тогда как отец, и мои дяди были замечательными. Я не знаю, сколько раз дедушка выходил из дома, брал моих друзей за шкирку и тряс их. Один мальчик назвал меня немецким пацаном. Конечно, когда мы злились друг на друга, тогда всё это и всплывало. А потом дедушка шёл и разбирался с ними, он не хотел этого слышать. И они его уважали. Было много издевок. Но я думаю, что, наверное, я очень упорный: я им покажу! Я покажу своим одноклассникам. Я старался и получал хорошие оценки.

Да, я борец, и я боролся. Особенно мне запомнился один эпизод. В Гамвике было двенадцать лошадей. Хозяин лошадей уехал на озеро Ковваннет за льдом для рыбозавода. А мы, дети, кидали снежки, конечно. Особенно, когда хотели подразнить взрослых. Он сидел в санях, а я попал ему в затылок. Или куда-то туда. И тогда он остановил лошадь и схватил меня. В то время в Гамвике не было водопровода, зато были уличные колонки, и всё это происходило на окраине Гамвика. А была зима. Он схватил меня и сказал, откуда я взялся, что я чертов немецкий пацан, снял с меня меховую шапку, а потом держал мою голову под струей воды. Был мороз, и мои волосы заледенели и топорщились, я был похож на ежа. А потом, конечно, я побежал домой к деду. Он разозлился, нашёл его и выругал на чем свет стоит.

Однажды я получил взбучку от своего учителя в школе. Я кинул лыжную палку в девочку, мы что-то с ней не поделили, и я кинул в неё и, к сожалению, попал в стекло. О дьявол, вот он бежит. Я стоял на третьей ступеньке, а он наверху лестницы, а потом я получил пощёчину, и на моём лице остались красные следы от пяти пальцев. А ещё я узнал, что я был за ребенок. Я могу только представить себе всё то, чего я не слышал и что пережила моя мама. Она, наверное, страдала, потому что у неё родился немецкий пацан. И жил в Гамвике. Я могу только предположить, как это, должно быть, было тяжело для неё. К счастью, её не подстригли налысо. Я думаю, что она страдала. Но у меня была совершенно фантастическая мать. Я был единственным ребенком.

Всё это беспокоило меня на протяжении многих лет. Я изматал пятерых психологов. И чем старше ты становишься, тем больше всё отдалается. Вы спросили, общался ли я с отцом. НИКОГДА! Я думаю, у меня должны быть какие-то гены от него, которые сформировали моё мышление и образ жизни, поэтому я убеждён, что если бы он был жив, он бы нашёл нас. Он был из Восточной Германии, и я знаю, что мама получала письма от знакомых с Запада и что внутри были письма от моего отца. Пара писем, которые были вскрыты и подвергнуты цензуре. У меня были эти письма ещё несколько лет назад, но они пропали во время переезда. Было бы чертовски интересно иметь эти письма сегодня.

Б: Вы взрослый человек и всё это носите в себе?

Ф: А потом со временем стало все хуже и хуже. Это проблема сегодня: у меня есть правнуки, внуки, они знают только половину моего происхождения. Возьмите такие вещи как болезни, которые можно вылечить ещё до рождения. Если вы пойдете к врачу, и он спросит о том или ином заболевании в семье, никто не сможет ответить.

Б: Вы не можете не принимать во внимание, что ваши потомки начнут поиски?

Ф: Они все пробовали, мои внуки становятся всё более и более любопытными. Во-первых, я никогда ничего не скрывал от своих гражданских жен и жены. Конечно, они заметили, что у меня бывают депрессии и тому подобное, и они знают, что творится у меня в голове. Мои дети уже взрослые и живут от Восса на юге до Нарвика на севере.

Б: Что удивительно, Фрэнк, так это то, что вы родились в 1942 году и скоро вам исполнится 80 лет. Вы энергичный мужчина и хорошо чувствуете себя в свои годы.

Ф: Физически химиотерапия сломала меня. Да, она меня чуть не убила. Теперь я продолжаю жить и накапливаю энергию.

B: Å, du har hatt kreftbehandling?

F: Æ har hatt tjueto strålebehandlinger og noen salige doser med cellegift. Æ hadde en fin samtale med kreftlegen min for noen dager siden. Vi må våge og vi må tørre. Æ har gått på noen hormonsprøyter som er helt jævlige. Vi stopper med hormonsprøyta, sier legen, så får vi se. Vi må ta en sjanse at det kan forkorte livet ditt, men du skal leve den tiden du har igjen. Og æ er fullstendig enig. Medisinene har tatt fullstendig livet av mæ, æ har ikke livsgnist. Så no holder æ på å opparbeide meg energi. Æ klarer no å bære, ja, her om dagen bar æ en ryggsekk på tretten kilo til hytta. Og gikk uten å ta pause.

B: Du er sta?

F: Æ har ei venninne som sier: Frank, no må du slutte å være sta. No fikk æ høre det igjen. Joda, men det er antakelig denne sisuen: Æ skal vel faen mæ vise dæm at æ skal klare det her. Og hvis æ klarer det aleine så gjør æ det aleine. Det er mitt motto. Så sånn er det.

B: Oh, you've had cancer treatment?

F: I've had twenty-two radiations and some hard doses of chemotherapy. Just a few days ago I had a good conversation with my cancer doctor. We dare to live the life. I also got some hell of hormone injections. The doctor said: "We stop these injections and then we can make a new evaluation. We may take a chance that this could shorten your life, but you shall live the time you have left of your lifetime." And I absolutely agree. The medicines I've taken have nearly killed me. I've no longer got any vitality. So now my focus is to improve my energy. But I'm getting stronger. The other day I managed to carry a rucksack of thirteen kilos to my cabin. And that without taking a break.

B: You're stubborn, aren't you?

F: I've got a friend who often says: "Frank, now you have to give up being that stubborn." So I got to hear it once more. But I think it's this "sisu". I shall damn show them that I can manage. And if I can do it on my own, I'll do it on my own. That's my motto. That's the way it is.

Б: О, Вы лечились от рака?

Ф: Я прошел двадцать два сеанса лучевой терапии и несколько убийственных доз химиотерапии. Несколько дней назад у меня был откровенный разговор с моим онкологом. Мы должны осмелиться и рискнуть. Мне делали несколько гормональных уколов, которые я очень тяжело перенёс. Врач сказал, что мы перестанем делать гормональные уколы, тогда и посмотрим. Мы должны рискнуть, потому что это может сократить продолжительность жизни, но нужно прожить оставшееся время. И я полностью согласен. Лекарства меня совсем убили, во мне нет искры жизни. Так что теперь я накапливаю свою энергию. Я теперь могу носить тяжести, да, на днях носил на дачу тринадцатикилограммовый рюкзак. И прошел без остановок.

Б: Вы упрямый?

Ф: У меня есть подруга, которая говорит: Фрэнк, теперь ты должен перестать упрямиться. И вот я снова это слышу. Да, но это очевидно моё упорство: черт, я должен показать им, что я с этим справлюсь. И если я могу это сделать один, то я сделаю это один. Это мой девиз. Вот так.

15. juni 2021, Gamvik, av Birger Amundsen

*Irene Amundsen, født
Eilertsen på Slettnes fyr
26. desember 1937.*

IRENE

B: Hvis man spør deg hvor er du fra, hva svarer du?
I: Æ e ifra Gamvik.

B: Så, du svarer ikke Slettnes?
I: Nei, men æ sier at æ e født på Slettnes. Mine søsken er født på sykehus og sykestua i Gamvik. Men æ e fødd på Slettnes fyr. Den dagen da æ blei født var det så stille på havet at jord-mora kom i båt til Slettnes. Pappa rodde ut og henta ho i land. Tanta mi, søstra te ho mamma, ho var på fyret som hushjelp og hjelpte til under fødselen. Han pappa jobba på fyret og vi bodde der. Fyret var i drift seks måneder i året før krigen. I den lyse årstiden bodde vi i Gamvik.

B: Du var tre år da krigen brøt ut og sju år under evakueringen i 1944. Hva husker du?
I: Æ husker alt, stort sett. Vi bodde her i Gamvik da. Ho mam-ma og dæm holdt på med å grave ned tingene våres oppe i bakken her. Æ husker flammene fra Berlevåg. Æ fikk beskjed om å ta søstera mi i hånda, ho var tre år, og følge veien inn-over. Så skulle dæm nå oss igjen. Det var mange folk på vei-en og vi så lysene fra de tyske båtene. Når du kommer inn til Tverrvikvannet så er det et vann til lenger inne, og bak det fjellet lå vi. Pappa og mammas bror hadde på forhånd laget ei hule i ura, det er sånne store steiner der. Så gikk vi dit og han pappa kom løpende etter med sengklær i en sekk. Senere gikk vi ned til Kvalvika. Han pappa lånte en båt der og så rodde vi inn til Risfjorden. Risfjorden ble ikke brent for tyskerne torte ikke å gå inn det trange løpet med båtene sine. Senere ble vi sendt østover med båt. Vi var ført innom Vardø og ble så sendt over til Hornøya sammen med to andre fami-lier fra Slettnes. Så vi bodde på Vardø fyr på Hornøya. Noen måneder senere havnet vi i Syltefjord, og var der da det ble fred. Så ble vi hentet av en stor fiskebåt og tatt inn til Risfjorden. Tilbake i Gamvik nektet ho mamma å bo i en brakke etter tyskerne. Det ble bygd en ny brakke med plass til seks, sju familier. Vi hadde skole i ett av rommene i den brakka. Etter hvert ble det bygd skole ved veien ut til Slett-nes. Etter at æ var ferdig på skolen og ble konfirmert, kom presten te ho mamma. Han anbefalte at æ måtte gå videre på skole for æ var så flink.

15 June 2021, Gamvik, by Birger Amundsen

*Irene Amundsen, born
Eilertsen at Slettnes lighthouse
on 26 December 1937.*

AMUNDSEN

B: When somebody asks you where you were born, what is your answer?
I: I'm from Gamvik.

B: So you don't answer Slettnes?
I: No, but I say that I was born at Slettnes. My siblings were born at hospitals and on the ward in Gamvik. But I was born at the Slettnes lighthouse. The day when I was born the ocean was so quiet that the midwife came to Slettnes by boat. My dad rowed out to bring her ashore. My aunt, my mother's sister, stayed at the lighthouse as a domestic and helped during the birth. My father worked at the lighthouse and we lived there. During the years before the war, the lighthouse was operating for six months. In summertime we stayed in Gamvik.

B: You were almost three years old when the war started, and seven years old during the evacuation. What do you remember?
I: As a whole, I remember everything. We lived in Gamvik at the time. My mother and some family members were busy burying our belongings in the hillside. I remember the blazes from Berlevåg. I was told to take my sister by her hand, she was three years old, and walk along the road. The rest of the family would then catch up with us. There were many people along the roads, and we could see the lights from the German ships. When you come to the lake, Gamvikvannet, there's also a lake further in, and we stayed behind the mountain there. Some days earlier my dad and my mother's brother had made a cave in the scree. You could find some quite big stones there. So we went there, and my father came hurrying afterwards with our bedclothes in a sack. Later we went down to Kvalvika. My father borrowed a boat there and rowed us into Risfjorden. Risfjorden wasn't burnt down because the fiord was so narrow that the Germans didn't dare to go in there with their boats. Next we were sent eastwards by boat. We came first to Vardø and then were transported over to Hornøya together with two other fami-lies from Slettnes. So then we lived at the Vardø lighthouse on Hornøya. Some months later we ended up in Syltefjord, and we stayed there until the peace came. Then we were picked up by a fishing boat and taken to Risfjord. When we returned to Gamvik, my mother refused to live in a barrack that the Germans had used. But soon new barracks were built that

15 июня 2021, Гамвик, Биргер Амундсен
Ирене Амундсен

*Ирене Амундсен, урож-
дённая Эйлертсен, роди-
лась на маяке Слеттнес
26 декабря 1937.*

Б: Если Вас спросят, откуда Вы, что Вы ответите?
И: Я из Гамвика.

Б: Значит, Вы не из Слеттнеса?
И: Нет, но я говорю, что родилась на Слеттнесе. Мои бра-тья и сестры родились в больнице и медпункте в Гамви-ке. Но я родилась на маяке Слеттнес. В тот день, когда я родилась, море было такое спокойное, что акушерка приплыла в Слеттнес на лодке. Папа грёб и вынес её на берег. Моя тётя, мамина сестра, была горничной на ма-яке и помогала во время родов. Папа работал на маяке, и мы там жили. До войны маяк работал шесть месяцев в году. В светлое время года мы жили в Гамвике.

Б: Вам было три года, когда началась война, и семь лет во время эвакуации в 1944 году. Что Вы помните?
И: Я помню всё, в основном. Жили мы тогда здесь, в Гам-вике. Мама и остальные закапывали наши вещи на хол-ме. Я помню пламя Берлевога. Мне сказали взять сестру за руку, ей было тогда три года, и идти по дороге. Они должны были нас догнать. На дороге было много людей, и мы видели огни немецких лодок. Если дойти до озера Тверрвикваннет, дальше вглубь суши будет еще одно озе-ро, и мы лежали там за горой. Папа и мамин брат зара-нее вырыли яму в холме, там, где очень большие камни. Мы пошли туда, а за нами прибежал папа с постельным бельём в мешке. Позже мы спустились в Квалвику. Там отец одолжил лод-ку, и мы поплыли в Рисфьорд. Рисфьорд не был сожжен, потому что немцы не осмелились войти на своих лодках в узкое русло. Позже нас отправили на восток на лодке. Нас отвезли в Вардё, а затем отправили на остров Хор-нёйя вместе с двумя другими семьями из Слеттнеса. Мы стали жить на маяке Вардё на Хорнёйя. Через несколько месяцев мы оказались в Сьюлтефьорде и там встретили окончание войны. Потом нас подобра-ла большая рыбацкая лодка и отвезла в Рисфьорд. Вер-нувшись в Гамвик, мама отказалась жить в немецкой казарме. Был построен новый барак, рассчитанный на шесть-семь семей. В одной из комнат этого барака была школа. Спустя некоторое время школа была построена у дороги, ведущей на Слеттнес. После того, как я окончила

WE LIVE IN A PLACE CHANGED BY THE WAR

Not to brag, but I am from Gamvik

Mamma søkte mæ inn på realskole i Rusteffjelma i Tana. Første året bodde æ på selve gjestgiveriet. De to andre årene leide æ privat rett over veien. Etter realskolen jobba æ ei tid på Samvirkelaget, giftet meg i Tana og fikk tre barn. Vi ble boende noen år i Tana, inntil vi ble skilt og jeg flyttet tilbake til Gamvik.

Der møtte hun en mann fra Lofoten på vårfiske i Gamvik. Det førte til at hun flyttet sammen med ham til Lofoten.

Vi slo oss ned i Mølнарodden, ikke langt unna Leknes. Senere begynte vi å ro fiske her i Gamvik og æ var kokke for mannskapet. Æ vet ikke et menneske her som ikke har aner fra Lofoten. Mennene kom fra Lofoten og fant seg kjærring her, eller motsatt vei. Han bestefar, faren te ho mamma, han var fra Vest-Lofoten og kom hit sammen med brødrene. Han var den første som kom med en ordentlig båt, med dekk og styrhus og med mannskap. Flere av brødrene ble gift her og bosatte seg i Kvalvika. Der drev de jordbruk og fiske. De fleste familiene på den tiden hadde dyr. Vi hadde noen sauer, høns og én gris som ho mamma dullet og stelte med. Når ho kom tilbake etter å ha vært på bærtur i Risfjorden så skreik grisen når den hørte stemmen hennes. For da hadde ikke æ stelt den akkurat som ho mamma pusset og styrt med den. Han skreik.

B: Før besto Gamvik av gamvikværing, men no er jo halve verden her?
I: Ja, men det går vel bra, går æ utifra?

B: Det er jo positivt at det kommer nytt blod i bygda, og ny optimisme.
I: Det vi savner er at det kommer familier med barn til Gamvik. Det er veldig få barn på skolen. Jeg hadde et barnebarn fra Lofoten på besøk som fikk være på skolen. Hun kunne ikke nedlegge at det var to elever i én klasse og såå mange i andre. Hun kom fra en skole med flere hundre elever. Hun syntes at det var rart med så få elever.

B: Men disse familiene som flytter hit, får ikke de barn, da?
I: Det er noen som har barn, men de er enda så små. Men vi prater ikke med disse utlendingene. Jeg vet ikke en gang om de snakker norsk.

could house six-seven families. The school had one room in the barracks. After a time, a new school was built by the road to Slettnes. When I ended school and had my confirmation, the vicar came to my mother. He recommended that I should take further education because I was so clever. My mother made an application for me to go to the junior grammar school in Rusteffjelma. The first year there I stayed at the inn, but the two next years I lived just across the road. After the junior grammar school I worked for some time in a cooperative shop, Samvirkelaget. Then I married in Tana and gave birth to three children. We stayed in Tana for some years, until we got divorced. Then I moved back to Gamvik.

Here she met a fisherman from Lofoten who was staying in Gamvik during the fishing season in springtime. This resulted in her moving to Lofoten.

We settled down in Mølнарodden, not far from Leknes. Later we started fishing in Gamvik and I was the cook for the crew. I don't know a single person here who hasn't got ancestors in Lofoten. The men would come from Lofoten and find themselves wives here, or the other way around. My grandfather, my mother's father, he was from West-Lofoten and came here together with his brothers. He was the first one to arrive here with a proper boat, with a deck, wheelhouse and crew. Several of his brothers got married here and settled in Kvalvika. They did a combination of fishing and farming. Most families had animals at that time. We had some sheep, hens and a pig that my mother cared a lot for. Whenever she returned from Risfjorden where she would go to pick berries, the pig was squealing when it heard her voice. I think it squealed then because I hadn't taken such a good care of it as my mother did.

B: Before, Gamvik consisted of Gamvik-residents, but now half the world is here?
I: Yes, but it's going well, isn't it?

B: It's probably positive that there's some new blood in the village, and a new optimism?
I: What we miss are families with children moving to Gamvik. There are very few children at our school. I've got a grandson from Lofoten who was allowed to visit the school. She could not understand that there were only two students in one class and not so many in the other classes either. She came from a school with several hundred students. So she thought it was a little strange with so few pupils here.

B: And the families that have moved here, they don't have children?
I: Some have children, but they're still young. But we don't talk much to these foreigners. I don't even know if they speak Norwegian.

школу и прошла конфирмацию, к маме пришел священник. Он порекомендовал мне учиться дальше, потому что я была способная. Мама подала документы в училище в Рюстефельме в Тане. Первый год я жила на постоялом дворе. Потом два года снимала жильё через дорогу. После училища я какое-то время работала в магазине «Самвиркелаге», вышла замуж в Тане, родила троих детей. Мы жили в Тане несколько лет, пока не развелись, и я вернулась в Гамвик.

Там она познакомилась с мужчиной с Лофотенских островов, который пришёл на весеннюю рыбалку в Гамвик. В результате она переехала с ним на Лофотенские острова.

Мы поселились в Мёльнарроддене, недалеко от Лекнеса. Потом начали ловить рыбу здесь, в Гамвике, я была судовым поваром. Я не знаю здесь ни одного человека, у которого не было бы родственников с Лофотенских островов. Мужчины приходили с Лофотенских островов и находили здесь себе жен или наоборот. Дедушка, мамин отец, был родом из западной части Лофотенских островов и пришел сюда с братьями. Он первым пришел на настоящей лодке, с палубой, рулевой рубкой и командой. Несколько братьев женились здесь и поселились в Квалвике. Там они занимались земледелием и ловили рыбу. У большинства семей в то время были домашние животные. У нас было несколько овец, кур и один поросенок, за которым моя мама ухаживала и о котором очень заботилась. Когда она вернулась после поездки в Рисфьорд за ягодами, поросенок закричал, услышав ее голос. Потому что я тогда не ухаживала за ним так же ласково, как мама. Он закричал.

Б: Раньше в Гамвике жили только местные, а теперь здесь полмира?
И: Да, но всё идет хорошо, не так ли?

Б: Хорошо, что в деревне новая кровь и новый оптимизм.
И: Нам не хватает того, чтобы в Гамвик приезжали семьи с детьми. В школе очень мало детей. У меня гостила внучка с Лофотенских островов, которой разрешили ходить в школу. Она не могла понять, как в одном классе может быть два ученика и столько же в другом. Она училась в школе с несколькими сотнями учеников. Она думала, что это странно, когда учеников так мало.

Б: Но разве семьи, которые сюда переезжают, не заводят детей?
И: У некоторых есть дети, но они ещё такие маленькие. И мы не разговариваем с этими иностранцами. Я даже не знаю, говорят ли они по-норвежски.

15. juni 2021, Gamvik, av Birger Amundsen

*Knut befant seg i
Finnkongkeila høsten 1944
da tyskerne bestemte seg for å
brenne Finnmark og evakuere
befolkningen.*

Intervjuet foregår hjemme hos ham, ved bordet i stuen. Knut har hatt slag og er lam i høyre side. Knut ble født i Finnkongkeila 25. desember 1935. Han var fem år da andre verdenskrig brøt ut. I Gamvik går han bare under navnet Knut Keila. Et navn han fikk siden det var så mange andre i Gamvik som het Knut.

K: Tyskerne kom til Finnkongkeila med en stor landgang-spram. De var jo så humane at de tilkalte til allmannamøte og fortalte at Keila skulle brennes. Det var bare å gå ombord i Pramma, så skulle de ta hånd om transport sørover. Beste-foreldrene mine var kommunister og ville absolutt ikke bli med båten sørover. Jeg husker klart at vi rømte til fjells. Det var veldig bratt, og vi tok oss ned til Lillekeila hvor vi gjemte oss i ei hula under en stor stein. Vi var atten mennesker. Den kvelden det brant så var det sånn lys innover himmelen og luften var lummer. Det husker jeg godt. Vi gjemte oss til det roet seg ned og tyskerne var dratt. I ettertid har jeg tenkt på det som skjedde. Tyskerne gikk ikke inn og satte fyr på husene, de kastet først inn en håndgranat som sprenget huset i stykker. Deretter satte de fyr på det. Og med at de gjorde det på den måten var det blant annet ei forretning hvor mel og alt annet av matvarer ble spredt utover bakken av sprengingen. Det kom godt med etter at tyskerne hadde forlatt stedet. Folk samlet sammen alt de fant av matvarer spredt utover bakken. Det husker jeg godt. Jeg husker også at onklene mine fanget og slaktet ei geit. Det var kritisk så lenge tyskerne oppholdt seg i området. De hadde noen raske båter, vi kalte dem snellbåter (schnellboot), som de kjørte med langsmed land. Kom de over folk truet de med at de ville bli skutt. Folk var selvsagt redde.

B: Hadde du blitt boende i Finnkongkeila om stedet hadde gjenoppstått etter krigen?

K: Ja, det hadde man selvfølgelig gjort. Det var jo bare fiskebåten som man kunne livnære seg på. Det var ikke så mye anna å slå innpå. Vi hadde jo så å si ingen skolegang. Så jeg trur nok jeg hadde blitt værende i Keila om stedet hadde

15 June 2021, Gamvik, by Birger Amundsen

*Knut was living in
Finnkongkeila in the autumn
1944 when the Germans
decided to burn down
Finnmark and evacuate the
population.*

Knut is interviewed at his home, by the table in the living room. Since having a stroke he has been partially paralyzed in his right side. Knut was born in Finnkongkeila in December 1935. He was five years old when the Second World War started. In Gamvik he is just called by the name Knut Keila, which he was given because there were several persons in Gamvik named Knut.

K: The Germans arrived in Finnkongkeila with a specially constructed boat that could come up onto the beach. They were so 'humane' that they invited the whole population to an information meeting to tell that Keila was to be burnt down. We just had to board the ship, and they would be responsible for our transport southwards. My grandparents were communists, and they strongly refused to go southwards. I remember very well how we escaped into the mountains. It was very steep, and later we headed down to Lillekeila where we hid under a big stone. We were eighteen persons altogether. The night when the village was put on fire, the whole sky was lit up and the temperature was much higher than normal. This stands out very clearly in my mind. We couldn't leave our hiding place until things had calmed down and the Germans had left. Later I've thought much about what happened. The Germans didn't start by going into the houses and putting them on fire. At first they threw in a hand grenade that blew up the house. Then they put it on fire. The result of this was that, for instance, there was a shop where all the goods, such as food and flour, were scattered on the ground. This helped us a lot later after the Germans had left. The people gathered together all the pieces of food they found lying around. I remember this clearly. I also remember that my uncles caught and slaughtered a goat. The time was very scary as long as the Germans stayed in the area. Their boats were very fast. We called them "snellbåter" ("Schnellboote"/"fast boats") and they moved close to the land. If they spotted people, they threatened to shoot them. Of course people were scared.

B: Do you think that you would have returned to Finnkongkeila if the village had been reconstructed after the war?

K: Of course, I would. The fishing boat was the only way to make one's living. There was not much else. We had very little schooling, so I think I'd have gone on living in Keila if

15 июня 2021, Гамвик, Биргер Амундсен
Кнут Ойвинд Йохансен

*Кнут был в Финнконг-
кейле осенью 1944 года,
когда немцы решили сжечь
Финнмарк и эвакуировать
население.*

Интервью проходит у него дома, за столом в гостиной. У Кнута случился инсульт, и правая сторона его тела парализована. Кнут родился в Финнконгкейле 25 декабря 1935 года. Ему было пять лет, когда началась Вторая мировая война. В Гамвике его зовут Кнут Кейла, потому что в Гамвике было очень много мужчин по имени Кнут.

K: Немцы подошли к Финнконгкейле на большой десантной барже. Они были настолько гуманны, что создали всех на собрание и сказали, что Кейлу нужно сжечь. Оставалось только сесть на баржу, а они должны были отвезти нас на юг. Мои дедушка и бабушка были коммунистами и уж точно не хотели плыть на юг. Я отчётливо помню, что мы бежали в горы. Они были очень крутые, и мы спустились в Лиллекейлу, где спрятались в пещере под большим камнем. Нас было восемнадцать человек. В ту ночь, когда был пожар, небо было очень светлое, и воздух был душным. Я это хорошо помню. Мы прятались, пока всё не стихло и немцы не ушли. Оглядываясь назад, я думаю о том, что произошло: немцы не заходили в дома, чтобы поджечь их, сначала они бросали ручную гранату, которая взрывала дом на части. Потом они поджигали то, что осталось. Таким же образом они взорвали и магазин, и мука и все остальные продукты разбросало взрывом по всему холму. Это пригодились после ухода немцев. Люди собирали всю еду, разбросанную по земле после взрыва. Я это хорошо помню. Я также помню, как мои дяди поймали и убили козу. Положение было критическим, пока немцы оставались в этом районе. У них было несколько быстрых лодок, на которых они патрулировали берег, мы их называли торпедными катерами (шнелльботами). Когда им попадались люди, они угрожали расстрелом. Люди, конечно, были напуганы.

B: Вы бы жили в Финнконгкейле, если бы это место возродилось после войны?

K: Да, конечно, я бы там жил. Ведь только рыбацкая лодка могла помочь заработать на жизнь. Других заработков практически не было. У нас практически не было

blitt oppbygd. Det var veldig enkelt å komme seg ut til fiskefeltene, og de farkostene vi hadde var ikke rare greiene. Det var åpne båter.

B: Dro du ofte tilbake til Keila etter krigen?

K: Nei, det har jeg ikke gjort. Jeg har vært på land og sett meg rundt, det har jeg. Jeg var der sammen med fylkeskonservatoren og en gjeng som tegnet Keila. Hvor fiskehjellene hadde stått langt oppi ura, og hvor det ble brukt hester til å kjøre fisken til hjellene. Alt var borte så de tegnet det som hadde vært. Og det er den eneste gangen jeg har vært der inne. Da vi kom hit til Gamvik i 1946 ble det bygd ei brakke til alle oss keilaværing, det var vel en åtte, ti familier. Brakka var lang som et krigsskip og ble kalt for Keilabrakka. Og sånn var det over hele Gamvik, en mengde brakker. Til det ble litt mer system i det og man fikk så mye penger at man kunne bygge hus.

B: Du var 11 år da du i 1946 kom til Gamvik. Når begynte du å ro fiske?

K: Jeg har vært med på mye rart før jeg ble fisker. Jeg jobbet litt for Vegvesenet og seks, sju år for Havnevesenet. Jeg var med på å bygge moloer. Her i Gamvik om vinteren og i Berlevåg om sommeren. Jeg var også med på å bygge tunnele- ne for kraftstasjonen i Repvåg. Jeg begynte å ro fiske i 1959-60. Vi hadde ikke store nok båter som vi kunne gå langt unna land med. Likevel gikk vi østover til Vardø med disse små 20-fotingene som vi hadde. Vi var for lite opplyst og for lite rutinert. Alle brukte mesan den gang, mesan og juksa. Det var jo hundrevis av båter som lå utenfor kysten. Det var som en by med lysene og alle mesanene. Man har holdt på opp gjennom årene, inntil at man etter hvert fikk skikkelige båter. For min del var det for sent med de nye båtene og luksusen, helsa var allerede ødelagt. Jeg fikk problemer med hjertet. Jeg hadde anskaffet en ny fin båt, en 42 fots Viksund, men måtte slutt på grunn av helsa. Og så fikk jeg i tillegg slag og ble delvis lam. Men da hadde jeg allerede solgt båten.

Jeg er lam i høyre side. Men opp i elendigheten er jeg sjeleglad for at jeg er klar i hodet og at jeg har beholdt praten. Jeg er glad for at jeg kan fungere så godt som jeg gjør. Og båten den solgte jeg til en mann i Ørnes, eller der omkring. Da han hadde hatt den i to år så bar han fast i ei garnlenke under setting og forsvant i havet. Han ble senere funnet omkommet. Båten fortsatte for egen motor og er aldri blitt funnet. Den gikk nok inntil tankene var tomme for drivstoff. Jeg er ute og kjører med skuteren hver eneste dag. En firehjuls el-skuter som jeg har fått fra NAVs hjelpemiddelsentral. De tre siste årene har jeg kjørt bortimot 4000 kilometer. Jeg har kjørt flere ganger til Sandfjorden, selv når det skodde her. Ellers kjører jeg vanligvis femten kilometer om dagen.

Å ja, jeg synes at det går jævla bra. Jeg har hjemmehjelp morgen og kveld. Jeg ser ikke å kle på meg. Hjemmehjelpen hjelper meg å få på klærne om morgenen, og å range dem av meg om kvelden. Jeg har et ritual. Når jeg kommer meg ut på skuteren så er jeg ute hele dagen, jeg har kaffe med meg og kjører att og fram. Det blir noen kilometer utav det. Så er det middag og så er jeg så gammeldags at i ett-to-tiden, da er det middag. Jeg må ha hjelp til alt. Men det blir liksom min hverdag. Og så er det en liten middagshvil.

Jeg ser at jeg er fri for medisn, da hopper jeg bakk over det i dag. Det gjør jeg ofte hvis det er fint vær. Jeg utnytter timene og presser meg. Akkurat det har jeg ikke godt av. Jeg kjenner det i kroppen.

Jeg er interessert i alt som foregår i bygda. Jeg hadde en kjempesamtale med en gravemaskinkjører som jobber med å bygge ny molo. Han var villig til å prate og spurte, selvfølgelig. Det er ekstremt i Gamvik, det vil jeg påstå, altså. Vi er veldig lette å komme i kontakt med. I alle fall jeg. Jeg prater med alle. Og det skyldes blant anna at for seksti, sytti år siden da var vi alle her som en stor familie. Den gang var det bare fiskere her. Om kom du til Vardø, eller hvor det nå måtte være, på kveldene når du hadde fått levert. Ja, da pratet alle med alle. Akkurat som om du hadde kjent dem i lang tid. Ser man tilbake på disse årene så var det sannelig tungtjtente penger, det må jeg si. Men jeg angrer ikke på at jeg ble fisker. Jeg har kommet heldig og godt utav det. Det har jeg.

the village had been rebuilt. From Keila it was very easy to go to the good fishing places. And the boats we had were quite small. They were open boats.

B: Have you often returned to Keila after the war?

K: No, I haven't. I've been ashore and looked around only one time. I went there together with the county curator and some people who made drawings of Keila, showing the fish drying racks placed far up in the scree and the horses used for transporting fish to the drying racks. Everything was gone so they made drawings of where it had all been. That was the only time I've been ashore. When we came to Gamvik in 1946, there was a barrack built for all of us from Keila. We were about eight to ten families. Spread over all Gamvik, there were a lot of barracks. After a while we got money from the authorities to build houses.

B: You were 11 years old when you came to Gamvik in 1946. When did you start as a fisherman?

K: I had different jobs before starting fishing. I worked a while for the highway authority and six or seven years for the port authorities. I took part in constructing breakwaters, here in Gamvik in the wintertime and in Berlevåg during the summer. I also built tunnels for the power station in Repvåg. I started my profession as a fisherman in 1959-60. We didn't have big boats so we had to stay not far from the land. But we went as far east as to Vardø with these small 20-foot boats. We didn't have much routine. All the boats had mizzen sails and we used the jigging technique to catch fish. There were hundreds of boats off the coast. It looked like a town with all the lights and sails.

This was my way of living until we gradually got bigger and better boats. On my part though, it came too late with the new modern boats and their luxury. My health was broken and I started to have problems with my heart. I got myself a new, good boat, a 42-foot Viksund, but had to give it up due to my health. And then I also suffered a stroke and became partially paralyzed. But by that time I had already sold the boat.

I'm paralyzed in my right side. But amidst all this misery I'm deeply happy that my head is not affected and my speech is as it was before. I'm happy that I can function so well. The boat I had was sold to a man form the Øksnes area. He had it for two years, and then one time he got stuck in some fishing nets while letting them go into the sea. And he disappeared into the water. He was later found dead. The boat must have continued sailing with its engine on and has never been found. I think it went on until there was no more fuel. I'm out driving my scooter every day. This is a four-wheel electric scooter that I've got through the NAV assistance. The last three years I've driven about 4000 kilometres. Several times I've gone as far as Sandfjorden, even with the foggy weather. But normally I drive about 15 kilometres a day.

Oh, yes, I think my life is damn good. I've got a home assistant every morning and evening. I have problems with dressing so the home assistant helps me with my clothing in the morning and the undressing in the evening. I've got a daily ritual. When I go driving on my scooter, I stay out the whole day. I bring coffee with me and drive around. That ends up being quite a lot of kilometres. And then it's dinnertime. I'm a bit old-fashioned so I eat dinner around one or two o'clock. I need help with nearly everything, but this is my everyday routine. Then there's a little rest after dinner.

Oh, I can see I've got no more medicine left. But that's all right. I can skip it for today. I often do like this if the weather is nice. I enjoy the hours and put a little pressure on myself. But I'm not supposed to do so. I can feel it in my body. Everything that happens in Gamvik is of interest to me. The other day I had a very interesting conversation with a digger driver who works at the breakwater construction. He liked talking and asked a lot. This is special for Gamvik, I will claim. It's very easy to come into contact with us. For my part, I talk to everybody. I think the reason for this lies sixty years back in time when we were all like a big family here. At that time there were only fishermen here. And also if you went to Vardø. In the evenings, when the fish was delivered, we talked to everybody. Just as if you had known them for a long time. Looking back on these years, it certainly was a

skolнього образования. Так что я думаю, что остался бы в Кейле, если бы деревня возродилась. Добраться до промысловых угодий было очень легко, и судёнышки, которые у нас были, не были чем-то необычным. Это были открытые лодки.

Б: Вы часто возвращались в Кейлу после войны?

K: Нет, я этого не делал. Я выходил на берег и осматривался, да. Я был там с хранителем музея и группой, которая рисовала Кейлу. Где на холме стояли вешала для рыбы и где шли лошади, чтобы отвезти рыбу к вешалам. Ничего больше не было, поэтому они рисовали, как это было раньше. И это единственный раз, когда я был там. Когда мы приехали сюда, в Гамвик, в 1946 году, для всех нас, жителей Кейлы, был построен барак. Семей было, наверное, восемь или десять. Барак был длиной с военный корабль, и его прозвали барак Кейлы. И так было по всему Гамвику, множество барakov. До тех пор, пока всё не упорядочилось и у людей не появилось достаточно средств для строительства домов.

Б: Вам было 11 лет, когда вы приехали в Гамвик в 1946 году. Когда вы начали рыбачить с лодки?

K: До того, как я стал рыбаком, я много чем занимался. Я немного поработал в дорожном управлении и шесть-семь лет в портовом ведомстве. Я строил причалы. Здесь, в Гамвике, зимой и в Берлевоге летом. Я также участвовал в строительстве туннелей для электростанции в Репвоге.

Я начал рыбачить с лодки в 1959-60. Наши лодки были недостаточно большие, на них нельзя было уйти далеко от берега. Тем не менее, мы отправились на восток, в Вардё, на этих маленьких 20-футовых лодках, которые у нас были. У нас было слишком мало знаний и навыков. В то время у всех была бизань, и ловили на поддев. У берега стояли сотни лодок, и из-за огней и бизаней это было похоже на целый город.

Это продолжалось годами, пока у нас, наконец, не появились настоящие лодки. Мне было уже поздно заводить новую лодку и привыкать к роскоши, здоровье уже было подорвано. У меня начались проблемы с сердцем. Я купил новую хорошую лодку, 42-футовый «Виксунд», но был вынужден прекратить рыбачить по состоянию здоровья. А потом у меня случился инсульт, и меня частично парализовало. Но к тому времени я уже продал лодку.

У меня парализована правая сторона. Но при всей своей немошности я искренне рад, что у меня ясные мысли и что я могу говорить. Я рад, что могу делать то, что могу. А лодку я продал мужчине из Эрнеса или окрестностей. Он рыбачил на ней два года, а потом запутался в сетях, когда ставил их, и пропал в море. Позже его нашли мертвым. Лодка продолжила ход, и её так и не нашли. Вероятно, она шла до тех пор, пока в баках не кончилось горючее.

Я катаюсь на скутере каждый божий день. Четырехколесный электроскутер, который я получил от центра по оказанию помощи Норвежского управления труда и социального обеспечения. За последние три года я проехал почти 4000 километров. Я несколько раз ездил в Сандфьорд, даже в туман. А так я обычно проезжаю по пятнадцать километров в день.

О да, я думаю, всё идет чертовски хорошо. Ко мне утром и вечером приходит помощница по дому. Мне не нужно одеваться. Помощница утром помогает мне одеться, а вечером раздеться. У меня есть ритуал. Когда я выхожу покататься на скутере, я провожу весь день на улице, беру с собой кофе и езжу туда-сюда. Так набегает несколько километров. Потом наступает обед, я такой старомодный, что обедаю в час-два. Мне нужна помощь во всём. Но это как бы становится моей повседневной жизнью. А потом у меня небольшой послеобеденный отдых. Когда я принял все лекарства, то могу выпить бутылочку пива. Я часто так делаю, если погода хорошая. Я наслаждаюсь временем и подгоняю себя. Его у меня осталось немного. Мое тело чувствует это.

Меня интересует всё, что происходит в деревне. У меня был прекрасный разговор с водителем экскаватора, который работает на строительстве нового пирса. Он был готов поговорить и порасспрашивать, конечно. В Гамвике это очень развито, я бы сказал. С нами очень легко завязать разговор. По крайней мере, со мной. Я разговариваю со всеми. И это отчасти потому, что шестьдесят-семьдесят лет тому назад мы все были здесь как одна большая

B: Hva sier du nå om utviklingen i Gamvik?

K: Det ser jo lovende ut. Det må man ta islendingene i hånden for. Hadde ikke de kommet hit så trur jeg ikke det hadde tatt lang tid innen Gamvik var tom for folk. Vi satt jo stort sett ett menneske i hvert hus. Og når vi var døde så ville alle husene stått tomme. At det ikke gikk slik skyldes islendingene. De har større båter og havgående båter, og da må jo havna utvides. Men så er det jo det at når det har gått tretti år, så er det ikke flere gamvikværinger igjen. Det er jo bare russere og polakker og andre utlendinger her. Jeg kjører av og til opp til barnehagen for å se, og der er det for det meste utenlandske unger.

B: Men du vet, da er de blitt gamvikværinger.

K: Ja, da er de gamvikværinger. Ja, sånn blir det. Jeg tenker på en ting til. Det er litt forsmedelig, egentlig, å tenke på at for ikke så veldig lenge siden skulle både barnehagen og skolen nedlegges. Kirka skulle også stenge, for ikke å snakke om at navnet Gamvik skulle vekk. Så det må jo være litt tungt for enkelte og tenke på nå når Gamvik er i vekst. Jeg vet ikke hvordan jeg skal forklare det, men det er jo et lykketreff at de slo seg ned her. Og det er blitt påkostet mange millioner kroner på utvidelsen av havna. Nå kunne også jeg ha vært fisker. Ingen sløying, ingen ting. Det var det vi arbeidet oss ut på, og ligge der med de små båtene og sløye fisken. Du arbeidet deg ut. Det vil jeg påstå, at om høyresida hadde vært i orden [*Knut klapper seg på høyre lår*] så hadde jeg hatt en sjark. Bare for å akklimatisere meg, bare for å ... jeg var inne på den tanken før jeg fikk slag. Jeg har fisket veldig mye på Tana, det var alltid mye fisk på Tanafjorden. Og hatt en båt på sine gamle dager for å kunne lagt seg på Tanafjorden og meditert, det har jeg ofte tenkt på.

B: Når du er så mye ute som du er, hvordan er det om vinteren?

K: Alle spør om det. Kommer du fra fiskebåten så er du så garvet at været gjør meg ingen verdens ting. Jeg har ingen annen forklaring på det. Når man setter line, tjue, tretti stamper, og så i det du begynner å hale inn så kommer det en snøeling med skletta rett i ansiktet ditt, og du kan ikke gjøre annet enn å stå der, ja, da er du så herdet at været ikke lenger gjør meg noe. Det hender at jeg kjører meg fast, men det er ikke ofte. Jeg har veltet noen ganger, og da klarer jeg ikke å reise meg selv. Da må jeg ringe etter hjelp. Det hender også at folk hopper ut av bilen for å hjelpe meg. Det går fint. Det kunne ha gått så mye verre. Jeg har vært dyrisk heldig at jeg kan prate og at hodet fungerer.

B: Din høyre fot er helt lam?

K: Ja, den er helt lam.

B: Og høyre arm?

K: Den også.

B: Kan du ikke løfte den?

K: Jo, jeg kan løfte den litt. Tidligere var den helt lam. Om det er jeg som er tullete eller hva fæn det er for noe, det vet jeg ikke, men jeg kjører altså med denne skuteren. I et par år kjørte jeg hver morgen ut til den gamle flystripa her ute, den er fullstendig overgrodd nå. Jeg kjørte og humpet med et håp om at hånda skulle bli god. Den var tidligere helt lam. Om det er disse turen til flystripa som har gjort at den er blitt litt bedre, det vet jeg ikke. [*Mens han forteller dette griper Knut om den lamme armen med venstre hånd, løfter den og slipper. Ser på meg og nikker fornøyd.*]

hard way of living and making money, I'd say. But I've never regretted being a fisherman. I've been a lucky person, I really have.

B: What do you say about how Gamvik is developing?

K: It really looks promising. We're deeply grateful for the people from Iceland. If they hadn't come here, it wouldn't have taken a long time before Gamvik would have been without people, if you ask me. We were nearly just one person in each house. So after our death, the houses would be empty. Thanks to the Icelanders, this didn't happen. They've got much bigger boats that can go far out in the ocean, and then the harbour had to be expanded. But on the other hand, after the last thirty years there are barely any people left here who have been born in Gamvik. There are just Russian and Polish people, and other foreigners. I sometimes drive up to the kindergarten to have a look. But also there most of the children are foreigners.

B: But you know, then they are Gamvikings.

K: Yes, then they are Gamvikings. That's the way it is. I think about one other thing. It's a bit strange today to think that not long ago both the school and the kindergarten were threatened to be shut down. Even the church was to be closed, and even more – the name Gamvik could have been removed. So perhaps it's a bit hard for some to realize that today Gamvik is growing. I don't know how to explain this, but for us it's a blessing that the Icelanders decided to settle down in Gamvik. And due to these changes many million kroner have been spent on the expansion of the harbour. Now, even I could be a fisherman. No gutting, nothing. That was really the hard work, going out on the ocean with our small boats and doing the gutting. You wearied yourself out. I'd say that if my right side functioned [*Knut taps his right side*], I'd get myself a little fishing boat. Just to... Such thoughts had come to me also before I had the stroke. I did much of my fishing in Tana, there was always plenty of fish in the Tanafiord. Having a boat in the old days, lying in the Tanafiord and meditating, I often think of that.

B: Being so much outdoors as you are, how is it for you in the wintertime?

K: Everybody asks this question. But coming from the fishing boat, you're so hardened that the bad weather means nothing. I've got no other explanation. When you set a longline for fishing, twenty, thirty tubs, and then you start dragging it in, there suddenly comes a snowdrift straight in your face. And you can't do anything else but stand there. Yes, you get so hardened that the weather doesn't mean anything to you. Sometimes I get stuck with my scooter, but that's quite rare. I tip over from time to time, and then I can't get up again. Then I have to call for help. Sometimes people just jump out of their cars to help me. I cope. Things could have been much worse. I've been really lucky that I can talk and my head functions.

B: Is your right foot completely paralyzed?

K: Yes, it is.

B: And your right arm?

K: The same.

B: Can you lift it?

K: Yes, I can lift it a bit. Earlier it was completely paralyzed. Perhaps I'm quite silly or whatever, I don't know, but I do drive this scooter. For a couple of years, I've driven out to the old ambulance airfield every morning. It's completely overgrown now. I've driven and bumped along in the hope that my hand should recover. Before it was completely paralyzed. Perhaps it's these trips to the airfield that have made my hand better, I don't know. [*While telling this, Knut grabs his paralyzed arm with his left hand, lifts it, and lets it go. He nods satisfied.*]

семья. В то время здесь жили только рыбаки. Приезжали ли вы по вечерам в Вардё или куда сейчас сдают рыбу. Да, тогда все со всеми разговаривали. Как будто ты знаешь их очень давно. Если оглянуться назад, то я должен сказать, что это действительно были деньги, заработанные тяжелым трудом. Но я не жалею, что стал рыбаком. Всё сложилось удачно и хорошо. Так и есть.

Б: Что вы сейчас скажете о развитии Гамвика?

К: Выглядит многообещающе. За это надо пожать исландцам руку. Если бы они не пришли сюда, я думаю, Гамвик вскоре опустел бы. В основном в каждом доме живёт по одному человеку. А когда мы умрём, все дома опустеют. Благодаря исландцам этого не случится. Их лодки больше, у них есть морские суда, и гавань нужно расширять для них. Но есть ещё и тот факт, что по прошествии тридцати лет коренных жителей Гамвика уже не осталось. Здесь только русские, поляки и другие иностранцы. Я иногда подъезжаю к детскому саду посмотреть на детей и вижу в основном иностранных малышей.

Б: Но, Вы знаете, они стали жителями Гамвика.

К: Да, они стали жителями Гамвика. Да, так оно и есть. Я думаю ещё об одном. Немного стыдно, что ли, думать, что не так давно и детский сад, и школу должны были закрыть, и церковь закрыть, не говоря уже о том, что и название Гамвик должно было исчезнуть. Поэтому некоторым, должно быть, немного тяжело думать о том, что Гамвик сейчас развивается. Не знаю, как это объяснить, но это счастливая случайность, что они поселились здесь. И многие миллионы крон были потрачены на расширение гавани. Теперь и я мог бы быть рыбаком. Не нужно потрошить, ничего не нужно. А мы это делали, сидели там, в маленьких лодках, и потрошили рыбу. Работали до изнеможения. Вот если бы правый бок был в порядке [*Кнут хлопывает себя по правому бедру*], у меня был бы рыболовный бот. Просто чтобы акклиматизироваться, просто чтобы... я думал об этом до инсульта. Я много рыбачил в Тане, в Танафьорде всегда было много рыбы. Я хотел бы иметь лодку в старости, чтобы прийти в Танафьорд и медитировать, я часто думал об этом.

Б: Когда вы столько времени проводите вне дома, что Вы делаете зимой?

К: Все об этом спрашивают. Если вы рыбачили, то настолько закалены, что погода абсолютно не имеет значения. У меня нет другого объяснения этому. Когда ставишь ярус, двадцать, тридцать бочек, а потом как начинаешь вытягивать, снег хлещет прямо в лицо, и тебе ничего не остается, кроме как стоять, ну а потом ты становишься таким просоленным, что погода уже ничего не значит. Иногда я застреваю, но не часто. Я несколько раз переворачивался, а сам я подняться не могу. Тогда я звоню и зову на помощь. Бывает и так, что люди выпрыгивают из машины, чтобы помочь мне. Всё идет хорошо. Могло бы быть намного хуже. Мне несказанно повезло, что я могу говорить, и что голова работает.

Б: Ваша правая нога полностью парализована?

К: Да, совсем.

Б: А правая рука?

К: Тоже.

Б: Вы можете её поднять?

К: Ну, совсем немного. Раньше она была полностью парализована. То ли это я чокнутый, или не знаю почему, но я езжу на этом скутере. Пару лет я каждое утро ездил на старую взлетно-посадочную полосу, она сейчас совсем заросла. Я ехал и спотыкался с надеждой, что моя рука будет в порядке. Раньше она была совсем парализована. Может быть, эти поездки на взлетно-посадочную полосу немного помогли, я не знаю. [*Говоря это, Knut хватает левой рукой парализованную руку, поднимает её и отпускает. Смотрит на меня и довольно кивает.*]

15-16. juni 2021, Gamvik, av Birger Amundsen

*Ottar er født i Risfjorden
28. mars 1930, en veiløs, trang
fjord rett sør for Gamvik.*

OTTAR

Ottar er på mange måter høvdingen i Gamvik. Han er den eldste i bygda med en hukommelse som dekker stedets historie fra årene før andre verdenskrig fram til i dag. Familien flyttet til Kvalvika/Gamvik i 1933. Han bor i et rødt hus i Strandveien 110. Ottar hadde sju søsken, den første som ble født, ei jente, døde kort tid etter fødselen.

B: Du var ti år da krigen brøt ut. Hva skjedde i Gamvik?

O: Det kom et par gående nedover bakken her. Du ser det lille røde huset. Der bodde han Albert og ho Hilma. Vi bodde i Kvalvika. Æ var på vei til skolen, da kom han Albert ut og ropte, de hadde radio, at «no e det krig i Norge». Enda i dag kjenner æ den følelsen i magen. Vi hadde jo hørt om alt dette med krig, det var jo forferdelig, men vi hadde ikke begreper om hva det betydde. Det fikk man jo senere. Alt dette sitter i minnet. Vi merket ikke så mye til krigen til å begynne med. I 1942 begynte tyskerne å bygge opp anlegget på Varen. Før det kom en av de tyske ingeniørene for å se på området for bygge festningsanlegget, for å beskytte konvoiene. Tyskerne landet ute på Slettnesvegen med et bitte lite fly. De første av de som kom av tyskerne var arbeidsfolk. Så rekvirerte de selvfølgelig alle her i Gamvik som ikke kunne bevise at de drev fiske, for tyskerne var interessert i fisk, selvfølgelig. De kunne rekvireres til å jobbe med festningsanlegget. Det var flere gamvikværinger som jobba med utbyggingen. Utenom de teknikerne så var det artillerister, resten av de folkene som holdt til på Varen. Det var en stående ordre fra han som var sjef om at ingen av de sivile skulle antastes. De skulle hele tiden være et korrekt forhold. Det var jo selvfølgelig oppslag i massevis, at gjør du det og det så blir du skutt og alt mulig sånn, det sto over alt, men, forholdet mellom de fastboende og tyskerne som var stasjonert her det var på en måte et korrekt forhold. Gamvik var den gang et lukket samfunn uten veiforbindelse. Tyskerne brukte hester til transport. Rett her nede var det ei kai som de rekvirete. Og så var det Monskarstua, en liten kåk, der bodde kuskene. En av dem var Max Golcher, en østerriker og en av de yngste, og som vi unger hadde forbindelse med. Jeg tror ikke han var mer enn 17, 18 år gammel. Han kjørte ikke men passet hestene. Det høres idiotisk ut, men, de folkene, mange av dem, de liksom gled inn i samfunnet. På grunn av at Gamvik var så lukket.

15-16 June 2021, Gamvik, by Birger Amundsen

*Ottar was born on 28 March
1930 in Risfjorden, a narrow
fiord without road connection
south of Gamvik.*

OLSEN

In many ways Ottar is considered the chieftain of Gamvik. He is the oldest in the village and his memories cover the history of the place from before the Second World War up to today. His family moved to Kvalvika in Gamvik in 1933. He lives in a red house at Strandveien 110. Ottar had seven siblings, but the first one, a girl, died shortly after birth.

B: You were ten years old when the war started. What happened in Gamvik then?

O: Can you see the little red house? Albert and Hilma lived there, and we lived in Kvalvika. I was on my way to school, when Albert came outside yelling: “Now, there’s war in Norway!” He’d heard it on his radio. Even today I can recall that feeling in my stomach. Of course we’d heard a lot about war before, it was terrible, but we had no understanding of what it really meant. All this came later. It’s stuck in my memory. In Gamvik we didn’t notice so much about the war in the first period. But in 1942, the Germans started building the constructions at Varen. At first, one German engineer came to make investigations in the area for where to build the fortifications to protect the convoys. Then other Germans landed out at Slettnes with a tiny aircraft. The first Germans that arrived were workers. And then of course they demanded that everyone in Gamvik who wasn’t working with fish would come and take part in building the fortifications. There were several from Gamvik who had to do this work. Other Germans that stayed here were technicians, people in the artillery, and a lot more at Varen where the fortifications were built. There was a standing order from the German commander that no civil person should be assaulted. All the time the relations should be formal and correct. There were of course a lot of posters telling if you did this or that, you’d be shot, and similar decrees. The posters were everywhere. But the relations between the locals and the Germans who were here were generally correct. Gamvik was at that time a closed community without any roads out from the village. The Germans used horses for transport. Just down from my house there was a quay that they claimed. And there was also a little cabin “Månedkarstue” where the coachmen lived. One of these was Max Golcher, from Austria and one of the youngest. Also one that we children came into contact with. He didn’t drive the horses but looked after them. Perhaps

15-16 июня 2021, Гамвик, Биргер Амундсен
Оттар Олсен

*Оттар родился в Рисфьорде
28 марта 1930 года, в узком
фьорде без дорог к югу от
Гамвика.*

Оттар во многих отношениях является главой Гамвика. Он самый старый житель деревни и помнит историю этого места ещё до начала Второй мировой войны и до наших дней. Семья переехала в Квалвику/Гамвик в 1933 году. Он живёт в красном доме по адресу Страндвейен 110. У Отара было семь братьев и сестёр. Первая родившаяся девочка умерла вскоре после рождения.

B: Вам было десять лет, когда началась война. Что происходило в Гамвике?

O: Вот здесь с холма спустились двое. Вы видите тот маленький красный домик. Там жили Альберт и Хильма. Мы жили в Квалвике. Я шёл в школу, когда Альберт вышел и крикнул, у них было радио, что «в Норвегии началась война». Даже сегодня я ощущаю это чувство в животе. Мы слышали о том, что такое война, что это ужасно, но понятия не имели, что это значит. Это пришло позже. Всё это в памяти. Сначала мы не придавали войне большого значения. В 1942 году немцы начали строить свои объекты в Варене. Перед этим один из немецких инженеров приезжал осматривать местность для строительства укреплений для защиты конвоев. Немцы сели на Слеттнесвегене на крохотном самолёте. Первыми приехали немецкие рабочие. Потом, конечно, привлекли к работам всех жителей Гамвика, кто не мог доказать, что занимается рыбной ловлей, потому что немцев, конечно, рыба интересовала. Люди были нужны для работы на укреплениях. Строительством занимались несколько жителей Гамвика. Кроме техников, там были артиллеристы и остальные люди из Варена. Был постоянный приказ от командующего, что к гражданским нельзя приставать. Отношение всегда должно было быть корректным. Было, конечно, много плакатов, что если сделаешь то-то и то-то, то тебя расстреляют, и всё в таком духе, это было повсеместно, но отношения между жителями и находившимися здесь немцами были в некотором роде корректными отношениями. Гамвик был тогда закрытым сообществом без дорожного сообщения. Немцы использовали лошадей в качестве транспорта. Вот тут внизу был причал, который они изъяли. А ещё была Монскарстуа, маленькая лачуга, где жили извозчики. Одним из них был Макс Гольхер, австриец и один из самых молодых, с которым мы, дети, общались. Я не думаю, что ему было больше 17-18 лет. Он не ездил, а ухаживал

VILBOR JAO I KRIGEN

Ikke for å skryte, men æ e fra Gamvik

B: Men hendte det at tyskerne skjøt mot fartøy som passerte?
O: Nei. De skjøt to, tre ganger med kanonene på en målski-ve, men de traff aldri. Æ går ut i fra at bakgrunnen var både her og særlig i Kiberg, som var den største tyske befestning-en, at det var for å beskytte konvoiene. Barbarossa lå hele tiden i bakgrunnen.

Operasjon Barbarossa var kodenavn for den tyske invasjonen av Sovjetunionen i juni 1941. «Unternehmen Barbarossa»

Som guttunger visste vi alt som foregikk og snuste også opp alt som skulle foregå. Alle var vi detektiver. Blant annet at han Lillevik, en lokal nazist fra Mehamn, skulle ha hemmelig møte her i Gamvik og hadde leid rom på Voktergården. Det visste vi som guttunger. Vi visste nøyaktig hvem som var der. Og at han ikke fikk respons under møtet. Det var et møte og noen som hadde vært nysgjerrighet for å høre på. En av unguttene på skolen var jaktkamerat med en av tys-kerne. De jaktet mye og han lærte seg tysk, så han snakke perfekt tysk. En annen ting som også var slående, var at her oppe på bakken var det et hus og ei dame. En lørdags kveld hadde hun besøk av fire tyske soldater. De festet, og som hun siden fortalte, så ble tyskerne fulle og gale, løp ut og fyrte av skudd i luften. Det ble slått alarm. De hørte skytingen oppe i Varen. Som guttunger var vi redd for at det ville gå ut over folket. Men det eneste som skjedde var at de fire soldatene ble sendt bort fra Gamvik. Du kan si at æ roseمالer, men det var hvordan vi som unger følte at forholdet til tyskerne var. For de voksne var det nok noe helt annet. Det var selvfølgelig mye vi som unger ikke forsto. Men vi hadde også fått streng beskjed hjemme: Hold kjeft! For det vi ser og hører: Hold kjeft! Da tyskerne drev og flyttet kanonene på plass var alt av mannfolk som kunne krype og gå utkommandert for å hjel-pe til med å hale kanonene og alt utstyret på plass. Det lå to landgangsprammer i bukta. Mens de holdt på kom en gamvikværing ned bakken med en svær sigar i kjeften. Han hadde fått den av en av de tyske sol-datene. Da den tyske sjefen fikk se ham med sigaren tok han ganske enkelt og slo til ham. Du kan jo tenke deg, det var los-set en masse ammunisjon og flere fat med bensin og alt det der og så kommer han gående med en sigar i kjeften. Folk her var kommandert ut for å hjelpe til fordi tyskerne ikke hadde folk nok. Men på lørdagen da avsluttet gamvi-kværingene klokken ett og dro hjem. Det var jo lørdag og da skulle dæm ikke jobbe lenger. Tyskerne ble forbannet, å stoppe arbeidet var ikke snakk om. Vi som var guttunger måtte løpe rundt og varsku at de måtte komme på jobb. Da hadde tyskerne tatt han Oluf som gissel. Hvis dæm ikke kom per omgående tilbake så ville han Oluf bli skutt. Da vi kom rundt og fortalte at dæm måtte komme med en gang ellers så ble han Oluf skutt, så svarte dem: «Nei, skyt han Oluf.»

B: Så kom sommeren og høsten 1944. Da var du blitt 14 år.
O: Ja, da var man blitt voksen. Man ble veldig tidlig voksen.

B: Dere hadde hatt et godt forhold til tyskerne som var stasjonert her. Hva skjedde høsten 1944?
O: Skiftet kom da de som var stasjonert på festningsanlegget var dratt. Tyskerne la ned alt her. Den tyske sjefen uttalte at når de var dratt så måtte innbyggerne passe seg like mye for tyske fly som for engelske. Det passerte engelske fly og rus-siske fly. Engelske fløy så lavt at vi kunne nærmest se ned på flyene. Det ble droppet flyblad. I de flyvebladene, spesi-elt i de russiske, der var det et slags pass slik at vi kunne ha fri ferdsel i Russland. Og blant annet fløy de engelske flye-ne som bombet «Tirpitz» over her.

it sounds a bit idiotic now, but many of those people nearly became a part of our community. I think that was because Gamvik was so isolated back then.

B: Did it happen that the Germans shot at the ships that passed by?
O: They shot two-three times with the canons at a target, but they never hit. I think the reason they were here, as well as in Kiberg which was the greatest fortification, was to protect the convoys. Barbarossa was always on their minds.

Operation Barbarossa (“Unternehmen Barbarossa”) was the code name for the German invasion of the Soviet Union in June 1941.

We kids knew everything that went on, and picked up what was going to happen. We all were detectives. For instance we picked up that Lillevik, a local Nazi member in Mehamn, was going to have a secret meeting in Gamvik and had booked a room at Doktorgården. We kids knew this. We also knew for certain the persons present there. And also that he received no response during the meeting. This was just a gathering and some who were curious met up to listen to him. One of the boys at our school was a hunting mate with one of the Germans. They often went hunting, and he learnt German so well that he spoke nearly perfect. I also remem-ber that up here on the little hill there was a house and a woman. One Saturday evening four German soldiers vis-ited her. They had a great party and, as she later told, the Germans got drunk and crazy, ran out of the house and fired several shots up in the air. They heard the shooting up at Varen and the alarm was given. As kids we were afraid that there would be reprisals against the locals. But the only thing that happened was that the four soldiers were sent away from Gamvik. You may say that I glorify that time, but this was how we children experienced our relations with the Germans then. For the grown-ups it was of course quite different. There were very many things we as children didn’t understand. But we carried with us a strict message from home: Keep your mouth shut about what you see and hear, just shut up! When the Germans were working on placing the canons in their right positions, every man who could walk were sum-moned to help to drag the canons and all the equipment to their proper place. In the bay there were two landing ships. While working on this, a local guy came walking down the hill with a big cigar in his mouth. He’d got it from one of the German soldiers. When the German commander saw him with the cigar, he went up to him and slapped him. You can imagine, they were unloading a lot of ammunition and several barrels with fuel, and he was coming with a cigar in his mouth! The locals were summoned because the Germans didn’t have enough workers, but when Saturday came the locals ended their working day at one o’clock and went home. On Saturdays one wasn’t supposed to work longer. The Germans were furious, nobody should stop working without their consent. We kids had to run around and tell everybody that they had to return to work. The Germans even took Oluf hos-tage and threatened to shoot him if others didn’t come back immediately. When we went around bringing this message, they answered: “Just go on and shoot Oluf.”

B: Then came the summer and autumn of 1944. At that time you were 14 years old.
O: Yes, being 14 one was considered a grown-up. We were grown-ups at an early age.

B: You had a rather good relationship with the Germans who were stationed here. What happened in the autumn 1944?
O: The situation changed when those who were stationed at the fortifications left. The Germans laid down everything. The German commander said that after they’d leave, the locals should fear German aircrafts as much as English ones. We saw both English and Russian aircrafts. The English flew so low that we could nearly peek inside them. They dropped leaflets, especially the Russians, and they were a kind of passport so that we could have free access to Russia. The English aircrafts that bombed the German battleship “Tirpitz” also passed over here.

за лошадьми. Звучит по-идиотски, но эти люди, многие из них, они как бы просочились в общество. Потому что Гамвик был таким закрытым.

Б: А случалось ли, что немцы стреляли по проходящим судам?
О: Нет. Два-три раза стреляли из пушек по цели, но ни разу не попали. Я предполагаю, что укрепления здесь, и особенно в Киберге, где были самые большие немец-кие укрепления, должны были защищать конвои. Опе-рация «Барбаросса» всегда была в уме.

Операция «Барбаросса» была кодовым названием немецкого вторжения в Советский Союз в июне 1941 года. «Unternehmen Barbarossa».

Будучи мальчишками, мы знали всё, что происходит, а также вынюхивали всё, что должно было произойти. Мы все были детективами. Кроме того, Лиллевик, мест-ный нацист из Мехамна, должен был провести тайную встречу здесь, в Гамвике, и снял комнату в Воктергор-дене. Мы, мальчишки, знали об этом. Мы точно знали, кто там был. И что он не получил ответа во время встре-чи. Это была встреча и люди, которых было любопытно подслушивать. Один из мальчиков в школе был товарищем по охоте с од-ним из немцев. Они много охотились, и он выучил не-мецкий, так что он прекрасно говорил по-немецки. Была еще одна поразительная история. Здесь на холме стоял дом, и в нем жила женщина. Однажды субботним вече-ром к ней пришли четверо немецких солдат. Они устро-или вечеринку, и, как она позже рассказывала, немцы напились и разбушевались, выбежали и стали стрелять в воздух. Забили тревогу. В Варене слышали стрельбу, и мы, мальчишки, боялись, что пострадают люди. Но в результате этих четверых солдат всего лишь высла-ли из Гамвика. Вы можете сказать, что я приукрашиваю, но именно так мы, дети, воспринимали отношения с немцами. Для взрос-лых это, наверное, было чем-то совсем иным. Конечно, мы, дети, многого не понимали. Но дома нам строго-на-строго наказывали: «Молчите!» Про то, что мы видели и слышали: «Молчите!» Когда немцы привезли пушки и стали их устанавливать, вызвали всех мужчин, которые могли ползать и ходить, для того чтобы помочь затащить пушки и всё оборудо-вание на место. В бухте находились две десантные баржи. Пока все тащили, с холма спустился житель Гамвика с огромной сигарой во рту. Ему дал её один из немецких солдат. Когда немецкий командир увидел этого мужчи-ну с сигарой, он тут же отнял её и ударил его. Вы може-те себе представить, там выгрузили много боеприпасов и несколько бочек с бензином и всего прочего, а он идет с сигарой во рту. Людям приказали помочь, потому что у немцев не хвата-ло людей. Но в субботу жители Гамвика закончили работу в час дня и разошлись по домам. Была ведь суббота, и они не должны были больше работать. Немцы были в ярости, о прекращении работ не могло быть и речи. Нам, маль-чишкам, приходилось бегать и уговаривать людей вер-нуться на работу. Затем немцы взяли Олуфа в заложники. Они угрожали расстрелять Олуфа, если люди не вернутся немедленно. Когда мы подходили и говорили, что нуж-но немедленно вернуться, иначе Олуфа убьют, они отве-чали: «Нет, пусть Олуфа расстреливают».

Б: Потом было лето и осень 1944 года. К тому времени Вам было 14 лет.
О: Да, тогда я был уже взрослым. Тогда очень рано взро-слели.

Б: У Вас были хорошие отношения с немцами, которые были здесь расквартированы. Что произошло осенью 1944 года?
О: Всё изменилось, когда те, кто базировался в укрепле-ниях, ушли. Немцы всё тут снесли. Немецкий коман-дующий заявил, что когда они уйдут, жители должны опасаться и немцев, и англичан. Пролетали английские и русские самолеты. Английские пролетали так низко, что мы практически могли смотреть на них сверху вниз. Сбрасывали листовки. В листовках, особенно в русских, был своего рода паспорт, чтобы мы могли свободно пе-редвигаться в России. А также здесь пролетали англий-ские самолеты, бомбившие «Тирпиц».

Vi så når Berlevåg ble brent. Alle var klar over at de kom til å brenne her også. Min mor ble sendt bortover til han som var klokker med beskjed om at han måtte berge kirkesølvvet. Klokkeren svarte at det bare var tull, at tyskerne ikke kom til å brenne kirka. For den hadde de jo selv brukt. Folk var begynnte å grave ned og gjemme bort saker fra husene. Det var marinefolk som sto for brenningen. Det var en helt annet type soldater som ingen hadde noen kontakt med. De var utkommandert og med ordre fra høyeste hold: Her skal ingen hensyn tas. Vi dro innover landet og tilbrakte den første natten i en hule i Storvika. Det var november måned med gamle folk og syke folk. Ingen ville evakueres sørover.

B: Gamvik ble brent i november 1944?

O: Ja, og ingen trodde at det skulle bli noe mer. Men så kom tyskerne igjen andre gangen da, i desember. Og da var det en vaktstyrke her som varslet slik at folk kunne komme seg unna. Da regnet folk med at det var slutt, men så kom tyskerne tilbake for tredje gang 19. desember. Og da utslettet de alt, rubb og rake. Og da var det ingen mulighet å bli her. Jeg husker at de voksne diskuterte dette. Det kom båter og hentet folk og tok de med østover. Det som vi hadde igjen av sauer ble kakkert i hodet og slaktet. Så bestemte de voksne at vi skulle være med østover. Vi havnet i Kiberg. Så livet gikk på en måte, og ut på våren kom båtene i drift, så fiskekjøpet kom i gang. Æ jobbet på fiskebruket i Kiberg og livet gikk sin gang. I Kiberg sto den største tyske festningen i Nord-Norge og det var kun de tre største kanonene som sluttstykket ikke var sprengt på. Ellers sto hele festningen. Og alle bunkerse- ne med alt mulig av utstyr som tilhørte festningen sto uten tilsyn. I ettertid har æ tenkt, hvordan i videste verden hvor ble det av myndighetene. Det vi ungene lette etter var lysku- ler. Signallys. Og vi fant en mengde. Folk påsto at det var ungene i Kiberg som holdt de tyske ubåtene unna. For vi skjøt hver dag.

B: Det gikk med noen fingre og hender?

O: En gutt mistet to fingre. En mistet en fot og en annen mistet et øye. Æ ble kjent med det som var av håndgranater, skaftgranater, eplehåndgranater, sjokkgranater og lysgra- nater. Det eneste vi ikke fikk til å smelle, heldigvis, det var bombekastergranatene.

Ottar og hans yngre bror kastet fem skaftgranater i en haug med tomflasker i de ødelagte brakkene. Da de rotet rundt i glasset etterpå fant de en vase av løvtynt glass som ikke var blitt ødelagt. Ottar tok den med hjem og hadde den stående i Risfjorden i mange år, inntil noen glemte vann i den. Som førte til at den sprengtes i stykker da frosten satte inn.

We all saw when Berlevåg was set aflame. Everybody was aware that they'd burn Gamvik as well. My mother was sent to the parish clerk to tell him that he should save the silver from the church. The parish clerk said that this was non- sense and the Germans would not burn down the church they had used themselves. But the locals started digging down and hiding stuff from their houses. The Germans who were responsible for the burning were navy people. They were quite another kind of soldiers who nobody was in contact with. They were summoned and given the orders from the top level that no consideration was to be taken. We left our home and spent the first night in a cave in the Storvika bay. This was in November and many old and ill people were part of this. No one wanted to be evacuated to the south.

B: Gamvik was burnt down in November 1944?

O: Yes, nobody thought that something more would hap- pen. But then, the Germans returned for the second time in December. At that time we had some men who kept guard and could warn others so that they could escape. Afterwards people thought that they were safe, but then the Germans returned for the third time on December 19. This time they wiped out everything, nothing was left. There was no longer a possibility to stay on. I remember that the grown-ups were discussing the situation. Boats came to Gamvik to fetch people and take them eastwards. What we had left of sheep were hit on the head and slaughtered. Then the grown-ups decided that we also would go eastwards. We ended up in Kiberg. Our life went on in a way, in spring- time the boats started fishing and we could sell the fish again. I worked at the fish factory in Kiberg, and life was nearly back to normal. Kiberg was the place where the greatest German fortification in Northern Norway was situated. When we stayed there, only the three biggest canons hadn't had their bolts blown away. But the rest of the fortification was intact. And all the bunkers with all kinds of equipment that belonged to the fortifications stood there without any supervision. Later I've often wondered where in the world the authorities were then. We children searched for ammunition and flares. And we found a lot of them. People claimed that it was the children in Kiberg that kept the submarines away. Because we were shooting every day.

B: Did anyone lose fingers or hands?

O: There was a boy that lost two fingers. One lost a foot, and another one lost an eye. I learned to know all types of hand grenades, stick grenades and smoke grenades. The only ones that we weren't able to explode, fortunately, were the mortar bombs.

Ottar and his younger brother threw five stick grenades into a heap of empty bottles at one of the destroyed barracks. When they searched around in the glass afterwards, they found a vase of extremely thin glass that wasn't broken. Ottar brought it home and had it for many years in Risfjorden, until someone forgot that there was water in it. This resulted in its destruction when the frost came.

Мы видели, как горел Берлевог. Все знали, что и здесь всё сожгут. Мою мать послали к звонарю сказать, что- бы он спас церковное серебро. Звонарь ответил, что это всё ерунда и немцы не сожгут церковь. Потому что они сами ходят в церковь. Люди начали закапывать и пря- тать вещи из домов. Виновниками поджога были моря- ки. Это были совсем другие солдаты, с которыми никто не контактировал. Они были командированы с прика- зом самого высокого уровня: и тогда ничего не прини- малось во внимание. Мы пошли вглубь страны и провели первую ночь в пеще- ре в Сторвике. На дворе был ноябрь, шли старики и боль- ные. Никто не хотел эвакуироваться на юг.

Б: Гамвик сожгли в ноябре 1944 года?

O: Да, и никто не думал, что случится что-то ещё. Но нем- цы пришли во второй раз, в декабре. А потом здесь была охрана, которая предупредила, чтобы люди уходили. Тог- да люди подумали, что всё кончено, но 19 декабря нем- цы вернулись в третий раз. На этот раз они уничтожили всё, всё подчистую. И тогда оставаться здесь стало невоз- можно. Я помню, как взрослые обсуждали это. Подошли лодки, выбрали людей и отвезли на восток. Оставших- ся овец оглушили и зарезали. Тогда взрослые решили, что и мы тоже поедem на восток. Мы оказались в Киберге, так что жизнь пошла своим че- редом, а весной начался лов и закупка рыбы. Я работал на рыбозаводе в Киберге, жизнь продолжалась. В Киберге были самые большие немецкие укрепления на севере Норвегии, и три самые большие пушки не были взорваны. Уцелели и сами укрепления. И все бункеры разнообразными боеприпасами, которые там были, оста- лись без присмотра. Оглядываясь назад, я думаю о том, где только тогда были власти. Мы, дети, искали освети- тельные ракеты. Сигнальные ракеты. И мы находили их в больших количествах. Люди утверждали, что это дети из Киберга не давали немцам подводным лодкам по- дойти к берегу. Потому что мы стреляли каждый день.

Б: А как же пальцы и руки?

O: Один мальчик потерял два пальца. Еще одному ото- рвало ногу, а другому выбило глаз. Я узнал, что такое «лимонки», ручные, бутылочные, бронебойные и зажи- гательные гранаты. К счастью, единственное, что нам не удалось взорвать, так это гранаты для гранатомета.

Ottar и его младший брат бросили пять бутылочных гра- нат в грудy пустых бутылок в разрушенных казармах. Ког- да они потом рылись в стекле, то нашли целую вазу из очень тонкого стекла. Ottar забрал ее домой, и она много лет стояла у него дома в Рисфьорде, пока кто-то не забыл в ней воду. В результате она лопнула на мелкие кусочки, когда на- ступили морозы.

—
*IKKE FOR Å
SKRYTE, MEN Æ E
FRA GAMVIK*

—
*NOT TO BRAG,
BUT I AM
FROM GAMVIK*

—
*НЕ БУДУ
ХВАСТАТЬСЯ, НО
Я ИЗ ГАМБИКА*

—

photobooks.pl

portal polskich publikacji fotograficznych

Autor: **Michał Siarek**
Tytuł: ***Not to brag, but I'm from Gamvik***

Projekt realizowany przez Fundację unContemporary – uncontemporary.pl

Od grudnia 2024 publikacja dostępna na licencji **CC BY-NC-ND 4.0**
(Uznanie autorstwa-Użycie niekomercyjne-Bez utworów zależnych 4.0,
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.pl>)

Wolno ci:

Dzielenie się — kopiuj i rozpowszechniaj utwór w dowolnym medium i formie

Na następujących warunkach:

Uznanie autorstwa — Utwór należy odpowiednio oznaczyć, podać link do licencji i wskazać jeśli zostały dokonane w nim zmiany. Możesz to zrobić w dowolny, rozsądny sposób, o ile nie sugeruje to udzielania przez licencjodawcę poparcia dla Ciebie lub sposobu, w jaki wykorzystujesz ten utwór.

Użycie niekomercyjne — Nie należy wykorzystywać utworu do celów komercyjnych

Bez utworów zależnych — Remiksując, przetwarzając lub tworząc na podstawie utworu, nie wolno rozpowszechniać zmodyfikowanych treści.

photobooks.pl

portal of polish photographic publications

Author: **Michał Siarek**
Title: ***Not to brag, but I'm from Gamvik***

Project implemented by unContemporary Foundation - uncontemporary.pl

From December 2024 publication available under **CC BY-NC-ND 4.0 license**,
(Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0,
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

Under the following terms:

Attribution — You must give appropriate credit , provide a link to the license, and indicate if changes were made . You may do so in any reasonable manner, but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.

NonCommercial — You may not use the material for commercial purposes .

NoDerivatives — If you remix, transform, or build upon the material, you may not distribute the modified material.

Rzeczpospolita
Polska

Sfinansowane przez
Unię Europejską
NextGenerationEU

